СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 11.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

ВЪ 1895 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1897.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1895 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Ордин. акад. **А. О. Бычковымъ.**

Въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности предстояло присужденіе Ломоносовской преміи, на соисканіе которой поступило нѣсколько сочиненій. Комиссія, образованная изъ академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Шахматова остановила свое вниманіе на сочиненіи Г. К. Ульянова: «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» и просила профессора Имп. Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова дать о немъ отзывъ.

Профессоръ Имп. Варшавскаго университета Г. К. Ульяновъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность первымъ трудомъ своимъ, изданнымъ въ 1888 году и озаглавленнымъ: «Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ». Въ этомъ сочиненіи г. Ульяновъ опредѣлялъ образованія старо-славянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ основами неопредѣленнаго наклоненія.

Настоящее изслѣдованіе г. Ульянова, посвященное разработкѣ вопроса о значеніяхъ глагольныхъ основъ, обозначающихъ различія по залогамъ и различія по видамъ, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Въ первой работѣ своей авторъ могъ найти

въ лингвистической литературѣ указанія на методы изслѣдованія, могъ встрѣтиться съ трудами, преслѣдовавшими однородныя съ нимъ задачи, могъ, наконецъ, найти подборъ необходимаго матеріала. Но настоящее сочиненіе автора, представленное имъ на соисканіе Ломоносовской преміи, посвящено совершенно еще нетронутой области—изслѣдованію о видахъ и залогахъ. По указанію почтеннаго рецензента не только значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значенія основъ въ формахъ словъ остается пока не разработанною въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Обиліе привлеченнаго къ изслѣдованію матеріала, отличное знакомство съ лингвистическою литературою и строгій критическій анализъ явленій дали возможность профессору Ульянову прійти въ своемъ изслѣдованіи къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся значенія глагольныхъ основъ не только въ литовско-славянскомъ языкѣ, но и въ индо-европейскомъ пра-языкѣ; большинство этихъ выводовъ является, по словамъ рецензента, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Хотя изслѣдованіе г. Ульянова и вызвало не мало замѣчаній и возраженій со стороны профессора Фортунатова, изложенныхъ въ его рецензіи, но онъ самъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что при разработкѣ не легкой задачи, избранной г. Ульяновымъ, избѣжать неточностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва ли было возможно въ настоящее время.

По выслушаніи рецензіи и мнѣнія Комиссіи Второе Отдѣленіе единогласно признало трудъ проф. Ульянова, какъ имѣющій важное научное значеніе, заслуживающимъ награжденія Ломоносовскою преміею.

Разборъ сочиненія **Г. К. Ульянова**: Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть: Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. Стр. 4, V, 306 и V. II часть: Основы, обозначающія различія по видамъ. Варшава. 1895. Стр. IV, 341 и VIII.

Изслѣдованіе проф. Ульянова «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» по самому содержанію должно занимать выдающееся мѣсто въ современной лингвистической литературѣ: не только значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значеній основъ въ формахъ словъ остается пока неразработанною въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ, такъ что разсматриваемое сочиненіе является едва-ли не первою подробною монографіею въ этомъ важномъ отдѣлѣ сравнительной грамматики. Новый трудъ проф. Ульянова тѣсно связанъ съ его изслѣдованіемъ «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ» (Варшава. 1888.); тамъ онъ опредѣлялъ образованія старославянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ извѣстными основами инфинитива, а здѣсь, въ новомъ своемъ сочиненіи, авторъ останавливается на

значеніяхъ тѣхъ-же основъ, при чемъ изъ балтійскихъ языковъ онъ беретъ здѣсь, кромѣ литовскаго, также и латышскій языкъ, главнымъ образомъ для провѣрки и дополненія фактовъ, извлекаемыхъ изъ литовскаго языка, а изъ славянскихъ языковъ входятъ въ это изслѣдованіе, кромѣ старославянскаго языка, также сербскій, польскій и русскій языки, частью же, въ отдѣльныхъ случаяхъ, авторъ обращается и къ другимъ славянскимъ языкамъ. «Ограничивая матеріалъ для изслѣдованія», говоритъ проф. Ульяновъ въ предисловіи къ первой части (стр. IV), «я сводилъ свою задачу къ тому, чтобы выдѣлить лишь тѣ общія значенія глагольныхъ основъ, которыя и при такомъ ограниченномъ сравненіи могутъ быть объясняемы только какъ факты, существовавшіе уже въ общемъ литовско-славянскомъ языкѣ. Слѣдовательно, настоящее сочиненіе представляетъ въ себѣ лишь общій очеркъ значеній глагольныхъ основъ литовско-славянскаго языка; я не задавался цѣлью ни опредѣлить *всѣ* значенія глагольныхъ основъ этого общаго языка, ни описать подробно *развитіе* первоначальныхъ значеній въ отдѣльныхъ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ». Затѣмъ авторъ разъясняетъ въ предисловіи, что «основной пунктъ, съ котораго» онъ отправляется въ этомъ изслѣдованіи, есть «чередованіе различныхъ формъ основъ въ одномъ и томъ-же глаголѣ», т. е. чередованіе различныхъ основъ, образуемыхъ отъ одной и той-же основы, и показываетъ на примѣрахъ, что именно два рода чередованія глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ составляютъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія: во-первыхъ, то чередованіе основъ, съ которымъ соединяется, по мнѣнію автора, «различіе по залогамъ», напр. въ литовск. kalù, kálti «ковать» и kaliù, 3 л. kãli, kalė́ti «быть закованнымъ, сидѣть въ темницѣ» или напр. въ старослав. важеть (вазати) и вазить, вазѣти; во-вторыхъ, чередованія, при которыхъ являются различія глаголовъ по видамъ, напр. въ старослав. мететь и (въ-)мѣтаѥть, а также напр. въ растеть и въздрастеть. Хотя проф. Ульяновъ вообще ограничиваетъ свою задачу опредѣленіемъ только фактовъ литовско-сла-

вянскаго языка, тѣмъ не менѣе, однако, тамъ, гдѣ позволяютъ существующія пособія и собранный имъ самимъ матеріалъ изъ текстовъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, онъ идетъ и дальше и возводитъ факты литовско-славянскаго языка, «съ извѣстными предосторожностями», къ болѣе древней эпохѣ, т. е. къ эпохѣ общаго индоевропейскаго языка; правда, авторъ скромно замѣчаетъ въ предисловіи, что придаетъ такимъ общимъ выводамъ «лишь относительное и временное значеніе», но въ дѣйствительности и эти выводы заключаютъ въ себѣ кое-что, имѣющее, я думаю, не одно только временное значеніе.

Уже при первомъ, общемъ знакомствѣ съ обѣими частями новаго сочиненія проф. Ульянова не трудно замѣтить два достоинства въ этомъ трудѣ: обиліе матеріала и постоянную работу мысли автора, вполнѣ знакомаго съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ, а при этихъ данныхъ изслѣдованіе въ области новой, почти нетронутой до сихъ поръ, не можетъ не быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки, хотя бы многія соображенія автора представлялись спорными или частью невѣрными. Признавая очень важными нѣкоторые выводы автора, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу въ сочиненіи проф. Ульянова не мало и такихъ пунктовъ, гдѣ не могу согласиться со взглядами автора, какъ покажетъ этотъ разборъ. Совершенно понятно, однако, что при изслѣдованіи тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ автора, избѣжать неясностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва-ли возможно въ настоящее время; самое опредѣленіе истинныхъ, дѣйствительныхъ значеній въ грамматическихъ фактахъ языка, при существующемъ положеніи этихъ вопросовъ, — задача часто не легкая, хотя и настоятельно необходимая, конечно. Авторъ самъ очень хорошо сознаётъ, какъ легко ошибиться при опредѣленіи значеній грамматическихъ фактовъ, и добросовѣстно исправляетъ во второй части изслѣдованія нѣкоторыя объясненія, предложенныя имъ въ первой части. Не можетъ и рецензентъ не сознавать того, что и въ его возраженіяхъ авторъ откроетъ ошибочные взгляды, но если только въ случаяхъ этого рода поводъ для

возраженій даетъ тѣмъ не менѣе самъ авторъ, своими недостаточно обоснованными или неудовлетворительно разъясненными положеніями, то возраженія все-таки будутъ сдѣланы не напрасно и вполнѣ достигнутъ той цѣли, какую имѣетъ въ виду рецензентъ, какъ скоро вызовутъ новое, болѣе обстоятельное изложеніе оспариваемыхъ взглядовъ.

I.

Первая часть изслѣдованія проф. Ульянова имѣетъ свое особое заглавіе: «Основы, обозначающія различія по залогамъ». Здѣсь въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ основы балтійскихъ языковъ и на страницахъ 2—33 даетъ длинный рядъ примѣровъ, собранныхъ изъ различныхъ текстовъ, для чередованія литовскихъ и латышскихъ основъ извѣстнаго образованія съ другими основами. Этотъ рядъ примѣровъ показываетъ, по словамъ автора, «что въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ существуютъ (въ глаголахъ) особаго рода производныя основы съ суффиксами *i* : *ē* : *ā* [1]), которыя находятся въ опредѣленномъ соотношеніи по значенію съ извѣстными непроизводными основами» (стр. 33). Надо замѣтить, что здѣсь и вообще въ этомъ изслѣдованіи подъ непроизводными основами глаголовъ проф. Ульяновъ понимаетъ почему-то основы такъ-называемыхъ непроизводныхъ глаголовъ, т. е. тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ непроизводную основу инфинитива, хотя бы въ настоящемъ времени эти глаголы представляли такого-же рода производныя основы, какъ и тѣ основы на *i* (въ настоящемъ времени), которыя и авторъ называетъ производными; поэтому неточное выраженіе автора «непроизводныя основы» я замѣняю въ своемъ раз-

1) Т. е. литовск. *i* : *ė* : *o*.

борѣ словами «основы непроизводныхъ глаголовъ». Затѣмъ, на основаніи значеній глаголовъ въ приведенныхъ примѣрахъ чередованія основъ, авторъ выставляетъ такое положеніе «для языковъ литовскаго и латышскаго и, слѣдовательно, для языка общебалтійскаго: *основы на i : ē : ā являются словообразовательными формами, различающими глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія*» (стр. 35). Это опредѣленіе является во всякомъ случаѣ неполнымъ, такъ какъ въ немъ не указано, какое именно отношеніе между состояніемъ и дѣйствіемъ обозначается при посредствѣ такихъ словообразовательныхъ формъ. Проф. Ульяновъ и самъ находитъ данное опредѣленіе значеній этихъ балтійскихъ основъ неполнымъ, но съ другой стороны: онъ думаетъ, что эти основы должны быть разсматриваемы и по отношенію къ синтактическому употребленію формъ, образованныхъ отъ нихъ, такъ какъ, говоритъ авторъ, «значенія глагольныхъ основъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ опредѣляются вообще или по отношенію къ реальнымъ значеніямъ [1]) глаголовъ, или по отноше-

---

1) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ говоритъ, что онъ употребляетъ терминъ «реальное» значеніе слова, въ отличіе отъ «формальнаго», «въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему (имъ?) проф. Фортунатовъ», при чемъ онъ имѣетъ въ виду мои университетскія лекціи начала восьмидесятыхъ годовъ. Слѣдовало бы, думаю я, пояснить для читателей эти термины, такъ какъ мои лекціи не были напечатаны, да и для меня лично такое разъясненіе было бы не лишнимъ вслѣдствіе того, что отъ реальнаго и формальнаго значеній авторъ какъ-то отличаетъ далѣе еще «неформальное» значеніе (см. главнымъ образомъ I, 295). Мое опредѣленіе реальнаго и формальнаго значеній словъ было слѣдующее: реальнымъ значеніемъ слова я называлъ значеніе принадлежащее слову какъ знаку предмета мысли, а формальное значеніе слова я опредѣлялъ по отношенію къ тому именно, что въ словахъ, имѣющихъ формы, этими формами обозначаются различія и между самими словами какъ между различнаго рода знаками предметовъ мысли. Терминъ «формальное значеніе» въ такомъ смыслѣ кажется мнѣ теперь неудачнымъ, такъ какъ тотъ-же терминъ въ принятомъ употребленіи имѣетъ и другой смыслъ (формальнымъ значеніемъ называютъ значеніе видоизмѣняющее собою другія значенія, а такое формальное значеніе существуетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ формы въ самихъ словахъ); поэтому я называю теперь «словеснымъ значеніемъ» ту сторону значенія словъ, имѣющихъ формы, которая является въ томъ, что въ данныхъ словахъ обозначены ихъ формами различія между самими словами. Подобнымъ-

нію къ синтаксическому употребленію формъ, образованныхъ отъ данныхъ основъ» (стр. 34). Это общее разсужденіе автора заключаетъ въ себѣ, мнѣ кажется, какое-то недоразумѣніе. Въ формахъ словъ различаются по значеніямъ, какъ извѣстно, два класса: формы словообразовательныя (будутъ ли онѣ по образованію формами основъ, или формами цѣлыхъ словъ) и формы словоизмѣненія; первыя принадлежатъ словамъ какъ отдѣльнымъ знакамъ предметовъ мысли, а вторыя существуютъ въ словахъ (въ знакахъ) какъ въ частяхъ предложенія и, слѣдовательно, какъ въ частяхъ словосочетанія, поскольку предложеніемъ является словосочетаніе. Значенія какихъ бы то ни было словообразовательныхъ формъ не опредѣляются поэтому изъ значеній формъ словоизмѣненія въ тѣхъ-же словахъ, точно такъ-же какъ и наоборотъ, значенія формъ словоизмѣненія могутъ быть опредѣляемы только изъ самихъ этихъ формъ, а не изъ словообразовательныхъ формъ тѣхъ-же словъ. Съ этимъ взаимнымъ от-

---

же образомъ и по отношенію къ формамъ словъ надо различать въ одной и той-же формѣ двоякаго рода значеніе: реальное и словесное, т. е., во-первыхъ, обозначеніе въ формѣ извѣстнаго различія по отношенію къ предметамъ мысли, обозначаемымъ данными словами, и, во-вторыхъ, обозначеніе въ формѣ различія между самими словами, получающими формы. Затѣмъ въ словахъ, имѣющихъ формы, помимо различія между реальнымъ и словеснымъ значеніемъ, существуетъ и другаго рода различіе, въ самомъ реальномъ значеніи, а именно здѣсь различаются значеніе, принадлежащее такому слову независимо отъ формы (данное въ основѣ формы), и значеніе, вносимое въ слово формою. Послѣдняго рода значеніе слова называютъ (по крайней мѣрѣ, между прочимъ) грамматическомъ значеніемъ слова, и, соотвѣтственно съ этимъ, значеніе перваго рода можетъ быть называемо неграмматическимъ значеніемъ слова. Терминъ «грамматическое значеніе» употребляется и по отношенію къ извѣстному реальному значенію формъ словъ (напр. когда говорятъ, что такіе-то индоевропейскіе падежи имѣли только грамматическое значеніе), а именно грамматическимъ значеніемъ формы называютъ такое значеніе, при которомъ въ данныхъ предметахъ мысли различаются классы, образуемые грамматическими классами словъ, обозначающихъ эти предметы мысли; напр. значеніе формы рода въ прилагательныхъ именахъ есть значеніе грамматическое въ этомъ смыслѣ, такъ какъ этою формою рода различаются въ самостоятельныхъ предметахъ мысли, обозначенныхъ существительными именами, такіе классы, которые образуются извѣстными грамматическими классами именъ существительныхъ.

ношеніемъ тѣхъ и другихъ формъ въ словахъ не слѣдуетъ смѣшивать, конечно, тотъ фактъ, что значеніе извѣстной формы словъ (будетъ ли то форма словообразованія, или форма словоизмѣненія) можетъ не допускаться извѣстнымъ значеніемъ основъ, хотя самыя слова съ такими основами въ другихъ отношеніяхъ однородны со словами, получающими данную форму; напр. въ глаголѣ значеніе формы недлительнаго вида въ основѣ не допускаетъ сочетанія съ значеніемъ формы praesens'a какъ дѣйствительнаго настоящаго времени или напр. въ существительныхъ именахъ извѣстное значеніе основы можетъ не допускать сочетанія съ значеніемъ формы (словообразовательной) множественнаго числа. Проф. Ульяновъ думаетъ, однако, что разсматриваемыя имъ словообразовательныя формы глагольныхъ основъ, различающія глаголы состоянія и дѣйствія, вносятъ извѣстныя различія въ значенія формъ словоизмѣненія глагола, именно въ формы лица (формы сказуемости глагола, т. е. времени и наклоненія, авторъ оставляетъ въ сторонѣ). Я приведу здѣсь все разсужденіе проф. Ульянова по этому поводу, такъ какъ оно является существенно важнымъ для опредѣленія взгляда автора на тѣ формы дѣйствительнаго и средняго залога, о которыхъ онъ постоянно говоритъ въ этой книгѣ.

«Глагольныя формы», говоритъ авторъ, «обозначая формальное отношеніе глагола къ другимъ словамъ, своимъ существованіемъ даютъ возможность различать и неформальное отношеніе признака, выражаемаго глаголомъ, къ субъекту» [1]) (т. е. къ

---

1) Правильнѣе было бы, конечно, дать такое опредѣленіе личнымъ формамъ глагола: эти формы, обозначая отношеніе признака, обозначаемаго глагольною основою, къ извѣстному субъекту признака, по этому самому обозначаютъ и отношеніе глагола къ другому слову, которымъ обозначается въ словосочетаніи данный субъектъ признака, хотя формы лица могутъ принадлежать глаголу и не въ словосочетаніи, при чемъ данный субъектъ признака не обозначается отдѣльнымъ словомъ въ предложеніи, но является обозначеннымъ, хотя и не полно, въ самой формѣ лица (таковы формы 1-го и 2-го лица въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ, таковы же формы 2-го лица повелительнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ).

субъекту признака); «какого рода это неформальное отношеніе признака къ субъекту, глагольныя формы сами по себѣ не могутъ обозначать; но, по моему мнѣнію, какъ скоро въ основахъ, отъ которыхъ производятся глагольныя формы, являются извѣстныя различія по отношенію къ реальнымъ значеніямъ глаголовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность и въ глагольныхъ формахъ различать опредѣленно неформальныя отношенія признака къ субъекту. Мы уже видѣли, что въ общебалтійскомъ языкѣ глаголы по своимъ реальнымъ значеніямъ извѣстными формами основъ различались на глаголы дѣйствія и глаголы состоянія; но такъ какъ эти различныя основы являлись въ общебалтійскомъ основами глагольныхъ формъ, то и глагольныя формы получали отсюда возможность различать неформальныя отношенія признака къ субъекту: формы отъ основъ непроизводныхъ обозначали, что признакъ выражаемый глаголомъ *производится субъектомъ;* формы отъ основъ производныхъ обозначали, что признакъ въ сочетаніи съ субъектомъ *происходитъ* или *существуетъ*. Такое различіе глагольныхъ формъ по ихъ неформальнымъ значеніямъ есть различіе по *залогамъ;* такимъ образомъ для общебалтійскаго языка я принимаю различіе между двумя залогами: *дѣйствительнымъ* (activum) и *среднимъ* (neutrum); въ значеніи дѣйствительнаго залога употреблялись формы отъ непроизводныхъ основъ, обозначавшія, что признакъ производится субъектомъ; въ значеніи средняго залога употреблялись формы отъ извѣстныхъ производныхъ основъ, обозначавшія, что признакъ въ сочетаніи съ субъектомъ происходитъ или существуетъ» (стр. 44—46).

Итакъ, оставляя въ сторонѣ въ этомъ разсужденіи неясность выраженій «формальное отношеніе», «неформальныя отношенія», мы видимъ, что по мнѣнію автора глагольныя формы лица въ соединеніи съ основами, обозначающими при посредствѣ извѣстныхъ формъ различіе между дѣйствіями и состояніями, получаютъ новыя значенія, не принадлежащія личнымъ формамъ самимъ по себѣ, равно какъ не принадлежащія и формамъ основъ

самимъ по себѣ, вслѣдствіе чего и такія формы основъ по отношенію къ сочетанію съ личными формами глагола являются съ извѣстными новыми значеніями. Но въ дѣйствительности этого, конечно, нѣтъ: значенія, которыя находитъ авторъ въ глагольныхъ формахъ отъ основъ, различающихъ глаголы дѣйствія и состоянія, должны заключаться уже въ самихъ этихъ основахъ, такъ какъ вѣдь различіе между признакомъ-дѣйствіемъ и признакомъ-состояніемъ есть то-же самое, что различіе между признакомъ, который производится субъектомъ, и признакомъ, который происходитъ, существуетъ въ субъектѣ. Глагольныя основы по ихъ неграмматическому значенію, независимо отъ того, имѣютъ ли онѣ какія нибудь формы, или нѣтъ, обозначаютъ признаки въ ихъ временномъ отношеніи къ субъектамъ признаковъ, т. е. въ ихъ возникающей во времени связи съ субъектами признаковъ, при чемъ именно по отношенію къ образованію этой связи признака съ субъектомъ различаются въ такихъ признакахъ дѣйствія и состоянія. Если глагольныя основы заключаютъ въ себѣ формы, обозначающія въ данныхъ признакахъ различіе между дѣйствіями и состояніями (какъ предполагаетъ проф. Ульяновъ относительно чередованія извѣстныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ), эти формы обозначаютъ, слѣдовательно, сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ формамъ словоизмѣненія глагола, различіе между признаками, которые производятся субъектами этихъ признаковъ, и признаками, которые происходятъ въ субъектахъ, хотя при этомъ самые субъекты признаковъ этими формами не обозначаются; формы лица въ глаголѣ сами по себѣ обозначаютъ извѣстныя различія въ субъектахъ тѣхъ признаковъ, какіе обозначаются глагольными основами въ ихъ возникающей во времени связи съ какими бы то ни было субъектами, но при этомъ формы лица не вносятъ обозначенія какого нибудь различія въ отношеніе, существующее между признакомъ и его субъектомъ. Слѣдовательно, въ глагольныхъ формахъ отъ основъ, заключающихъ въ себѣ словообразовательныя формы глаголовъ дѣйствія и состоянія,

не могутъ быть различаемы тѣ залоги, о которыхъ говоритъ авторъ, какъ особыя формы глаголовъ, не тождественныя съ формами основъ.

При опредѣленіи формъ дѣйствительнаго и средняго залога въ личныхъ формахъ глагола въ балтійскихъ языкахъ проф. Ульяновъ не упоминаетъ о причастіяхъ и потому даетъ поводъ думать, что формы такихъ залоговъ составляютъ, по мнѣнію автора, отличіе глагола въ личныхъ формахъ отъ причастій. Впослѣдствіи, возвращаясь къ опредѣленію формъ дѣйствительнаго и средняго залога по поводу нѣкоторыхъ фактовъ общаго индоевропейскаго языка, авторъ, дѣйствительно, говоритъ, что въ причастіяхъ значеніе отношенія признака къ субъекту «не есть ихъ собственное значеніе» и «можетъ являться въ нихъ лишь по связи съ личными формами, т. е. это значеніе въ причастіяхъ есть такое же вторичное, какъ и значеніе времени, напр., въ греческихъ причастіяхъ» (стр. 296). Поэтому формы «дѣйствительнаго и средняго залога» въ причастіяхъ (а эти залоги въ личныхъ формахъ глагола опредѣляются на стр. 297 какъ обозначающіе «родъ отношенія признака къ субъекту») должны быть однородны на взглядъ проф. Ульянова съ формами времени причастій, по однородному отношенію тѣхъ и другихъ къ формамъ залога и времени въ глаголахъ съ личными формами. Но вѣдь формы времени причастій отличаются по самому значенію отъ формъ времени въ собственныхъ глаголахъ (т. е. въ глаголахъ съ личными формами): формы времени въ причастіяхъ обозначаютъ отношеніе времени сочетанія даннаго признака съ его субъектомъ къ тому времени, которое обозначается въ предложеніи въ сочетаніи сказуемаго предложенія съ подлежащимъ; но какъ скоро причастія имѣютъ въ основахъ формы, различающія въ признакахъ дѣйствія и состоянія, эти значенія причастій не зависятъ, конечно, отъ тѣхъ формъ глагола въ предложеніяхъ, которыя авторъ называетъ формами дѣйствительнаго и средняго залога, т. е. при этомъ вовсе не обозначается въ причастіяхъ какое либо отношеніе къ различію, обозначаемому въ сказуемомъ предло-

женія между признакомъ какъ дѣйствіемъ и признакомъ какъ состояніемъ. Авторъ напрасно думаетъ, будто прилагательныя имена вообще, а потому и причастія (внѣ связи причастій съ личными формами глагола), не обозначаютъ отношенія даннаго признака къ субъекту и этимъ отличаются отъ глагола въ личныхъ формахъ; проф. Ульяновъ смѣшиваетъ при этомъ съ значеніями самихъ личныхъ формъ въ глаголѣ тѣ значенія, которыя принадлежатъ формамъ сказуемости глагола, т. е. формамъ времени и наклоненія. Формы словоизмѣненія въ грамматическомъ родѣ прилагательныхъ именъ обозначаютъ извѣстныя различія въ субъектахъ данныхъ признаковъ, а основы прилагательныхъ [1]), какъ и основы глагольныя, сами обозначаютъ (независимо отъ того, имѣютъ ли онѣ формы, или нѣтъ) признаки въ ихъ отношеніи къ субъектамъ признаковъ (не въ отвлеченіи отъ субъектовъ), но при этомъ является существенное различіе между признаками, обозначаемыми основами прилагательныхъ, и признаками, обозначаемыми глагольными основами: основами прилагательныхъ именъ данный признакъ обозначается въ данной принадлежности его субъектамъ, а не въ возникающемъ во времени сочетаніи его съ субъектами, между тѣмъ какъ глагольныя основы имѣютъ это послѣднее значеніе. Въ причастіяхъ, т. е. въ извѣстнаго рода прилагательныхъ именахъ, основы формъ словоизмѣненія также обозначаютъ поэтому данный признакъ въ данной принадлежности его субъектамъ, но при этомъ въ формахъ основъ причастій, т. е. въ формахъ глагольныхъ основъ, данный признакъ обозначается въ возникающемъ во времени сочетаніи его съ субъектами; слѣдовательно, причастіе обозначаетъ *такой* признакъ въ данной принадлежности его субъектамъ признаковъ, который формами основы причастія обозначенъ какъ сочетающійся во времени съ субъектами признаковъ.

Итакъ, я не могу признать существованіе тѣхъ формъ дѣйствительнаго и средняго залога, о которыхъ говоритъ проф.

---

1) Т. е. основы формъ словоизмѣненія прилагательныхъ.

Ульяновъ и которыя онъ находитъ какъ въ балтійскихъ языкахъ, такъ и въ славянскихъ, а равно и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ я не отличаю такія формы отъ тѣхъ словообразовательныхъ формъ въ основахъ, которыя авторъ называетъ по ихъ значеніямъ формами обозначающими различіе глаголовъ состоянія и дѣйствія[1]). Поэтому названіе «формы дѣйствительнаго и средняго залога» могло бы быть дано этимъ-же словообразовательнымъ формамъ основъ, но конечно лишь при томъ условіи, еслибъ авторъ признавалъ, что такими формами обозначается различіе между дѣйствіемъ и состояніемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ, обозначаемомъ непроизводною глагольною основою (глагольнымъ корнемъ), а я говорилъ уже, что проф. Ульяновъ не поясняетъ, какъ именно онъ понимаетъ соотношеніе глаголовъ дѣйствія и состоянія, когда даетъ приведенное мною выше опредѣленіе значенія извѣстныхъ балтійскихъ глагольныхъ основъ, чередующихся между собою. Въ дѣйствительности, однако, эти формы основъ, какъ мы увидимъ, не обозначаютъ различія между дѣйствіемъ и состояніемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ (да и не могли бы, конечно, имѣть такое значеніе), и потому нѣтъ никакого основанія признавать въ глаголахъ, представляющихъ такія формы основъ, дѣйствительный и средній *залоги*, такъ какъ подъ формами залога понимаются вообще формы обозначающія какія либо различія въ самомъ отношеніи, существующемъ между

---

1) Для общаго индоевропейскаго языка соотвѣтственныя формы основъ въ глаголахъ «средняго залога» авторъ признаетъ «собственно основами личныхъ глагольныхъ формъ» (стр. 298), хотя при этомъ указываетъ и на существованіе ихъ въ причастіяхъ. Эти индоевропейскія основы были, конечно, такими-же словообразовательными формами, какъ и происшедшія изъ нихъ литовско-славянскія основы, и то обстоятельство, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ эти основы не переносились еще въ именныя образованія такъ, какъ переносились онѣ, по мнѣнію автора, въ литовско-славянскомъ языкѣ, не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи того, являлись ли данныя формы словообразовательными, или нѣтъ (см. сказанное мною выше о словообразовательныхъ формахъ).

признакомъ, обозначаемымъ глагольною основою, и субъектами этого признака.

Я разсмотрю теперь на основаніи фактовъ, собранныхъ авторомъ на стр. 2—33, выставленное имъ положеніе относительно того, что балтійскія глагольныя основы «на $i:\bar{e}:\bar{a}$», т. е. на общебалтійскія $i:\bar{e}:\bar{a}$ (точнѣе $\bar{a}^0$), «являются словообразовательными формами, различающими глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія». При этомъ только вмѣсто общебалтійскаго языка, о которомъ упоминаетъ здѣсь авторъ, я буду имѣть въ виду эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ, такъ какъ заключенія, дѣлаемыя на основаніи сопоставленія языковъ литовскаго и латышскаго, относятся непосредственно лишь къ этой эпохѣ, хотя бы мы не рѣшали пока, было ли единство литовскаго и латышскаго языковъ литовско-латышскимъ діалектомъ въ общебалтійскомъ языкѣ, или отдѣльнымъ литовско-латышскимъ языкомъ; прусскій языкъ, говоритъ авторъ въ предисловіи (стр. II), «по самому качеству его памятниковъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ быть привлекаемъ къ сравненію». Основы на литовско-латышскія $i:\bar{e}$, т. е. на литовскія $i:\dot{e}$, я разсмотрю отдѣльно отъ основъ на литовск. *o* изъ $\bar{a}^0$, такъ какъ послѣднія въ данныхъ глаголахъ являются во всѣхъ формахъ спряженія глагола, между тѣмъ какъ основы на i и на $\bar{e}$, т. е. на литовск. $\dot{e}$, распредѣляются въ одномъ и томъ-же глаголѣ по различнымъ его формамъ, а именно образованія на i существуютъ въ основѣ настоящаго времени, а основы на $\bar{e}$, литовск. $\dot{e}$, представляютъ собою основу инфинитива (подъ условнымъ названіемъ «основа инфинитива» подразумѣвается основа общая инфинитиву съ извѣстными формами спряженія). Въ латышскомъ языкѣ основы наст. вр. на i, при основахъ инфинитива на $\bar{e}$, не сохранились, какъ указываетъ проф. Ульяновъ, и замѣнились основами на *ja*, вмѣсто которыхъ часто являются основы на *a*; въ литовскомъ языкѣ въ жемайтскомъ нарѣчіи основы наст. вр. на i также замѣнились основами на *ja*

(что̀, повидимому, осталось неизвѣстнымъ автору) [1]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ другихъ діалектахъ основы на *i* имѣютъ при себѣ параллельныя образованія на *ja* и частью вполнѣ вытѣснены основами на *ja* (см. Шлейхера Litauische Grammatik, § 116)[2]). При основахъ на *i* въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ литовскомъ языкѣ извѣстны и основы на *a*, и авторъ думаетъ, что въ приводимыхъ имъ примѣрахъ чередованія основъ по значеніямъ онъ можетъ «брать безразлично основы на *i* и на *a*, имѣющія одинаковое значеніе» (стр. 2, примѣч. 1); такъ какъ, однако, во многихъ случаяхъ при основахъ на *a* въ наст. вр. и на *ė* въ инфинитивѣ не существуютъ параллельныя основы наст. вр. на *i*, на что обращаетъ вниманіе и авторъ на стр. 72, то правильнѣе, я думаю, при опредѣленіи чередованія различныхъ основъ по значеніямъ отдѣлять вообще основы на *a* : *ė* отъ основъ на *i* : *ė*, хотя въ нѣкоторыхъ глаголахъ основы на *i* смѣшиваются съ основами на *a*.

Авторъ не останавливается на образованіи основы наст. вр. въ тѣхъ балтійскихъ глаголахъ дѣйствія, которые онъ находитъ въ чередованіи по основамъ съ глаголами состоянія, имѣющими указываемыя имъ основы, и называетъ основы такихъ глаголовъ дѣйствія вообще основами непроизводными, какъ я говорилъ уже, хотя эти глаголы имѣютъ непроизводныя основы только въ основѣ инфинитива, а не въ основѣ наст. вр; но если мы обратимъ вниманіе на образованіе основы наст. вр. въ тѣхъ ли-

1) Впрочемъ, статья ксендза Явниса въ Памятной книжкѣ Ковенской губерніи на 1893 г., гдѣ указано на утрату въ жемайтскомъ нарѣчіи образованія на *i* въ основахъ наст. вр., напечатана послѣ выхода въ свѣтъ первой части изслѣдованія проф. Ульянова.

2) Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ у Шлейхера, проф. Ульяновъ въ примѣчаніи на стр. 72 приводитъ и другіе примѣры основъ на *ja* вмѣсто *i*, но надо замѣтить, что turia, žiuria, beregiẹnt взяты изъ жемайтскихъ текстовъ (Довконта и Волончевскаго) и что причастныя формы съ такими основами изъ восточно-литовскаго говора Ширвида (на -iunt-) не доказываютъ еще существованія основъ на *ja* вмѣсто *i* и въ личныхъ формахъ тѣхъ-же глаголовъ. Форма kvepie принадлежитъ глаголу kvepiù, kvẽpti, указанному Шлейхеромъ при kvepiù, kvepė́ti.

товскихъ глаголахъ, которые являются въ указываемомъ авторомъ чередованіи съ глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* (при основѣ инфинитива на *ė*), то увидимъ, что такіе глаголы заключаютъ въ себѣ въ основѣ наст. вр. именно образованіе на *ja*. Напр. guliù, gulė̃ti «лежать» и guliù, gul̃ti (чаще въ возвратной формѣ) «ложиться»; kaliù, kalė̃ti «быть въ оковахъ, сидѣть въ темницѣ» и kaliù [1]) (при kalù), kálti «ковать»; linkiù, linkė̃ti «гнуться, клониться» и lenkiù, leñkti «гнуть, наклонять»; skérdžiu (при skérdėju), skérdė̃ti «трескаться» и skerdžiù, skerš̃ti (при этомъ другое качество ударенія *er*) «закалывать» (свинью); stóviu, stovė̃ti «стоять» [2]) и stóju, stóti «ступить, стать», stójûs, stótis «становиться»; tūpiù, tūpė̃ti «сидѣть на корточкахъ, скорчившись» и tūpiù, tūpti (часто въ возвратной формѣ) «садиться на корточки» (а также «садиться» о птицахъ); turiù, turė̃ti «держать, имѣть» и tveriù, tvérti «схватывать» (а также «огораживать»); trìnkiu (при trìnku), trinkė̃ti «дребезжать» (напр. о повозкѣ при ѣздѣ по камнямъ) и trenkiù, treñkti «толкать, ударять съ шумомъ». Въ этихъ

---

1) Сравн. латышск. kaĭu.

2) Напрасно думаетъ авторъ (стр. 14), будто форма 3-го л. stó «стоитъ» должна объясняться независимо отъ stóvi. Конечное (всюду неударяемое) *i* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ съ такими основами получено подвижнымъ изъ пралитовскаго языка (въ настоящее время это *i* часто отсутствуетъ даже и въ тѣхъ южныхъ говорахъ, которые сохраняютъ обыкновенно конечное подвижное *a*), а изъ stóvi при отпаденіи *i* произошло stou̯ (*v* въ положеніи не передъ гласною не существовало въ пралитовскомъ языкѣ), такъ-же какъ изъ дательныхъ tavi, savi «тебѣ», «себѣ» явились táu, sáu (діалектическія táv, sáv, какъ свидѣтельствуетъ и нисходящее удареніе на *a*, замѣнили собою táu, sáu, можетъ быть подъ вліяніемъ tav-, sav- передъ гласною въ другихъ падежныхъ формахъ); фонетическое различіе между táu, sáu, сохраняющими u̯, и stó, изъ stou̯, объясняется различіемъ въ качествѣ слоговой долгой гласной и совершенно однородно съ тѣмъ различіемъ, какое существуетъ въ мѣстномъ пад. ед. ч. между формою на oi̯ (пишутъ oj) изъ oje и формами тѣхъ же діалектовъ на *ė*, *y* изъ ėjė, yje, черезъ посредство ėi̯, yi̯. Форма stó «стоитъ» не можетъ допускать никакого другаго объясненія; между прочимъ, надо имѣть въ виду здѣсь и долготу гласной съ нисходящимъ удареніемъ (эта гласная, значитъ, получена не въ первоначальномъ концѣ слова).

примѣрахъ я указалъ на такіе литовскіе непроизводные глаголы съ основою наст. вр. на *ja*, которые представляютъ извѣстное соотношеніе по значенію съ родственными по корню глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* при основѣ инфинитива на *ė*, при чемъ именно глаголы съ основою наст. вр. на *ja* обозначаютъ дѣйствіе, производящее то состояніе, какое обозначается соотвѣтственными глаголами съ основою наст. вр. на *i*; въ такихъ случаяхъ, какъ gulių, gulių̃s «ложусь» при gulių «лежу», 3 л. gùli, и stójų̃s «становлюсь» при stóviu «стою», 3 л. stóvi, соотношеніе по значенію могло образоваться еще тогда, когда глаголы, изъ которыхъ произошли gulių, gulių̃s «ложусь» и stójų̃s «становлюсь», имѣли невозвратную форму съ невозвратнымъ значеніемъ, т. е. обозначали «кладу» (или «бросаю», если gulių родственно съ греч. βάλλω) и «становлю». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ при глаголахъ съ основою наст. вр. на *i*, въ инфинитивѣ на *ė*, родственные по корню непроизводные глаголы имѣютъ основу наст. вр. на *ja*, существовавшее нѣкогда соотношеніе по значеніямъ утрачено. Таковы напр.: dūsių, dūsėti «тяжело дышать, вздыхать» и dvesių, dvẽsti «дышать, издыхать»; lyczių (при lytù), lytėti «трогать, касаться» и lëczių, lësti съ тѣмъ-же значеніемъ (употребляются, вѣроятно, не въ одномъ и томъ-же діалектѣ); lydžių, lydėti «провожать» и léidžiu, léisti «пускать, посылать» (о происхожденіи значенія въ lydėti см. у автора, стр. 5); сюда-же принадлежитъ kenczių, kentėti «терпѣть, выносить боль, бѣдствіе» при kenczių, kę̃sti «терпѣть»[1]), хотя въ kentėti основа наст. вр. kenti- вытѣснена вполнѣ основою kenczia- глагола kę̃sti. Затѣмъ надо замѣтить, что для нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ, представляющихъ указанное выше соотношеніе по значенію съ глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* при основѣ инфинитива

1) Съ опредѣленіемъ значеній этихъ глаголовъ у проф. Ульянова, стр. 12, надо сопоставить то, что говоритъ Куршатъ въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ.

на *ė*, основа наст. вр. на *ja*, не сохранившаяся въ самомъ литовскомъ языкѣ, засвидѣтельствована родственными языками. Такъ, при avìu, avė̀ti «носить обувь» въ литовскомъ языкѣ мы находимъ глаголъ aunù, aũti «обувать», т. е. съ основою наст. вр. на *na*, но въ латышскомъ языкѣ и въ славянскихъ языкахъ сохранилась въ этомъ глаголѣ основа наст. вр. на *ja*, *je*: латышск. aũju (при aũnu) «обуваю», старослав. -оуѫ напр. въ обоуѫ, русск. обую; при глаголѣ sė̀džiu, sėdė̀ti «сидѣть» литовскій языкъ имѣетъ глаголъ sė̃du, sė̃sti «садиться, сѣсть» (въ соединеніи съ приставками часто въ возвратной формѣ), а въ латышскомъ языкѣ въ глаголѣ sḕst «садиться» сохраняется основа наст. вр. на старое *ja* въ sḕžu «сажусь» (сравн. также греч. ἕζομαι). При dė̀viu, dė̀vė̀ti «носить платье» литовскій языкъ не сохранилъ вообще непроизводнаго глагола съ значеніемъ «одѣвать» (dedù, dė̀ti значитъ «класть»), но глаголъ *dė̀ju, утраченный литовскимъ языкомъ, засвидѣтельствованъ, однако, латышскимъ dḕju «кладу» и старославянскимъ дѣѫ напр. въ одѣѫ [1]). Особо стоитъ по отношенію къ разсматриваемому чередованію основъ литовскій глаголъ vilkė́ti «носить одежду, быть одѣтымъ», для котораго Куршатъ указываетъ форму наст. времени vilkiù, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственномъ по корню непроизводномъ глаголѣ дѣйствія viĩkti извѣстна только основа наст. вр. на *a* (не на *ja*), въ velkù «волоку», сравн. старослав. влѣкѫ; простой глаголъ velkù, viĩkti не имѣетъ, однако, значенія «одѣвать», т. е. не находится въ соотношеніи по значенію съ vilkė́ti, хотя apviĩkti значитъ и «одѣвать». Возможно и то, что въ глаголѣ vilkė́ti форма наст.

---

1) Отношеніе литовск. dė̀v- въ dė̀viù, dė̀vė́ti къ dė- въ dė́ti, латышск. dḕju однородно по происхожденію съ отношеніемъ литовск. stov- въ stóviu, stovė́ti къ sto- въ stóju, stóti, т. е. какъ stov- указываетъ на индоевроп. глагольный корень stā°u (см. Ульянова Основы настоящаго времени, стр. 149 — 150), такъ и dė̀v- предполагаетъ индоевроп. корень dā°u (сравн. Фика Wörterbuch, четвертое изданіе, I, 72). Иначе смотритъ на происхожденіе *v* въ литовск. dė̀viù, dė̀vė́ti проф. Ульяновъ (Основы, стр. 150).

вр. vilkiù (извѣстная мнѣ только изъ словарей) представляетъ собою новообразованіе; Нессельманъ при vilkiu съ тѣмъ-же значеніемъ приводитъ и vilkėju.

Соотношеніе между литовскими глагольными основами на *ja* и на *i* указываетъ по звуковой сторонѣ на то, что оно получено изъ общаго индоевропейскаго языка, такъ какъ литовскія основы наст. вр. на *i* (и соотвѣтствующія имъ старославянскія основы на *и*, т. е. на общеславянское *ī*, глаголовъ съ основою на *ѣ* въ инфинитивѣ) образовались изъ индоевропейскихъ основъ на $ja^{e/o}$, чередовавшихся съ основами на $ja^{e/o}$ вслѣдствіе того, что въ тѣхъ и другихъ основахъ $ja^{e/o}$ и $ja^{e/o}$ были по происхожденію однимъ и тѣмъ-же суффиксомъ съ его фонетическими видоизмѣненіями, вызывавшимися различіемъ въ извѣстныхъ условіяхъ: суффиксъ $ja^{e/o}$ существовалъ въ положеніи безъ ударенія, при чемъ предшествовавшій глагольный корень подъ удареніемъ имѣлъ сильный звуковой видъ, а суффиксъ $ja^{e/o}$ являлся подъ удареніемъ (на $a^{e/o}$), между тѣмъ какъ глагольный корень безъ ударенія представлялъ при этомъ слабый звуковой видъ [1]). Эти индоевропейскія различія въ звуковомъ видѣ корня тѣхъ и другихъ основъ сохраняются нерѣдко и въ литовскомъ языкѣ, что̀ по отношенію къ литовскимъ глаголамъ съ основою наст. вр. на *i* отмѣчено и проф. Ульяновымъ (стр. 68 и слѣд.). Итакъ, фактъ чередованія въ литовскомъ языкѣ въ извѣстныхъ слу-

1) Проф. Ульяновъ согласенъ со мною во взглядѣ какъ на различіе между индоевроп. $ja^{e/o}$ и $ja^{e/o}$, такъ и на происхожденіе балтійскаго *ī*, общеславянскаго *ī* въ такихъ основахъ изъ индоевроп. $ja^{e/o}$, непосредственно изъ ja^{e}; см. его Основы настоящ. врем., стр. 199—200. Я не могу останавливаться здѣсь на подробномъ изложеніи моего мнѣнія относительно происхожденія этого балтійскаго *i*, общеславянск. *ī* (гласная *e* еще въ литовско-славянскомъ языкѣ въ положеніи послѣ *i* и *j* измѣнялась въ направленіи къ *i*) и замѣчу лишь, что и до сихъ поръ я держусь того-же мнѣнія, такъ какъ объясненіе этого балтійск. *i*, общеслав. *ī*, предложенное Штрейтбергомъ (Paul-Braune's Beiträge XIV, 201) не представляется мнѣ убѣдительнымъ, между прочимъ потому, что оно все-таки не разъясняетъ различія между общеславянск. *ī* и балтійскимъ *ī* въ этихъ основахъ.

чаяхъ основъ наст. вр. на *ja* и на *i* имѣетъ большое значеніе для сравнительной грамматики, такъ какъ по звуковой сторонѣ это чередованіе должно было возникнуть еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; слѣдовательно, и различіе тѣхъ и другихъ литовскихъ образованій по значенію восходитъ въ его началахъ также еще къ общему индоевропейскому языку, и сопоставленіе такихъ фактовъ литовскаго языка съ фактами другихъ индоевропейскихъ языковъ можетъ показать, было ли въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ формъ глагольныхъ основъ такимъ-же, какимъ оно является въ литовскомъ языкѣ. Изъ приведенныхъ мною выше примѣровъ видно, что соотношеніе по значенію литовскихъ непроизводныхъ глаголовъ съ основою наст. вр. на *ja* и глаголовъ съ основою наст. вр. на *i* (при основѣ инфинитива на *ė*) можетъ быть опредѣлено такъ: глаголы съ основами наст. вр. на *ja* въ такомъ ихъ соотношеніи обозначаютъ, какъ я замѣтилъ уже, дѣйствія, производящія тѣ состоянія, какія обозначаются глаголами съ основами наст. вр. на *i;* поэтому глаголы съ основами наст. вр. на *i* въ этомъ ихъ соотношеніи являются обозначающими состоянія по отношенію къ тѣмъ дѣйствіямъ, производящимъ состоянія, какія обозначаются въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *ja*. Слѣдовательно, словообразовательныя формы, давшія существованіе тѣмъ и другимъ глагольнымъ основамъ, обозначали дѣйствіе по отношенію къ состоянію, производимому дѣйствіемъ, и состояніе по отношенію къ производящему его дѣйствію. Проф. Ульяновъ самъ замѣчаетъ, что въ числѣ указанныхъ имъ литовскихъ глаголовъ «дѣйствительнаго залога» есть такіе, которые въ этой формѣ обозначаютъ, что «субъектъ производитъ то состояніе, которое обозначается производными основами тѣхъ же глаголовъ въ формѣ средняго залога» (стр. 50); авторъ думаетъ, однако, что такое значеніе этихъ глаголовъ, называемое имъ «фактитивнымъ», въ отличіе отъ значенія собственно каузативнаго, есть первоначальное, развившееся «въ формахъ отъ непроизводныхъ основъ только по соотношенію ихъ съ соотвѣтствующими формами отъ

производныхъ основъ»; «притомъ», говоритъ онъ, «и не всякій непроизводный глаголъ, при которомъ есть соотвѣтствующій производный, получалъ фактитивное значеніе». Такимъ образомъ все-таки остается неяснымъ взглядъ автора на соотношеніе по значенію глаголовъ дѣйствія и состоянія въ формахъ, называемыхъ имъ формами «дѣйствительнаго и средняго залога».

Литовскіе непроизводные глаголы дѣйствія съ основами наст. вр. на *ja* находятся въ соотношеніи не только съ глаголами состоянія, имѣющими основу наст. вр. на *i*, но также, и притомъ въ бо́льшемъ числѣ случаевъ, съ тѣми непроизводными глаголами состоянія, въ которыхъ основа наст. вр. заключаетъ въ себѣ или суффиксъ *sta*, или суффиксъ *a* съ носовымъ инфиксомъ, и которые собственно имѣютъ въ такихъ образованіяхъ «начинательное» значеніе, именно значеніе наступающаго, возникающаго состоянія, хотя въ части глаголовъ это начинательное значеніе измѣнилось въ значеніе неначинательное, т. е. въ значеніе существующаго состоянія. Такое-же соотношеніе между собою глаголовъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja* и глаголовъ состоянія, имѣющихъ основу наст. вр. на *sta* или съ носовымъ инфиксомъ (въ его фонетическихъ измѣненіяхъ) на *a*, является и въ латышскомъ языкѣ и давно уже указано для этого языка какъ различіе въ грамматическихъ классахъ глаголовъ дѣйствія и состоянія (см. Бпленштейна Die lettische Sprache II, § 509). Относящіеся сюда факты чередованія основъ въ литовскомъ языкѣ, а частью и въ латышскомъ, собраны у Лескина въ его Ablaut, стр. 119 и слѣд. Таковы напр. литовск. mirkstù, miřkti «мокнуть» и merkiù, meřkti «мочить»; lúžtu, lúžti «ломаться» и láužiu, láužti «ломать»; runkù, rùkti «становиться морщинистымъ» и raukiù, raũkti «плоить, дѣлать морщины»; dumbù, dùbti «становиться впалымъ» и dùbiù, dũbti «выдалбливать» и др. Въ такихъ случаяхъ значеніе формы основъ наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* (тѣ и другія основы не различаются по значенію формы) состоитъ въ томъ, что этою формою данный признакъ обозначается какъ возникающее состояніе

по отношенію къ тому дѣйствію, которое обозначено непроизводнымъ глаголомъ отъ того-же корня съ основою наст. вр. на *ja*, а значеніе формы основъ наст. вр. на *ja* здѣсь то-же, что и въ соотношеніи съ основами наст. вр. на *i*, т. е. формою основъ на *ja* данный признакъ обозначается какъ дѣйствіе, производящее то состояніе, которое обозначено другими основами наст. вр. отъ того-же корня[1]). Вслѣдствіе того, что въ балтійскихъ языкахъ глаголы состоянія неначинательнаго и начинательнаго, т. е. съ основою наст. вр. на *i* и съ основами наст. вр. на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, одинаково являются въ соотношеніи съ непроизводными глаголами дѣйствія, имѣющими основу наст. вр. на *ja*, возможно и чередованіе между собою глаголовъ состоянія съ основою наст. вр. на *i*, съ одной стороны, и съ основами на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a*, съ другой стороны; въ дѣйствительности, однако, такое чередованіе является лишь въ рѣдкихъ случахъ, и при томъ именно тамъ, гдѣ при такихъ глаголахъ не существуетъ непроизводный глаголъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja*. Сюда принадлежатъ въ литовскомъ языкѣ такіе случаи, какъ: isz-girstù, isz-girsti «услышать» при girdžiù, girdėti «слышать»; smìrstu, smìrsti «становиться вонючимъ» при smìrdžiu, smirdėti «вонять»; spįstu, spįsti «становиться блистающимъ» при spìndziu, spindėti «блестѣть, сіять»; tìngstu, tìngti «становиться лѣнивымъ» при tìngiu, tingėti «быть лѣнивымъ». Иногда мы находимъ въ литовскомъ языкѣ чередованіе глаголовъ съ основами наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* съ тѣми глаголами состоянія, которые имѣютъ основу наст. вр. на *a* при основѣ инфинитива на *ė*; и здѣсь обыкновенно не существуетъ соотвѣтственный по корню непроизводный глаголъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja*. Напр. jundù, jùsti «приходить въ движеніе»

1) Не вездѣ, однако, непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, чередующійся съ непроизводнымъ глаголомъ, имѣющимъ основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, представляетъ значеніе дѣйствія; см. примѣч. на стр. 23.

при judù, judėti «двигаться»; kimbù, kìbti «повиснуть на чемъ, прицѣпиться» при kabù, kabėti «висѣть»; skęstù, skę̃sti «тонуть» при skéndu (и skéndėju), skéndėti «тонуть». При szvintù, szvìsti «становиться свѣтлымъ, свѣтать» литовскій языкъ имѣетъ отъ того-же корня, кромѣ szvitù, szvitėti «свѣтиться, сверкать» (по Куршату съ значеніемъ кратнаго вида), также и непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, именно szvėczìù, szvẽsti «свѣтить», но въ этомъ глаголѣ нѣтъ «фактитивнаго» значенія[1]).

Проф. Ульяновъ разсматриваетъ литовскія и латышскія основы наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* по ихъ связи съ основами «средняго залога» и вовсе не останавливается на соотношеніи ихъ съ основами наст. вр. на *ja* глаголовъ дѣйствія; онъ думаетъ даже, что «соотношеніе между глаголами съ *st* и съ инфиксомъ и между глаголами дѣйствительнаго залога не будетъ прямымъ, но косвеннымъ, т. е. черезъ посредство глаголовъ средняго залога вообще» (стр. 66). Противъ такого заключенія свидѣтельствуютъ, однако, самые факты балтійскихъ языковъ, такъ какъ здѣсь основы на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* существуютъ главнымъ образомъ именно въ соотношеніи съ основами наст. вр. на *ja* непроизводныхъ глаголовъ дѣйствія, т. е. глаголовъ «дѣйствительнаго залога», по терминологіи проф. Ульянова. Авторъ знаетъ, что «не въ каждомъ случаѣ» (надо бы было сказать: рѣдко) рядомъ съ основами на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* являются основы на *i* и на *a* (т. е. въ глаголахъ съ основою инфинитива на *ė*), но, замѣчаетъ онъ, «не говоря уже о томъ, что эти послѣднія могутъ быть утраченными только въ позднѣйшей жизни литовскаго и латышскаго языковъ, или даже общебалтійскаго языка, многіе

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, чередующійся съ глаголомъ, имѣющимъ основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, представляетъ самъ значеніе состоянія, напр. siauczìù, siaũsti «бѣситься въ гнѣвѣ» и siuntù, siùsti «становиться бѣшенымъ, шальнымъ».

глаголы могли получать формы средняго залога прямо съ видовымъ» (начинательнымъ) «значеніемъ и не имѣть при этомъ формъ безъ этого значенія, благодаря какимъ-нибудь спеціальнымъ реальнымъ значеніямъ» (стр. 66). Это разсужденіе для меня непонятно, т. е. я не могу понять, что такое форма основы внѣ соотношенія данныхъ основъ съ другими основами, родственными по образованію, но не имѣющими этой формы. Начинательное значеніе балтійскихъ основъ наст. вр. на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ въ его отличіи отъ неначинательнаго значенія другихъ основъ наст. вр. въ глаголахъ состоянія авторъ называетъ значеніемъ видовымъ, хотя и прибавляетъ, что это есть значеніе видовое «въ извѣстномъ смыслѣ» (стр. 64); поэтому объ основахъ на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ проф. Ульяновъ снова говоритъ и во второй части изслѣдованія, которая занимается именно основами, обозначающими различія по видамъ. Въ дѣйствительности, однако, различіе между даннымъ начинательнымъ и неначинательнымъ значеніемъ основъ въ глаголахъ состоянія вовсе не есть различіе въ значеніи «вида»; въ этомъ легко убѣдиться уже изъ того факта, что начинательное значеніе балтійскихъ основъ на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ существуетъ именно въ глаголахъ состоянія, между тѣмъ какъ для вида въ глаголѣ не имѣетъ значенія различіе между состояніемъ и дѣйствіемъ: видомъ обозначаются въ глаголѣ различія во времени самого признака, обозначаемаго глагольною основою, какого бы рода ни былъ этотъ признакъ по образованію его связи съ субъектами признаковъ. Различіе между даннымъ начинательнымъ и неначинательнымъ значеніемъ въ глаголахъ состоянія есть извѣстное различіе въ значеніи состоянія: глагольныя основы съ значеніемъ начинательнаго состоянія обозначаютъ данный признакъ во время образующейся, возникающей связи его какъ состоянія съ субъектами признаковъ, а глагольныя основы съ значеніемъ неначинательнаго состоянія обозначаютъ признакъ во время образовавшейся, возникшей уже связи его какъ состоянія съ субъектами признаковъ.

Съ тѣмъ, что говоритъ проф. Ульяновъ о происхожденіи значенія балтійскихъ основъ на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* въ ихъ соотношеніи съ основами такъ-называемаго имъ «средняго залога», я рѣшительно не могу согласиться. По мнѣнію автора, значеніе этихъ балтійскихъ основъ развилось въ сложныхъ словосочетаніяхъ, которыя заключали въ себѣ обозначеніе признаковъ сосуществующихъ въ преемственности, при чемъ такими основами обозначалось наступленіе извѣстнаго признака по отношенію къ другому признаку, обозначенному въ сложномъ словосочетаніи (стр. 61 и 64). Для меня остается непонятнымъ, что̀ именно побудило автора искать въ синтактическихъ причинахъ объясненія извѣстной словообразовательной формы глаголовъ, тѣмъ болѣе что проф. Ульяновъ самъ признаетъ, что существующее теперь значеніе этихъ балтійскихъ глагольныхъ основъ вовсе не то, о какомъ онъ говоритъ здѣсь, такъ какъ эти основы обозначаютъ теперь «наступленіе признака и внѣ указанныхъ словосочетаній» (стр. 64—65).

По поводу литовскихъ основъ на *a* съ носовымъ инфиксомъ замѣчу, что къ нимъ должны быть относимы и основы, являющіяся въ глаголахъ: griūvù, griúti «разрушаться, валиться» (сравн. основу на *ja* въ griáuju, griáuti «разрушать, разваливать»), kliūvù, kliúti «прицѣпляться къ чему, виснуть на чемъ» (сравн. основу на *ja* въ латышскомъ kĺaūjûs, kĺaūtës «клониться, прислоняться»), pūvù, púti «гнить», žūvù, žúti «гибнуть» и въ нѣкоторыхъ другихъ, т. е. *ū* (подъ ударѐніемъ *ũ*) въ основѣ наст. вр. этихъ глаголовъ произошло изъ *u*, вслѣдствіе чего надо писать griųvù и т. д. Проф. Ульяновъ въ первой части своего изслѣдованія объясняетъ эти литовскія основы такъ-же, какъ онъ объяснялъ ихъ и прежде (см. Основы настоящаго времени, стр. 105), а именно онъ возводитъ ихъ здѣсь къ индоевропейскимъ основамъ на $\tilde{u}ja^{e/o}$, т. е. съ суффиксомъ $ja^{e/o}$, но впослѣдствіи, во второй части изслѣдованія, авторъ признаетъ, что «нѣкоторыя основы такого образованія какъ žūva- однородны съ основами bą̀la-, bį̀ra- и т. п., т. е. имѣли

нѣкогда инфиксъ, и *ū* въ нихъ явилось изъ *ų*» (II, 104, примѣч.)[1]); я не вижу, однако, надобности предполагать происхожденіе изъ *ūį̯a*$^{e/o}$ для какихъ бы то ни было литовскихъ основъ наст. вр. на *ūva*, тѣмъ болѣе что при объясненіи, предложенномъ проф. Ульяновымъ, остается непонятнымъ, почему *ū* въ этихъ основахъ отличалось по качеству долготы (подъ удареніемъ *ũ*) отъ *ū* въ самомъ глагольномъ корнѣ (подъ удареніемъ *ú*). Точно такъ-же и въ литовскихъ основахъ наст. вр. на *yja* (гдѣ *y* подъ удареніемъ представляетъ восходящее качество ударенія) глаголовъ gyjù, gýti «оживать, выздоравливать», lỹja (инфин. lýti) «идетъ дождь», ryjù, rýti «глотать» надо признавать, я думаю, основы съ носовымъ инфиксомъ, т. е. gį̯ja- и т. д. [2]). Проф. Ульяновъ видитъ и здѣсь основы съ индоевропейскимъ суффиксомъ *i̯a*$^{e/o}$, т. е. на *īi̯a*$^{e/o}$ (сравн. его Основы настоящаго времени, стр. 108—109), при чемъ и въ этихъ случаяхъ при такомъ объясненіи остается непонятнымъ образованіе восходящаго ударенія въ gỹja, lỹja, rỹja при нисходящемъ удареніи въ gýti, lýti, rýti. Всѣ эти литовскія основы наст. вр. на *ųva* и *į̯ja*, такъ-же какъ и основы съ носовымъ инфиксомъ отъ глагольныхъ корней на плавную согласную, напр.

---

1) По поводу ссылки проф. Ульянова на устное сообщеніе, сдѣланное мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кс. Явнисомъ, надо замѣтить, что кс. Явнисъ въ напечатанной послѣ того статьѣ «Діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ» (въ Памятной книжкѣ Ковенской губерніи на 1893 г.) указываетъ на носовое *u* такихъ основъ не въ какихъ-либо современныхъ говорахъ, но лишь у Даукшаса, въ формахъ глаголовъ żūvù, griūvù, напр. żųwa, griųwa. Языкъ Даукшаса, впрочемъ, самъ по себѣ ничего не рѣшаетъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ этомъ говорѣ (восточно-литовскомъ) извѣстны были носовыя *u* и *i* иногда и изъ старыхъ *ū* и *ī* при такомъ ихъ фонетическомъ положеніи въ словахъ, при какомъ существовали старыя носовыя гласныя. Подобное-же явленіе представляютъ и нѣкоторые современные жемайтскіе говоры по отношенію къ į̯n, ųn; напр. trins, juns въ этихъ говорахъ, trį̯s, jųs у Даукшаса, вмѣсто trỹs, jũs, именит. мн. ч. sunųs у Даукшаса, вмѣсто súnūs, діалектич. жемайтск. ginsla, вмѣсто gýsla, и др.

2) Даукшасъ, какъ указываетъ кс. Явнисъ, писалъ здѣсь į̯, напр. rį̯ie, prarį̯ia.

въ глаголахъ sząlù, bįrù, kįlù и др., представляютъ собою новообразованія, явившіяся въ отдѣльномъ существованіи литовскаго языка (въ латышскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ образованій) по аналогіи старыхъ основъ съ носовымъ инфиксомъ; при этомъ важно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ діалектахъ литовскаго языка извѣстны параллельныя образованія основы наст. вр. на *na* (что свидѣтельствуетъ объ однородности по происхожденію основъ въ žūvù, gyjù, sząlù и т. д.), и напр. въ Куртувянахъ (жемайтскій говоръ) вмѣсто žūvù, pūvù, sząlù, kįlù и др. являются: žūnu, pūnu, szalnu, kilnu и др. Основы на *ųva*, *ija* возникли, надо думать, изъ основъ наст. вр. на *ŭva*, *ija* отъ глагольныхъ корней на *ū* и *ī* (*y*), т. е. изъ основъ того-же типа, какъ siŭva- въ глаголѣ siúti «шить»; въ этомъ глаголѣ при основѣ siŭva- извѣстна и основа siūva-, явившаяся подъ вліяніемъ аналогіи со стороны основъ на *ųva*.

Я разсмотрѣлъ пока одну часть приведеннаго мною выше положенія проф. Ульянова относительно значеній извѣстныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, именно ту часть, которая касается балтійскихъ основъ на *i* : *ē* (литовск. *ė*) въ ихъ соотношеніи съ основами непроизводныхъ глаголовъ. Дѣйствительно, это образованіе балтійскихъ глагольныхъ основъ обозначаетъ въ данныхъ признакахъ состоянія, и, слѣдовательно, самые глаголы съ такими основами являются обозначеннымп въ качествѣ глаголовъ состоянія, но такое значеніе принадлежитъ этимъ глагольнымъ основамъ не въ соотношеніи ихъ съ основами непропзводныхъ глаголовъ вообще, а въ соотношеніи съ основами такихъ непроизводныхъ глаголовъ, которые представляютъ извѣстнаго рода образованіе основы наст. вр., именно образованіе этой основы на *ja*. При этомъ соотношеніе по значенію тѣхъ и другихъ образованій въ глаголѣ является не различіемъ между состояніемъ и дѣйствіемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ, обозначаемомъ глагольною основою (а такъ, повидимому, представляетъ себѣ авторъ это соотношеніе

по значенію), но различіемъ между состояніемъ и тѣмъ дѣйствіемъ, которое производитъ данное состояніе. Затѣмъ мы видѣли, что балтійскіе непроизводные глаголы съ основою наст. вр. на *ja* обозначаютъ дѣйствіе, производящее извѣстное состояніе, также и въ соотношеніи съ непроизводными глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ и обозначающими начинательныя состоянія. Такимъ образомъ въ балтійскихъ глаголахъ состоянія различаются по словообразовательнымъ формамъ грамматическіе классы глаголовъ начинательнаго и неначинательнаго состоянія, находящіеся въ соотношеніи съ грамматическимъ классомъ глаголовъ съ «фактитивнымъ» значеніемъ, т. е. съ значеніемъ дѣйствія производящаго состояніе, при чемъ глаголы, принадлежащіе къ грамматическимъ классамъ глаголовъ начинательнаго и неначинательнаго состоянія, могутъ вступать въ соотношеніе и между собою.

Теперь я перейду ко второй части приведеннаго выше положенія проф. Ульянова: въ чередованіи съ балтійскими основами на $i : \bar{e}$ (литовск. *ė*) авторъ находитъ и основы на $\bar{a}$ (литовск. *o*) въ качествѣ словообразовательной формы глаголовъ состоянія, при чемъ относительно собственно литовскаго языка онъ замѣчаетъ, что здѣсь изрѣдка являются и случаи чередованія основъ на *o* (изъ $\bar{a}$, точнѣе изъ $\bar{a}^{\circ}$) съ основами на $\mathring{u}$ въ глаголахъ, обозначающихъ состоянія (стр. 34). Однако, въ тѣхъ примѣрахъ, какіе даны на стр. 2 — 33, вовсе не доказано существованіе литовско-латышскихъ основъ на $\bar{a}$ (точнѣе на $\bar{a}^{\circ}$) какъ словообразовательной формы, отличающей глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія, а подъ чередованіемъ нѣкоторыхъ литовскихъ основъ на *o* съ основами на $\mathring{u}$ авторъ подразумѣваетъ случаи, въ которыхъ намъ извѣстны изъ различныхъ діалектовъ основы на *o* и на $\mathring{u}$ съ однимъ и тѣмъ-же значеніемъ. Связь литовскаго глагола, имѣющаго основу на *o*, съ такимъ глаголомъ, основа котораго оканчивается на $i : \dot{e}$, указана авторомъ только для kýszau, kýszoti «оставаться воткнутымъ» при восточно-литов-

скомъ kiszi, 3 л. наст. вр., «tkwi co w czym. haeret alqd» (изъ словаря Ширвида), но этотъ исключительный случай объясняется утратою здѣсь, по крайней мѣрѣ въ современномъ литовскомъ языкѣ (насколько мы его знаемъ), соотвѣтственнаго по корню глагола съ значеніемъ начинательнаго состоянія, т. е. глагола *kįsztu или *kįszu, инфинит. *kiszti «втыкаться», а такой глаголъ, предполагаемый образованіемъ основы въ kýszau, kýszoti (см. далѣе), могъ вступать въ соотношеніе и съ глаголомъ kiszi, kiszėti (сравн. примѣры, приведенные мною выше). Глаголъ skyloju, skyloti «быть въ трещинахъ, рыхлымъ» по самому корню не находится въ соотношеніи, по крайней мѣрѣ прямомъ, съ глаголомъ skéldziu (при skéldėju), skéldėti «раскалываться, трескаться», а по образованію это могъ бы быть такой-же глаголъ, какъ svyróju, svyróti, о которомъ я говорю далѣе. Глаголъ mirksaũ, mirksóti «оставаться съ полуоткрытыми глазами» и mìrksiu, mirksėti «мигать» не чередуются между собою по значенію; mirksaũ, mirksóti принадлежитъ по образованію и по значенію къ тѣмъ глаголамъ, которые проф. Ульяновъ разсматриваетъ далѣе, въ § 4, и которые, какъ мы увидимъ, находятся въ соотношеніи съ глаголами начинательнаго состоянія. Прочіе примѣры, указанные авторомъ въ § 3 (озаглавленномъ: «основы на *i* : *ė*, чередующіяся съ основами на *o*»), вовсе не заключаютъ въ себѣ глаголовъ съ основами на *i* : *ė* и вмѣстѣ съ тѣмъ не показываютъ соотношенія между собою основъ на *ė* (при основѣ наст. вр. не на *i*) и на *o* въ качествѣ различныхъ словообразовательныхъ формъ, обозначающихъ одинаково глаголы состоянія въ ихъ отличіи отъ глаголовъ дѣйствія. Основу svirė- или svyrė- (вѣроятно, надо писать svyrė-) въ формѣ nusvirėju (=nusvyrėjo) изъ сборника пѣсенъ Юшкевича авторъ переводитъ «висѣть, качаться», а въ nusvirėju въ данномъ мѣстѣ (ta kuskėlė.... nusvirėju mãnu petėlį) онъ видитъ значеніе «отвисѣлъ», т. е. «утомилъ вися»; однако, svyrė- здѣсь можетъ быть и основою глагола съ фактитивнымъ значеніемъ (сравн. напр. фактитивное значеніе въ производномъ гла-

голѣ kylėju, kylėti), и въ рукописномъ словарѣ Юшкевича я нахожу, дѣйствительно, svirėti (т. е. svyrėti) «ciężyć». Различіе между svirėti (svyrėti) «висѣть, качаться» въ другихъ мѣстахъ изъ Юшкевича, приведенныхъ у автора, и svyrůti, у Куршата svyróti, должно быть по происхожденію различіемъ въ видѣ[1]); по Куршату, svyróju, svyróti значитъ приблизительно то-же, что svįrinėti (svyrinėti), а послѣдній глаголъ имѣетъ кратный видъ съ оттѣнкомъ деминутивнаго значенія. Тоже можно предполагать и относительно различія между siubėti «качаться» и siubůti, subůti, у Куршата sūbóju, sūbóti; эти глаголы, впрочемъ, ничего не могутъ доказывать въ данномъ случаѣ и потому, что при нихъ не существуетъ въ литовскомъ языкѣ непроизводный глаголъ отъ того-же корня (въ supù, sùpti «качать» другой, хотя и родственный, корень). Въ формѣ nuvirżėju (=nuvirżėjo) изъ сборника пѣсенъ Юшкевича можно предполагать простой глаголъ virżėti съ фактитивнымъ значеніемъ (сравн. сказанное мною выше относительно формы nusvirėju), т. е. kaspinėlei nuvirżėju mánu kaséles можетъ значить: «косники стянули мои косы» (по автору: «будучи повязаны утомили»); что же касается формы nuvarżóju (=nuvarżójo), то по самому образованію основы varżó- надо думать, что это глаголъ кратнаго вида (сравн. varżýti) при глаголѣ verżiù, veřżti «стягивать, сжимать» и что, слѣдовательно, nuvarżóju въ данномъ мѣстѣ значитъ: «стягивала» (по автору: «утомила будучи обмотана», именно «уздечка»). Въ żėbso «свѣтитъ, горитъ» (изъ Бродовскаго) основа по ея образованію не находится въ чередованіи съ основами родственныхъ по корню глаголовъ żibù, żibėti «сверкать, блестѣть» и żėbiù, żẽbti «разводить огонь»; по происхожденію основа żėbso- однородна,

1) Форма svyru (=svyro), приведенная авторомъ изъ сборника пѣсенъ Юшкевича, принадлежитъ глаголу svýrau, svýroti и значитъ въ данномъ мѣстѣ «качаются» (не «качались»); этотъ глаголъ (у Куршата и у Шлейхера его нѣтъ) однороденъ по образованію основы съ тѣми глаголами, которые авторъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

надо думать, съ тѣми основами глаголовъ на *-sau, -soti,* которыя авторъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ параграфѣ (Шлейхеръ приводитъ žẽbsaũ, žẽbsóti)[1]), и въ такомъ случаѣ этотъ глаголъ находился въ соотношеніи съ утраченнымъ (или, по крайней мѣрѣ, не извѣстнымъ намъ) глаголомъ *žimbù, žìbti «становиться сверкающимъ», который сохранился въ латышскомъ zîbu (изъ *zimbu), zibt «сверкать»[2]), а *ẽ* въ žẽbsóti вмѣсто ожидаемаго *y* (сравн. szypsóti) явилось, можетъ быть, подъ вліяніемъ *ẽ* въ žẽbiù, žẽbti. Діалектическій глаголъ stypsãti (stypsóti) «оставаться въ покоѣ» авторъ связываетъ по корню съ глаголами stẽbiũs, stẽ̃btis «выпрямляться, становиться на цыпочки»[3]) и stebiũs, stebẽtis «удивляться»; въ дѣйствительности, однако,глаголъ stypsóti имѣетъ другой корень, съ первоначальнымъ *i*, и по образованію и значенію основы находится въ соотношеніи съ stimpù, stìpti «цѣпенѣть, становиться неподвижнымъ», сравн. stẽpiũs, stẽptis «тянуться, становиться на цыпочки», латышск. stẽpju, stẽpt «вытягивать». Различіе между szvitù, szvitẽti «свѣтиться, сверкать» и szvytũti по происхожденію было, надо думать, въ видѣ (въ szvytũti кратный видъ), но Куршатъ въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ и для szvitù, szvitẽti указываетъ только кратное значеніе, какъ и для szvitũti (т. е. szvytũti) и szvytrũti; поэтому и szvytoja въ: auszta auszrélė, szvýtoja, изъ сборника пѣсенъ Юшкевича, значитъ, вѣроятно, «посвѣчиваетъ» (во всякомъ случаѣ не «свѣтаетъ», какъ переводитъ проф. Ульяновъ). Глаголъ tvoskóju, tvoskóti «пылать» по образованію основы не можетъ быть приводимъ въ непосредственную связь съ tvaskù, tvaskẽti «свѣ-

1) См. также литовско-нѣмецкій словарь Куршата.

2) На глаголъ *žimbù, žìbti или *žibstù, žìbti указываетъ въ литовскомъ языкѣ и связь между žibù, žibẽti и žẽbiù, žẽbti, которая по происхожденію не была, я думаю, непосредственною.

3) Повидимому, однако, Куршатъ ошибочно писалъ stẽbiũs, stẽptis (т. е. stẽbtis) въ этомъ значеніи вмѣсто stẽbiũs, stẽbtis; сравн. приводимый мною далѣе глаголъ stẽptis.

титься, блестѣть»; по происхожденію tvoskóti, вѣроятно, глаголъ кратнаго вида, сравн. у Куршата tvoskù, tvõksti «трещать = болтать», а по связи значеній сравн. другія образованія отъ того-же корня.

Что касается литовскихъ глагольныхъ основъ на *o*, приведенныхъ въ § 4, то при нихъ и самъ авторъ не указываетъ какихъ-либо основъ на *i* : *ė* или на *ėja* : *ė*, такъ какъ здѣсь имѣются въ виду основы глаголовъ состоянія типа rý̃mau, rý̃moti «сидѣть, стоять опершись, подпершись» и типа timpsaĩ, timpsóti «лежать растянувшись (лѣниво)». Эти глаголы по формѣ основы, въ дѣйствительности, находятся въ связи съ тѣми непроизводными глаголами начинательнаго состоянія, которые имѣютъ основу настоящаго времени на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ: формою основы такихъ глаголовъ на *-au*, *-oti* и на *-saĩ*, *-sóti* обозначается интенсивное пребываніе въ томъ состояніи, возникновеніе котораго обозначено въ основахъ непроизводныхъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. образованіе на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ. Напр. klúpau, klúpoti «продолжать стоять на колѣнахъ» при klumpù, klùpti «становиться на колѣни» (обыкновенное значеніе: «спотыкаться»); stý̃gau, stý̃goti «оставаться спокойно на мѣстѣ» при stingù, stìgti «innerlich ruhig werden zum Bleiben und Weilen an einer Stelle; ruhig sein» (Куршатъ) [1]); tį̃sau, tį̃soti «лежать растянувшись» при tį̃stù, tį̃̃sti «становиться тянущимся, тянуться»; другаго образованія, именно на *-saĩ*, *-sóti*, напр. timpsaĩ, timpsóti «лежать растянувшись (лѣниво)» при timpstù, tim̃pti «становиться тянущимся, тянуться»; vypsaĩ, vypsóti, а также vė̃psaĩ, vė̃psóti [2]) «оставаться съ полуоткрытыми губами, съ искривленнымъ ртомъ (кисло улыбаясь)», сравн. at-vimpu, at-

1) Проф. Ульяновъ считаетъ глаголъ stý̃goti родственнымъ съ steigti «спѣшить» и т. д. (сравн. также Leskien, Ablaut, стр. 23), но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

2) Авторъ пишетъ vẽpsaĩ, vẽpsóti, но здѣсь *iė* (=*ė*) у Куршата, при *ė*, — ошибочное написаніе; см. Leskien, Ablaut, стр. 93.

vipti «повиснуть» (о губахъ) [1]). Сюда-же принадлежитъ по происхожденію напр. и отношеніе rýmau, rýmoti «пребывать (стоять или сидѣть) подпершись, опершись» къ rìmstu, rìmti «успокоиваться, быть спокойнымъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при такомъ глаголѣ на *-au*, *-oti* или *-saũ*, *-sóti* соотвѣтственный непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ не сохранился, напр. при lìndau, lìndoti «залѣзши куда сидѣть, скрываться» (сравн. отъ того-же корня lendù, lį̃sti «ползти») или при žiopsaũ, žiopsóti «оставаться съ разинутымъ ртомъ» (сравн. ziopsnu въ словарѣ Нессельмана). Проф. Ульяновъ не обращаетъ вниманія на связь этихъ глаголовъ на *-au*, *-oti* и на *-saũ*, *-sóti* съ непроизводными глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, и называетъ основы, являющіяся въ rýmoti, timpsóti и т. д., произведенными отъ тѣхъ основъ, какія существуютъ въ соотвѣтственныхъ по корню глаголахъ дѣйствія, напр. въ remiù, reñti «подпирать», tempiù, teñpti «натягивать», хотя въ дѣйствительности между этими глаголами и глаголами типа rýmoti или timpsóti нѣтъ непосредственной связи ни въ образованіи основъ въ rýmoti, timpsóti и т. д., ни въ значеніи, принадлежащемъ этому образованію; связь напр. между timpsóti и tempiù, teñpti произошла при посредствѣ глагола timpstù, tiñpti, который, какъ мы знаемъ, по формѣ основы предполагаетъ чередованіе съ такимъ глаголомъ, какъ tempiù, teñpti. Значеніе формы основъ въ литовскихъ глаголахъ типа rýmoti или timpsóti опредѣлено авторомъ невѣрно въ первой части его изслѣдованія (стр. 73), и впослѣдствіи (II, стр. 25) проф. Ульяновъ самъ указалъ на ошибочность своего прежняго взгляда; я не могу, однако, согласиться и съ тѣмъ опредѣленіемъ, какое авторъ даетъ формѣ этихъ основъ во второй части изслѣдованія. По мнѣнію, изложенному здѣсь, форма такихъ основъ обозначаетъ длительность

1) См. Leskien, Ablaut, стр. 93.

времени признака, т. е. является формою вида длительнаго, но, какъ я объяснялъ уже прежде, извѣстная словообразовательная форма, существующая лишь въ глаголахъ состоянія, не можетъ быть формою вида и обозначаетъ извѣстное различіе въ признакахъ какъ въ состояніяхъ, т. е. по отношенію къ связи признака какъ состоянія съ субъектами признака. Мой взглядъ на значеніе этой формы литовскихъ глагольныхъ основъ я высказалъ выше; по моему мнѣнію, слѣдовательно, глаголы съ такими основами представляютъ собою особый грамматическій классъ глаголовъ состоянія, именно такой классъ, въ которомъ словообразовательною формою основы обозначается интенсивно-сохраняющаяся связь съ субъектами тѣхъ состояній, которыя въ ихъ возникновеніи обозначены непроизводными глаголами съ формою основы наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ. Въ литовскихъ основахъ этихъ «интенсивно-длительныхъ» глаголовъ состоянія надо признавать, конечно, новообразованія, какъ свидѣтельствуетъ новая долгота гласной корня, имѣющаго первоначальный слабый звуковой видъ, въ такихъ основахъ (при этомъ въ образованіи на *-au*, *-oti*, безъ *s*, является нисходящее удареніе на корнѣ), хотя самый процессъ появленія этихъ новообразованій можетъ оставаться для насъ неяснымъ; во всякомъ случаѣ нельзя считать основательнымъ мнѣніе автора (стр. 78), будто такія основы произошли изъ тѣхъ основъ (по происхожденію основъ аориста, думаетъ авторъ), которыя существуютъ въ литовскомъ прошедшемъ времени, напр. въ rimaĩ, klupaĩ, tįsaĩ (глаголовъ rim̃ti, klùpti, tį̃sti) и т. д., при чемъ появленіе *ī* и *ū* (съ нисходящимъ удареніемъ!) въ gýmau, klúpau и т. д. изъ *ĭ* и *ŭ* и измѣненіе качества долготы (у автора «качества») носовыхъ и плавныхъ согласныхъ въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ вызывалось, «вѣроятно», по мнѣнію проф. Ульянова, перенесеніемъ ударенія съ послѣдующаго слога (гдѣ, однако, однородные случаи для такихъ *ī* и *ū* и для такого перенесенія ударенія?). Какъ бы то ни было, эти литовскія глагольныя основы, представляющія собою несомнѣнныя новообразова-

нія, мы не имѣемъ права переносить даже въ литовско-латышскую эпоху, такъ какъ изъ латышскаго языка онѣ не извѣстны и вмѣстѣ съ тѣмъ не засвидѣтельствованы ни прусскимъ языкомъ, ни славянскими языками; поэтому на основаніи такихъ литовскихъ основъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно формъ глагольныхъ основъ на общебалтійское или литовско-славянское *ā* (*ā°*).

Въ числѣ литовскихъ глаголовъ, приведенныхъ авторомъ въ § 4, находится глаголъ karau, karoti «висѣть» (изъ старыхъ восточно-литовскихъ текстовъ), занимающій особое мѣсто по образованію основы (съ гласною *a* въ корнѣ), а можетъ быть и по значенію, если значеніе «висѣть» не изъ значенія «оставаться повиснувшимъ»; сравн. отъ того-же корня kariù, kárti «вѣшать». Надо замѣтить, что въ литовскомъ языкѣ при основѣ karo- «висѣть» существуетъ и karo- «вѣшать», въ глаголѣ karoju, karoti «вѣшать»; отсюда напр. форма karo, изъ karoja, въ томъ мѣстѣ изъ «Paląngos Juze», которое имѣетъ въ виду проф. Ульяновъ на стр. 19 примѣч. и на стр. 53 (авторъ беретъ цитату изъ Litauische Forschungen Бецценбергера, стр. 69), при чемъ онъ ошибочно выводитъ на основаніи этой формы karo «вѣшаетъ» глаголъ karau, karoti съ значеніемъ «вѣшать», не karoju, karoti (форма karo глагола karau въ данномъ діалектѣ измѣнилась бы въ kara, такъ какъ неударяемая долгая гласная въ старомъ концѣ слова здѣсь сократилась, сравн. напр. vara, dara тамъ-же). Съ этимъ литовскимъ производнымъ глаголомъ karoju, karoti «вѣшать» полное тождество представляетъ латышскій глаголъ *karāju, karāt, сохранившійся лишь въ возвратной формѣ karājûs, karātës, вслѣдствіе чего значеніе «вѣшать» измѣнилось въ значеніе «висѣть». Проф. Ульяновъ, стр. 32—33, видитъ въ этомъ латышскомъ глаголѣ указаніе на то, что и латышскій языкъ получилъ глагольныя основы на *ā'* съ особымъ значеніемъ по отношенію къ «залогу», т. е. въ качествѣ основъ глаголовъ состоянія, но къ такому заключенію авторъ приходитъ потому, что сопоставляетъ этотъ латышскій

глаголъ съ литовскимъ karau, karoti «висѣть», а не съ литовскимъ глаголомъ karoju, karoti «вѣшать», который былъ ему не извѣстенъ. Другихъ какихъ-либо случаевъ латышскихъ глагольныхъ основъ на *ā* какъ основъ «средняго залога» (т. е. основъ глаголовъ состоянія) авторъ не приводитъ [1]) и, слѣдовательно, вовсе не открываетъ въ латышскомъ языкѣ такихъ основъ, такъ какъ въ karātēs основа имѣла фактитивное значеніе. Поэтому положеніе проф. Ульянова относительно того, что въ литовско-латышскую, и даже въ общебалтійскую, эпоху при формѣ основъ глаголовъ состоянія на *i : ē* (литовск. *ė*) существовала съ подобнымъ-же значеніемъ и форма основъ на *ā* (*ā°*), осталось недоказаннымъ. Я не отрицаю, понятно, того факта, что основы на балтійское *ā°*, литовское *o*, были получены, между прочимъ, и въ глаголахъ состоянія, но я не вижу никакихъ указаній на то, что самое образованіе глагольныхъ основъ на балтійское *ā°* существовало въ литовско-латышскую эпоху или еще ранѣе въ качествѣ словообразовательной формы, отличавшей глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія, или въ качествѣ такой словообразовательной формы, которою различались въ глаголахъ состоянія извѣстные классы такихъ глаголовъ (т. е. безъ отношенія къ различіямъ въ формѣ вида).

По вопросу о литовско-латышскихъ формахъ основъ глаголовъ состоянія мнѣ остается сказать еще объ основахъ на *a : ē* (литовск. *ė*), т. е. объ основахъ наст. вр. на *a* при основахъ инфинитива на *ē* (лит. *ė*), напр. въ литовск. szvitù, szvitėti «свѣтиться, сверкать», drebù, drebėti «дрожать». Глаголы и съ этими основами по бо̀льшей части обозначаютъ различныя состоянія; въ латышскомъ языкѣ эти основы смѣшиваются съ основами на старыя *i : ē* (вслѣдствіе утраты здѣсь образованій на *i*), но въ литовскомъ языкѣ, какъ я замѣтилъ уже, основы на *i : ė* и на *a : ė*, хотя въ нѣкоторыхъ глаголахъ также смѣшиваются, должны

1) Онъ предполагаетъ, правда, что такая основа вошла въ составъ и литовскаго bijótis «бояться», латышск. bijātēs, но изъ самихъ балтійскихъ языковъ такое происхожденіе этой основы ничѣмъ не доказывается.

быть отдѣляемы вообще однѣ отъ другихъ. Въ литовскихъ основахъ на *a : ė* является иногда чередованіе съ основами начинательнаго состоянія, т. е. съ основами тѣхъ непроизводныхъ глаголовъ, которые въ наст. вр. имѣютъ образованіе на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ; сравн., кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, такіе случаи, какъ: brizgù, brizgėti «растеребливаться, раздергиваться по ниткамъ» (о ткани) при brįzgù, brìgsti; kabù, kabėti «висѣть» при kimbù, kìbti «прицѣпляться»; mirgù, mirgėti «рябить (въ глазахъ)» при латышск. mir̂gstu, mir̂gt «мелькать»; merszu, merszėti (и mirszėju, mirszėti) «оставлять безъ вниманія, не имѣть въ памяти» при mirsztù, mir̂szti (обыкновенно въ сложеніи съ приставками) «забывать». Я думаю, что форма основъ на *a : ē* (литовск. *ė*) возникла именно въ этомъ чередованіи основъ, т. е. что этою формою въ данномъ признакѣ обозначалось состояніе неначинательное по отношенію къ начинательному состоянію; отсюда и другіе глаголы съ основами наст. вр. на *a*, обозначавшіе состоянія, могли получать основу инфинитива на *ē* (литовск. *ė*), подъ вліяніемъ однородности ихъ въ значеніи съ глаголами, уже имѣвшими основы на *a : ē*, а однородность существовала, можетъ быть, и въ одинаковомъ отношеніи по значенію тѣхъ и другихъ къ производнымъ глаголамъ съ основами на *in*, въ наст. вр. на *ina*, съ значеніемъ фактитивнымъ: сравн. напр. kabù, kabėti «висѣть» (при kimbù, kìbti) въ его отношеніи къ kabinù, kabìnti «вѣшать» и напр. skámbu, skambėti «звенѣть» по отношенію къ skámbinu, skámbinti «производить звонъ, звонить» [1]). Въ нѣкоторыхъ,

1) Производныя глагольныя основы на *in*, въ наст. вр. на *ina*, имѣютъ какъ фактитивное, такъ и каузативное значеніе; попытку автора объяснить это *ina* изъ *i* въ окончаніи основъ наст. вр. глаголовъ состоянія + *na* (стр. 54) нельзя, конечно, признать удачною, какъ и его объясненіе литовск. производныхъ глагольныхъ основъ на *en*, въ наст. вр. на *ena*, изъ *ē* + *na* (стр. 56) не убѣдительно, по моему мнѣнію. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ образованіяхъ *en* и *in* (сравн. греч. αν въ глаголахъ на -ανω) представляютъ различные звуковые виды одного и того-же суффикса, т. е. изъ индоевроп. $a^{o}n$ и $\underline{a}\underline{n}$.

рѣдкихъ, случаяхъ глаголы съ основами на *a* (безъ варіанта *i*): *ē*, обозначающіе состоянія, находятся въ соотношеніи съ непроизводными глаголами, имѣющими фактитивное значеніе и представляющими въ основѣ наст. вр. образованіе на *ja*; таковы: bìldu, bildėti «издавать шумъ» (частью, впрочемъ, и «производить шумъ») при bėldziu, bėlsti «стучать»; teszkù, teszkėti «капать» при teszkiù, tẽkszti «брызгать». Въ случаяхъ этого рода связующимъ звеномъ между тѣми и другими глаголами могъ быть глаголъ начинательнаго состоянія съ основою наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ; сравн. замѣченное мною выше, въ примѣчаніи на стр. 31, по поводу žibù, žibėti при žėbiù, žẽbti.

Въ числѣ литовскихъ глаголовъ съ основами на *i*:*ė* и на *a*:*ė* существуютъ и такіе, которые имѣютъ значеніе дѣйствія, развившееся изъ значенія состоянія или являющееся при значеніи состоянія; такъ, въ глаголахъ, обозначающихъ различныя движенія или звуки, оба эти значенія (т. е. напр. значенія произвольнаго и непроизвольнаго движенія), понятно, связываются одно съ другимъ. Кромѣ того, нѣкоторые литовскіе глаголы съ основами на *i*:*ė* и на *a*:*ė*, не сохраняющіе значенія формы основы, представляютъ даже и фактитивное значеніе, напр. указанный авторомъ восточно-литовскій глаголъ kaliù, kalėti «сажать въ темницу» (сравн. выше kaliù, kalėti «быть въ оковахъ, сидѣть въ темницѣ») или напр. penù (восточно-литовск. и peniu), penėti «питать, кормить». Относительно случаевъ этого рода проф. Ульяновъ думаетъ, что такіе глаголы съ основами на *i*:*ė* явились вслѣдствіе смѣшенія образованія основы наст. вр. на *i* съ образованіемъ на *ėja* (сравн. напр. при geniù, genėti «обрѣзывать сучья» діалектич. genėju, genėti) подъ вліяніемъ образованія на *ėja* при *i* въ основѣ наст. вр. и нѣкоторыхъ глаголовъ состоянія съ основою инфинитива на *ė* (напр. skérdžiu и skérdėju, skérdėti «трескаться»). Такъ-же можетъ объясняться и основа наст. вр. на *a* въ глаголахъ съ основою инфинитива на *ė*, имѣющихъ фактитивное значеніе; сравн. въ

глаголахъ, обозначающихъ состоянія, съ основами на *a* : *ė* такіе случаи, какъ skéndu, skéndėti «тонуть» и skéndėju, skéndėti.

Я не буду разсматривать здѣсь подробно содержаніе другихъ параграфовъ первой главы, посвященной балтійскимъ языкамъ (на нѣкоторыхъ мѣстахъ въ дальнѣйшихъ параграфахъ я уже останавливался, впрочемъ) и замѣчу лишь, что въ этой главѣ авторъ занимается вообще изслѣдованіемъ именно тѣхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, которыя онъ называетъ основами «средняго залога», между тѣмъ какъ глаголы «дѣйствительнаго залога» обращаютъ на себя вниманіе автора лишь постольку, поскольку они принадлежатъ къ глаголамъ производнымъ «фактитивнымъ» (т. е. съ основами отъ основъ «средняго залога») или поскольку авторъ открываетъ въ нихъ образованія, создавшіяся подъ вліяніемъ глаголовъ «средняго залога». Совершенно однородно въ общемъ содержаніе и слѣдующей главы, о глагольныхъ основахъ въ славянскихъ языкахъ. Впослѣдствіи проф. Ульяновъ самъ замѣтилъ, что въ первой части своего изслѣдованія онъ придавалъ преувеличенное значеніе вліянію основъ «средняго залога» и «сводилъ всякія литовско-славянскія основы на индоевроп. $\bar{a}^a$ къ извѣстнымъ основамъ средняго залога» (предисловіе ко второй части, I). Во второй части изслѣдованія авторъ исправилъ нѣкоторые выводы, сдѣланные имъ въ первой части, и призналъ «полную самостоятельность по происхожденію основъ на индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$ въ глаголахъ дѣйствительнаго залога» (ibid.). Однако, и во второй части проф. Ульяновъ не отказывается отъ того мнѣнія, какое онъ высказываетъ въ первой части относительно происхожденія балтійскихъ основъ прошедшаго времени (нѣкогда имперфекта), равно какъ и славянскихъ основъ имперфекта, хотя и это объясненіе (важное для другихъ выводовъ автора) основывается несомнѣнно на томъ, что авторъ вообще придавалъ преувеличенное значеніе вліянію основъ «средняго залога». По мнѣнію проф. Ульянова, основы балтійскаго прош. вр. на $\bar{a}$ (точнѣе $\bar{a}^o$), $\bar{e}$, слѣдовательно на литовск. *o*, *ė*, по ихъ происхожденію представляютъ собою

основы аориста глаголовъ «средняго залога», т. е. окончанія $\bar{a}$ ($\bar{a}^o$), $\bar{e}$ въ основахъ балтійскаго прош. вр. авторъ считаетъ тождественными напр. съ литовскими *o*, *ė* въ окончаніи основъ глаголовъ «средняго залога», напр. въ lìndoti или въ avėti; «аналогіи глаголовъ средняго залога послѣдовали и глаголы дѣйствительнаго залога и также замѣнили формы прошедшаго времени (стараго имперфекта) отъ основъ на *a* формами (аориста) отъ основъ на $\bar{a}$ и $\bar{e}$» (стр. 84—85). Такое мнѣніе автора относительно происхожденія балтійскаго образованія прош. вр. въ глаголахъ дѣйствія едва-ли можетъ казаться сколько-нибудь убѣдительнымъ и само по себѣ, тѣмъ болѣе что авторъ, какъ мы видѣли, вовсе не доказалъ существованія старыхъ балтійскихъ основъ на $\bar{a}$ ($\bar{a}^o$) въ качествѣ основъ «средняго залога», т. е. въ качествѣ такихъ основъ, въ которыхъ формою основы обозначаются въ данныхъ признакахъ состоянія. Но прежде всего я не могу согласиться съ исходнымъ пунктомъ въ этомъ разсужденіи автора, именно съ его мнѣніемъ о томъ, будто-бы въ балтійскомъ прошедшемъ времени, изъ имперфекта, является древній аористъ съ основами на индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$; противъ этого свидѣтельствуютъ извѣстные фонетическіе факты, на которые авторъ не обратилъ вниманія. Въ балтійскихъ глаголахъ съ основами инфинитива (слѣдовательно, съ основами стараго аориста) на $\bar{a}^o$, лит. *o*, и $\bar{e}$, лит. *ė*, изъ индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$, эти гласныя получены были съ такого рода долготою (съ долготою «длительною»), которая въ литовскомъ языкѣ еще въ пралитовскую эпоху при положеніи подъ удареніемъ не въ конечномъ слогѣ словъ образовала нисходящее качество ударенія («gestossene Betonung»), а въ конечномъ слогѣ словъ сократилась (въ открытомъ концѣ словъ, а равно безъ ударенія въ закрытомъ концѣ словъ, перешла въ краткость, а подъ удареніемъ въ закрытомъ концѣ словъ обратилась въ полудолготу съ восходящимъ качествомъ ударенія, откуда напр. въ среднелитовскомъ нарѣчіи долгота съ восходящимъ удареніемъ). Но въ балтійскомъ прошедшемъ времени гласныя $\bar{a}^o$ (литовск. *o*) и $\bar{e}$ (литовск. *ė*) въ окончаніи основы имѣли другаго рода

долготу («прерывистую»), какъ свидѣтельствуетъ напр. отсутствіе сокращенія въ литовскомъ языкѣ этихъ *o* и *ė* въ концѣ словъ въ формѣ 3-го лица [1]). Слѣдовательно, балтійскія $\bar{a}^o$ и $\bar{e}$ въ окончаніи основы прош. вр. не тождественны съ балтійскими $\bar{a}^o$ и $\bar{e}$ въ окончаніи основы инфинитива извѣстныхъ глаголовъ и не восходятъ къ индоевропейскимъ $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$ въ концѣ производныхъ глагольныхъ основъ; поэтому надо думать, что эти балтійскія $\bar{a}^o$ и $\bar{e}$, литовск. *o* и *ė*, явились вслѣдствіе стяженія гласныхъ въ долгой гласной, а такое происхожденіе они имѣли бы въ томъ случаѣ, еслибъ образовались изъ индоевроп. $\bar{a}^a i a^{e/o}$ и $\bar{a}^e i a^{e/o}$, съ фонетическою утратою i (не j) между гласными и со стяженіемъ долгой и краткой гласной (между которыми исчезло i) въ одну долгую гласную [2]). По моему мнѣнію балтійское прошедшее время по его первоначальному происхожденію представляетъ собою имперфектъ [3]) производныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. и имперфекта на индоевроп. $\bar{a}^a i a^{e/o}$ и $\bar{a}^e i a^{e/o}$, замѣнившій собою старый имперфектъ соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, а равно и тѣхъ первично-производныхъ глаголовъ, при которыхъ существовали вторично-производные глаголы съ такими основами; подъ вліяніемъ этихъ случаевъ и прочіе глаголы получили въ имперфектѣ такого-же рода новообразованія. Производные глаголы съ основами наст. вр. и имперф. на индоевроп. $\bar{a}^a i a^{e/o}$ и $\bar{a}^e i a^{e/o}$, давшіе существованіе еще въ литовско-славянскомъ языкѣ формѣ балтійскаго прошедшаго времени, были, я думаю, глаголами вида длительнаго (съ значеніемъ длительности или продолженности), т. е. съ самымъ образованіемъ этихъ гла-

---

1) Подобнаго-же рода указаніе на «прерывистую» долготу балтійскаго $\bar{e}$ въ окончаніи основы прошедшаго времени я извлекаю и изъ прусскаго языка; см. мою статью въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (1895 г.), т. XXXIII, стр. 285—286. Въ той-же статьѣ см. и общія замѣчанія относительно прерывистой и длительной долготы.

2) См. въ той-же статьѣ стр. 288 и слѣд.

3) Въ первомъ и второмъ лицахъ ед. ч. литовскаго и латышскаго прошедшаго времени окончанія перенесены изъ формы настоящаго времени; такъ думаетъ и проф. Ульяновъ.

гольныхъ основъ на индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$ при извѣстномъ звуковомъ видѣ корня ($ia^{e/o}$ являлось суффиксомъ основы наст. вр. и имперф.) соединялось, я думаю, значеніе словообразовательной формы вида длительнаго; ни въ балтійскихъ, ни въ славянскихъ языкахъ мы не находимъ этихъ производныхъ глаголовъ, именно потому, что еще въ литовско-славянскую эпоху такіе глаголы, получивъ новое употребленіе въ формѣ имперфекта (а также въ формѣ сигматическаго аориста, давшей существованіе славянскому имперфекту), не могли поэтому сохраняться какъ особый классъ глаголовъ. Изъ значенія длительности или продолженности этихъ глаголовъ легко объясняется тотъ фактъ, что именно они въ формѣ имперфекта послужили для замѣны стараго имперфекта въ другихъ глаголахъ, какъ скоро явилась потребность въ новообразованіи для имперфекта извѣстныхъ непроизводныхъ глаголовъ[1]); имперфектъ производныхъ глаголовъ длительнаго вида, если даже этотъ видъ обозначалъ продолженность, долженъ былъ быть очень близокъ по значенію къ имперфекту соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, не имѣвшихъ этого вида, такъ какъ вѣдь имперфектъ въ его основномъ по происхожденію отличіи отъ аориста представляетъ собою именно форму прошедшаго времени въ его длительности.

Проф. Ульяновъ согласно со своимъ взглядомъ на происхожденіе балтійской формы прошедшаго времени, нѣкогда имперфекта, и въ литовской формѣ прошедшаго времени различаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ древнія значенія имперфекта и аориста, но литовская форма прош. вр. не есть имперфектъ и не есть аористъ (вслѣдствіе отсутствія различія формъ имперфекта и аориста въ литовскомъ языкѣ), и потому въ ней не различаются

1) Я думаю, что поводомъ, вызывавшимъ новообразованія имперфекта въ литовско-славянскомъ языкѣ, служило совпаденіе по звуковой сторонѣ имперфекта и простаго (несигматическаго) аориста въ извѣстномъ классѣ непроизводныхъ глаголовъ, являвшееся вслѣдствіе утраты чередованія между сильнымъ и слабымъ звуковыми видами корня тамъ, гдѣ нѣкогда именно съ этимъ различіемъ связывалось различіе въ значеніи данной формы прош. вр. какъ имперфекта и какъ аориста. Сравн. мнѣніе проф. Ульянова на стр. 208.

вообще тѣ значенія, которыя въ языкахъ, имѣющихъ формы имперфекта и аориста, образуютъ различіе между этими формами. Крайне искусственною является попытка автора объяснить въ литовскомъ глаголѣ lėkù, lìkti совпаденіе значеній состоянія («оставаться») и дѣйствія («оставлять») изъ смѣшенія въ прош. вр. значеній стараго имперфекта «дѣйствительнаго залога» и аориста съ основою на балтійское $\bar{a}$ ($\bar{a}^{o}$), т. е., по мнѣнію проф. Ульянова, съ основою «средняго залога» (стр. 81). Но вѣдь автору извѣстны случаи такого совпаденія значеній въ одномъ глаголѣ и изъ другихъ языковъ, къ которымъ не примѣняется, однако, подобное объясненіе. Что же касается литовскаго глагола telpù, tiĩpti, то онъ имѣетъ всегда (не «обыкновенно») значеніе состоянія: «помѣщаться, вмѣщаться въ чемъ нибудь», а предполагаемое авторомъ значеніе «вмѣстилъ» для tiĩpo въ одномъ мѣстѣ изъ пѣсни (стр. 82) основывается на томъ, что форму мѣстн. пад. skrynėlė, изъ skrynėlėje (сравн. въ той-же пѣснѣ напр. naujoje stajnėlė), авторъ принялъ ошибочно за именит. пад.

Я признаю немаловажную заслугу автора въ томъ, что онъ еще въ своемъ сочиненіи «Основы настоящаго времени», стр. 184, а затѣмъ и въ разбираемомъ мною изслѣдованіи указалъ на происхожденіе балтійской формы прошедшаго времени (нѣкогда имперфекта) изъ индоевропейской формы прош. вр. глаголовъ съ производными основами на $\bar{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$, но, какъ я замѣтилъ, на основаніи фонетическихъ данныхъ я не могу признать въ этой балтійской формѣ прош. вр. индоевропейскій аористъ или вообще индоевропейскую форму прош. вр. негематическаго спряженія [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ я не вижу сколько-нибудь достаточнаго основанія предполагать въ этихъ индоевропейскихъ глагольныхъ основахъ на $\bar{a}^{a}$ и на $\bar{a}^{e}$ словообразовательную форму глаголовъ

1) Съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ впервые въ 1888 г., сходится и мнѣніе Видемана относительно происхожденія формы литовскаго прошедшаго времени; см. Видемана Das litauische Präteritum (1891 г.).

состоянія, т. е. форму такъ-называемаго авторомъ «средняго залога».

Содержаніе второй главы: «Основы славянскихъ языковъ» опредѣляется въ общемъ изъ содержанія первой главы, т. е. авторъ приступаетъ къ изслѣдованію значеній основъ въ славянскихъ глаголахъ съ тѣми вопросами, къ которымъ его приводятъ заключенія, сдѣланныя имъ относительно балтійскихъ основъ «обозначающихъ различія по залогамъ». Проф. Ульяновъ разсматриваетъ здѣсь факты сперва старославянскаго языка, а затѣмъ русскаго, сербскаго и польскаго языковъ; такой пріемъ изслѣдованія нѣсколько неудобенъ, конечно, такъ какъ въ отдѣлахъ о русскихъ, сербскихъ и польскихъ глагольныхъ основахъ автору приходится говорить о фактахъ частью тождественныхъ съ тѣми, которые онъ уже опредѣлилъ въ старославянскомъ языкѣ, частью однородныхъ. Впослѣдствіи и самъ авторъ созналъ неудобство такого пріема изслѣдованія, и во второй части онъ разсматриваетъ славянскіе языки вмѣстѣ по отношенію къ каждому изъ представлявшихся вопросовъ.

Съ балтійскими глагольными основами на $i:\bar{e}$ тождественны по образованію, какъ извѣстно, славянскія основы на старославянскія $u:ъ$[1]) въ глаголахъ, которые по большей части также обозначаютъ состоянія, но въ славянскихъ языкахъ не сохранилось чередованіе этихъ глаголовъ по значенію съ глаголами непроизводными, и вмѣсто того мы находимъ здѣсь въ связи съ основами на $u:ъ$ основы такихъ производныхъ глаголовъ съ фактитивнымъ значеніемъ, какъ боудити (при бъдѣти), варити (при вьрѣти). Автору слѣдовало бы подробнѣе разсмотрѣть эти случаи, такъ какъ отсюда онъ могъ бы извлечь указаніе на то, что глагольныя основы на $u:ъ$ были словообразовательною формою глаголовъ состоянія. Но проф. Ульяновъ лишь

---

1) Я беру здѣсь и далѣе старославянскій языкъ въ качествѣ представителя различныхъ славянскихъ языковъ.

мимоходомъ упоминаетъ объ этихъ фактахъ, при чемъ вовсе не останавливается на существующемъ въ этихъ случаяхъ соотношеніи значеній, а именно онъ говоритъ такъ: «Вообще по отношенію къ старослав. глаголамъ съ основами на *и* : *ѣ* мы должны имѣть въ виду, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они являются также съ основами корневыми (напр. видѣти, видить : видомъ, виждь; вазѣти : оу-вазеть, оу-васти; ньзѣти : въ-нъзеть); большею частью производнымъ основамъ на *и* : *ѣ* соотвѣтствуютъ также различныя производныя основы; ср. напр. бъдѣти : боудити; вьрѣти : варити и т. п.» (стр. 93). Здѣсь сопоставленіе такого чередованія глаголовъ, какъ боудити : бъдѣти, со случаями въ родѣ виждь : видѣти показываетъ, что соотношенію между боудити и бъдѣти и т. п. авторъ не придавалъ того значенія, какое оно должно бы было имѣть для него. «Но», продолжаетъ авторъ, «несмотря на утрату непроизводныхъ основъ, соотвѣтствовавшихъ извѣстнымъ производнымъ, старославянскій языкъ представляетъ въ послѣднихъ основахъ тѣ-же значенія, какія мы находимъ въ балтійскихъ основахъ на *i* : *ē*; такимъ образомъ и въ старослав. языкѣ основы на *и* и *ѣ* являются основами глаголовъ, обозначающихъ состояніе; личныя и неличныя формы отъ этихъ основъ являются и здѣсь формами средняго залога». Однако, тотъ фактъ, что извѣстные глаголы, однородные въ окончаніи вошедшихъ въ ихъ составъ основъ, однородны вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ, изслѣдователей фактовъ языка, и въ ихъ значеніяхъ, не доказываетъ еще того, что эти основы имѣютъ въ языкѣ общую имъ форму, такъ какъ форма основъ можетъ существовать, понятно, лишь въ соотношеніи данныхъ основъ съ другими основами, представляющими другое образованіе основы отъ тѣхъ-же корней. Такимъ образомъ надо признать, что авторъ вовсе не показалъ того, что славянскіе глаголы съ основами на старослав. *и* : *ѣ* (а слѣдовательно и съ соотвѣтственными основами другихъ славянскихъ языковъ) сохраняютъ въ себѣ форму, обозначающую извѣстное различіе въ томъ, что онъ называетъ залогомъ. Тѣ примѣры, какіе приводитъ далѣе

проф. Ульяновъ въ подтвержденіе высказанной имъ мысли, выбраны неудачно. Онъ говоритъ: «Напр. бѣго- обозначаетъ «обращаться въ бѣгство» (ср. отъбѣгѫ Синайск. молитв. 88, 3); бѣжа-, бѣжи- обозначаетъ «быть въ бѣгствѣ» (напр. сльньце бѣжѧште Супр. рук. 328, 18), «избѣжать чего н.» (напр. бѣжати отъ градѫштааго гнѣва Лук. III, 7 въ Мар. ев., Остром. и др.)». Въ дѣйствительности между бѣго- и бѣжа-, бѣжи- вовсе нѣтъ указаннаго здѣсь различія значеній, и въ бѣжа-, бѣжи- соединяются значеніе бѣга какъ извѣстнаго рода движенія и значеніе «обращаться въ бѣгство», сравн. напр. видѣвъше же пасѫштеи бывъшеѥ бѣжашѧ (т. е. «обратились въ бѣгство») Лук. VIII, 34, да и въ приведенномъ авторомъ «бѣжати отъ градѫштааго гнѣва» бѣжати не обозначаетъ состоянія, а кромѣ того и вообще значеніе бѣга какъ извѣстнаго рода движенія въ бѣжати не есть необходимо значеніе состоянія «быть въ бѣгствѣ»; что же касается отъбѣгѫ, отъ основы аориста бѣго-, то значеніе «обращаться въ бѣгство» обусловливается здѣсь приставкою отъ-, сравн. прибѣгъ въ Синайск. молитв. 155, 24. Далѣе проф. Ульяновъ указываетъ на то, что глаголъ жити, «различающій два рода основъ» (авторъ имѣетъ въ виду и основу живѣ-), «различаетъ и два рода значеній: 1) «вести какой нибудь образъ жизни (напр. живъı блѫдьно), 2) обитать, жить гдѣ нибудь», болѣе общее значеніе — «проводить жизнь, быть живымъ»; но, во-первыхъ, не видно, чтобы съ этимъ различіемъ въ значеніи связывалось различіе въ образованіи основъ, а во-вторыхъ, почему значеніе жити напр. въ живъı блѫдьно не есть значеніе состоянія? Глаголъ тешти, по словамъ автора, при двухъ основахъ различаетъ значенія «бѣжать» и «течь»; но подъ другою основою этого глагола авторъ подразумѣваетъ тека- въ имперфектѣ (т. е. въ основѣ текаа-), а это тека- онъ отождествляетъ съ литовскимъ tekė- въ глаголѣ tekėti «бѣжать, течь», такъ какъ славянск. *ъ* въ основѣ имперфекта проф. Ульяновъ не отдѣляетъ отъ *ъ* въ основѣ инфинитива такихъ глаголовъ, какъ бъдѣти, съ чѣмъ,

однако, я не могу согласиться (сравн. сказанное мною выше и см. также далѣе). «Глаголъ жьдати», говоритъ авторъ, «имѣетъ обыкновенно значеніе «ожидать», но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является съ значеніями «предстоять кому нибудь», «быть обреченнымъ чему нибудь»; «въ виду этого», думаетъ авторъ, «можно предполагать, что основа жидѣ-, жьдѣ-, являющаяся въ формахъ жıдѣахѫ, жьдѣаше, жьдѣахѫ (изъ Супр. рук.) есть основа старая, являвшаяся первоначально съ значеніемъ средняго залога». Здѣсь опять изъ основы имперфекта, и при томъ въ діалектическомъ старославянскомъ образованіи (сравн. въ той-же Супр. рук. зовѣаше и т. п.), авторъ извлекаетъ основу глагола состоянія на *ѣ*. Всѣ эти неудачные примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ балтійскихъ, въ чередованіи съ глагольными основами, обозначающими состоянія, проф. Ульяновъ предполагаетъ существованіе основъ, обозначающихъ дѣйствія вообще, а не дѣйствія производящія данныя состоянія; попытки автора найти такое чередованіе не могли поэтому увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ подобнаго чередованія основъ нѣтъ, конечно, ни въ балтійскихъ языкахъ, ни въ славянскихъ: какъ скоро въ соотношеніи съ основами, обозначающими состоянія, являются такія основы, которыя обозначаютъ дѣйствія, эти послѣднія основы могутъ имѣть лишь фактитивное значеніе, т. е. обозначаютъ дѣйствія производящія данныя состоянія.

Авторъ не перечисляетъ всѣхъ старославянскихъ глагольныхъ основъ на *и:ѣ*, такъ какъ обзоръ ихъ можно найти въ грамматикахъ Лескина и Миклошича, и отмѣчаетъ только нѣкоторые случаи, гдѣ именно старославянскій и балтійскіе языки совпадаютъ между собою (стр. 91—92). При этомъ рядомъ со случаями дѣйствительнаго тождества славянскихъ и балтійскихъ основъ здѣсь приведены: основа течα- (изъ имперфекта течаахъ), о которой я уже упоминалъ, и основа мьрѣ- изъ діалектическихъ формъ мьрѣти, мьрѣхъ, будто-бы вполнѣ соотвѣтствующая литовской основѣ mirė- въ прош. вр. miriaĩ и

т. д. (при чемъ основа литовскаго прош. вр. отождествляется съ основами инфинитива на литовское *é*, старослав. *ѣ*), хотя автору извѣстно объясненіе, данное Лескиномъ для этихъ старославянскихъ образованій, и хотя онъ самъ отмѣчаетъ далѣе (стр. 101), что въ глаголѣ мрѣти въ наст. вр. является исключительно основа на *о* и нѣтъ никакихъ слѣдовъ основы на *и*. Старославянская основа живѣ-, въ формѣ аориста живѣ, совершенно вѣрно сопоставлена проф. Ульяновымъ съ прусскою основою въ глаголѣ giwīt «жить», гдѣ *ī* изъ *ē*. Къ основамъ на *и : ѣ* принадлежитъ, по мнѣнію автора, и основа гаси- въ негасимъ, неугасимъ, такъ какъ «производить это причастіе отъ каузативной основы на *и* (въ гасити) затруднительно на томъ основаніи, что оно не имѣетъ страдательнаго значенія» (стр. 92); но см. Миклошича Vergl. Gramm. IV, 832, гдѣ указанъ рядъ случаевъ употребленія причастій на *-мъ* съ значеніемъ латинскихъ прилагательныхъ на -bilis.

Въ числѣ старославянскихъ глаголовъ съ основами на *и : ѣ* были нѣкоторые глаголы и съ значеніемъ фактитивнымъ. Авторъ перечисляетъ такіе старославянскіе глаголы на стр. 96, но въ дѣйствительности ихъ меньше, а именно сюда принадлежатъ только обидѣти[1]), врьтѣти и мъчати, которые мы находимъ съ тѣми же значеніями и въ другихъ славянскихъ языкахъ; но обидѣти, какъ глаголъ, заключающій въ себѣ предложную приставку, занимаетъ особое мѣсто, такъ какъ фактитивное значеніе могло быть внесено здѣсь сочетаніемъ приставки съ глаголомъ, обозначавшимъ состояніе (сравн. у автора вѣрныя замѣчанія о такихъ случаяхъ напр. въ первой части, стр. 59 примѣч.), и такимъ образомъ остаются только врьтѣти и мъчати. Относительно глагола движати, приводимаго авторомъ, я желалъ бы знать, извѣстна ли изъ текстовъ основа инфинитива движа- при засвидѣтельствованной текстами основѣ наст. вр. движи-;

1) Проф. Ульяновъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это глаголъ не отъименный (а отъименнымъ признавалъ его Лескинъ въ грамматикѣ), и указываетъ на прѣобидомо у Григ. Наз.

Лескинъ въ грамматикѣ, § 90, среди глаголовъ съ основами на *и:ѣ* приводитъ, правда, и глаголъ движати, но въ словарѣ при движати онъ помѣщаетъ въ скобкахъ движити съ вопросительнымъ знакомъ. Глаголъ питѣти не принадлежитъ сюда по самому образованію основы наст. вр. (питѣк-), на которое указываетъ далѣе и авторъ. Глаголъ пополѣти, приведенный авторомъ съ вопросительнымъ знакомъ, также не принадлежитъ сюда, какъ показываетъ основа наст. вр. въ пополѣѭ (Синайск. молитв. 102, 4), а кромѣ того и самое слово пополѣѭ, съ *о* въ корнѣ, конечно, сомнительно, въ виду попалѣетъ въ Синайск. псалт. 186, 1. Въ просвьти ἐπίφανον, одинъ разъ въ Синайск. псалт. (59, 19), если дѣйствительно существовало такое образованіе, фактитивное значеніе можетъ объясняться такъ-же, какъ и въ обидѣти. Не ясно для меня, почему авторъ сюда-же относитъ по происхожденію и глаголъ ставити, т. е. думаетъ, что въ этомъ глаголѣ основа наст. вр. на *и* проникла и въ инфинитивъ, между тѣмъ какъ старая основа инфинитива на *и* здѣсь по самому значенію глагола вполнѣ понятна; ссылка на литовск. stóviu, stovėti «стоять» ничего не разъясняетъ, точно такъ-же какъ и въ стави сѧ «остановился» авторъ напрасно видитъ указаніе на предполагаемое имъ происхожденіе ставити. Проф. Ульяновъ не говоритъ, какъ именно онъ смотритъ на появленіе фактитивнаго значенія въ такихъ глаголахъ, какъ врьтѣти, мъчати; онъ припоминаетъ по этому поводу напр. литовск. діалектич. kaliù, 3 л. kãli, kalėti «сажать въ темницу» (kylėju, kylėti «поднимать» сюда не идетъ, такъ какъ основа въ kylėju по самому ея образованію могла имѣть фактитивное значеніе), но тѣ условія, какія могли дѣйствовать при образованіи такихъ литовскихъ глаголовъ съ основами на *i:ė* (см. выше), не существовали въ славянскихъ языкахъ. Мнѣ казалось бы, что фактитивное значеніе для врьтѣти, мъчати, полученное еще изъ общеславянскаго языка (какъ показываютъ другіе славянскіе языки), могло быть извлечено изъ тѣхъ образованій, какія являются въ старослав. врьтѣти сѧ, русск. вертѣться, мчаться,

гдѣ глаголъ, соединявшійся съ сѧ, обозначалъ состояніе, подобно тому какъ въ старослав. языкѣ мы находимъ всегда стъıдѣти сѧ, льштати сѧ, свьтѣти сѧ (за исключеніемъ свьтѧ, тождественнаго съ свѣтѧ, а это свьтѧ могло быть извлечено изъ свьтѧ сѧ, сравн. свѣтѧ сѧ при свѣтѧ). Проф. Ульяновъ думаетъ относительно этихъ случаевъ какъ разъ наоборотъ: по его мнѣнію, сѧ присоединялось здѣсь для обозначенія «средняго залога» въ глаголахъ, уже имѣвшихъ два значенія (значеніе состоянія и значеніе фактитивное), и потому напр. на основаніи стъıдѣти сѧ онъ долженъ предполагать стъıдѣти съ фактитивнымъ значеніемъ (хотя въ бонти сѧ онъ видитъ особый случай). Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ въ томъ, что возвратная форма глагола въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, равно какъ и форма индоевропейскаго medium'а, представляетъ собою извѣстную форму глаголовъ дѣйствія и обозначаетъ, что предметъ мысли, являющійся субъектомъ даннаго дѣйствія, находится и въ другомъ отношеніи къ тому-же дѣйствію (сравн. у автора стр. 302) [1]), но многіе глаголы въ такой формѣ (и въ общемъ индоевроп. языкѣ, и въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ) получали затѣмъ вслѣдствіе значенія, внесеннаго въ нихъ этою формою, такое измѣненіе значенія, при которомъ данный признакъ, обозначаемый основою глагола, имѣющаго эту форму, сознавался именно какъ признакъ непереходный, по отношенію къ переходному признаку, обозначаемому тою-же основою глагола въ формѣ невозвратной. Можно понять, мнѣ кажется, что подъ вліяніемъ такого употребленія глаголовъ въ возвратной формѣ и другіе глаголы, обозначавшіе въ основахъ непереходные признаки, вступая въ тѣсную связь по основамъ (или по неграмматическому значенію основъ) съ извѣстными глаголами, имѣвшими такое употребленіе возвратной формы, могли заимствовать отъ нихъ это образованіе въ качествѣ принадлеж-

1) Проф. Ульяновъ вполнѣ основательно не соглашается съ моимъ прежнимъ взглядомъ на значеніе формы индоевроп. medium'а (стр. 303).

ности глаголовъ съ непереходнымъ значеніемъ; напр. подъ вліяніемъ того образованія (еще въ общеславянскомъ языкѣ), которое является въ старослав. вратити сѧ, и при врьтѣти съ непереходнымъ значеніемъ могло получиться врьтѣти сѧ, вытѣснившее собою врьтѣти, а затѣмъ по аналогіи напр. съ вратити при вратити сѧ и изъ врьтѣти сѧ могъ быть извлеченъ глаголъ врьтѣти съ переходнымъ значеніемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть здѣсь значеніе фактитивное.

Со старославянскими глаголами, имѣющими основы на *и* : *ѣ*, авторъ считаетъ однородными по происхожденію основъ наст. вр. и такіе глаголы съ корнями на *и* и *ѣ*, какъ гниѭ, по-чиѭ, оу-нъıѭ, оу-тъıѭ, соотвѣтствующіе, какъ онъ думаетъ, литовскимъ lỹja, griũva (сравн. Основы настоящаго времени, стр. 106—109). Но и въ литовскихъ lỹja, griũva я не вижу старыхъ основъ наст. вр. на индоевроп. $ia^{e/o}$ (см. выше), и точно такъ-же старославянскія основы въ оу-нъıѭ, оу-тъıѭ не допускаютъ, мнѣ кажется, такого объясненія, а образованіе, являющееся въ по-чиѭ (и, вѣроятно, въ гниѭ), можетъ имѣть старую основу на индоевроп. $a^{e/o}$, присоединенное къ *iį* изъ *ī* (передъ гласною) глагольнаго корня.

Въ § 12 авторъ говоритъ о старославянскихъ производныхъ основахъ на *а* въ глаголахъ «средняго залога». Нѣкоторые взгляды автора, изложеные здѣсь, впослѣдствіи измѣнены имъ, такъ что въ настоящее время этотъ параграфъ получилъ бы у автора другой видъ; поэтому я не буду останавливаться на подробномъ разборѣ мнѣній, изложенныхъ здѣсь. Проф. Ульяновъ различаетъ въ старославянскихъ основахъ на *а* въ глаголахъ «средняго залога» двѣ категоріи: «1) основы на *а* существующія въ старославянскомъ языкѣ параллельно съ основами на *ѣ* : *и* и 2) основы на *а* не имѣющія параллельныхъ основъ на *ѣ* : *и*». Въ дѣйствительности, однако, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ изъ числа тѣхъ, на какіе указываетъ авторъ для основъ на *а* первой категоріи, при такой основѣ извѣстна отъ того-же корня и основа на *ѣ* : *и* (напр. про-зира- при зьрѣ-, съ-гара-

при горѣ-), при чемъ всюду, за исключеніямъ глѧда- и жѧда-, эти основы на *а* являются въ соединеніи съ предложными приставками въ сложныхъ основахъ, имѣющихъ форму извѣстнаго вида (см. далѣе). Относительно основы глѧда- [1]) проф. Ульяновъ допускаетъ впослѣдствіи (вторая часть, стр. 137), что эта основа при некратномъ значеніи могла получать и кратное значеніе, а я думаю, что основа глѧда- по самому образованію могла быть основою кратнаго вида; такова-же и основа жѧда- при основѣ наст. вр. жѧдаѥ-, а основа жѧда- при основѣ наст. вр. жѧжде- однородна, понятно, по ея происхожденію съ прочими основами инфинитива на *а* глаголовъ съ основами наст. вр. на ѥ и не представляетъ поэтому никакой связи между такимъ образованіемъ основы и значеніемъ состоянія, такъ какъ глаголы съ основою наст. вр. на ѥ (и, слѣдовательно, на *е* послѣ смягченной согласной) по бо́льшей части обозначаютъ различныя дѣйствія. Для значительнаго большинства старославянскихъ основъ на *а*, разсматриваемыхъ авторомъ въ качествѣ параллельныхъ съ основами на *ъ* : *и*, вовсе не извѣстны въ дѣйствительности основы на *ъ* : *и* отъ тѣхъ-же корней; проф. Ульяновъ приводитъ здѣсь не только такіе случаи, какъ напр. жела- : желѣ- (основа наст. вр. не на *и*), вита- : *витѣ- (основу *витѣ- авторъ извлекаетъ изъ обитѣль), но также напр. ис-тѣка- : теча- (послѣдняя основа извлечена имъ изъ имперфекта течаахъ, см. выше), оу-мира- : мьрѣ- (см. сказанное выше относительно этого мьрѣ-), оу-гаса- : гаси- (см. выше мнѣніе автора относительно гаси- въ негасимъ). Къ старославянскимъ основамъ на *а* второй категоріи, не чередующимся съ основами на *ъ* : *и*, авторъ относитъ преимущественно такія основы, имѣющія по ихъ чередованіямъ различныя видовыя значенія, какъ на-выца-, дыха- [2]) и т. п., а также пъва-, сиѭ-, не находившіяся въ че-

1) Напрасно думаетъ авторъ, стр. 110, будто при основѣ инфинитива глѧда- существовала основа наст. вр. глѧди-; вѣдь тексты не свидѣтельствуютъ объ этомъ.

2) На стр. 113 первой части авторъ говоритъ, что въ вѣтроу дъıхаѭ-

редованіи съ какими-либо другими основами; мнѣніе автора относительно происхожденія пъва-, сиѫ- (стр. 107—108) не представляется мнѣ убѣдительнымъ. — Итакъ, старославянскія производныя основы на *а* глаголовъ «средняго залога», разсматриваемыя проф. Ульяновымъ въ § 12, являются по бо́льшей части основами имѣющими формы съ значеніями вида, а кромѣ того авторъ называетъ здѣсь и такія основы, которыя могли быть отъименными по происхожденію (напр. вита-, сравн. литовск. vẽtà «мѣсто»), а равно и нѣкоторыя основы инфинитива на *а* глаголовъ съ основами наст. вр. на ѫ (жѫда- при жѫжде-, алъка-, гъиба-), хотя къ глаголамъ этого класса принадлежатъ по бо́льшей части не глаголы состоянія. Нигдѣ при этомъ проф. Ульяновъ не указываетъ такого чередованія основъ на *а* съ другими основами, которое свидѣтельствовало бы о томъ, что образованіе основъ на *а* обозначало или состоянія по отношенію къ дѣйствіямъ, или извѣстное различіе въ самихъ состояніяхъ (безъ отношенія, конечно, къ различіямъ вида). Особое мѣсто занимаетъ въ старославянскомъ языкѣ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, основа инфинитива съпа- при основѣ наст. вр. съпи- (о съпа-:съпи- говоритъ и авторъ), но въ языкѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, что основа съпа- при съпи- получила такое образованіе въ качествѣ основы глагола обозначающаго состояніе; я думаю, что въ этомъ глаголѣ смѣшались еще въ общеславянскомъ языкѣ основа наст. вр. съпи-, существовавшая при основѣ инфинитива съпѣ- (сравн. русск., изъ пѣсенъ, спѣла, пріуспѣла, приведенныя авторомъ, стр. 138, изъ грамматики Миклошича), съ основою инфинитива съпа-, существовавшею прежде при основѣ наст. вр. *съпе- (сравн. напр. съса- при съсе- и см. далѣе). Съ съпа-:съпи- однородны по образованію русск. сца-:сцы- (см. у автора стр.

штоу форма отъ основы дъиха- ничѣмъ не отличается по значенію отъ формъ съ основами на ѫ:и, но во второй части стр. 119 тотъ-же примѣръ указанъ для «несомнѣнно кратнаго значенія» основы дъиха-.

145), изъ сьца-:сьчи- [1]), извѣстныхъ также и изъ другихъ славянскихъ языковъ.

По поводу параграфа 13-го: «Старославянскія основы средняго залога съ видовымъ значеніемъ» мнѣ приходится повторить то, что я говорилъ относительно балтійскихъ основъ начинательнаго состоянія въ изслѣдованіи проф. Ульянова. И въ славянскихъ глаголахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ § 13, авторъ неправильно, къ моему мнѣнію, находитъ «видовое» значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь проф. Ульяновъ не останавливается на чередованіи такихъ основъ съ основами другаго образованія, вслѣдствіе чего и по отношенію къ славянскимъ глаголамъ съ основами начинательнаго состоянія остается невыясненною авторомъ принадлежность этихъ глаголовъ по самой формѣ основъ къ извѣстному классу глаголовъ состоянія. Чередованіе и здѣсь такого-же рода, какъ и въ соотвѣтственныхъ по значенію (и частью по образованію) балтійскихъ основахъ, т. е. во-первыхъ, съ основами имѣющими фактитивное значеніе (напр. въыкнѫти : оучити; -грѧзнѫти : -грѧзити) и, во-вторыхъ, съ основами неначинательнаго состоянія на *и* : *ѣ* (-бънѫти : бъдѣти, сравн. также боудити; трьпнѫти : трьпѣти; -льпнѫти : льпѣти, сравн. также -лѣпити).

Послѣ обзора основъ, соотвѣтствующихъ разсмотрѣннымъ старославянскимъ основамъ въ языкахъ русскомъ, сербскомъ и польскомъ (я не останавливаюсь на этомъ обзорѣ, такъ какъ мои общія замѣчанія были бы здѣсь тѣ-же, что и по поводу старославянскихъ основъ), авторъ переходитъ къ общимъ заключеніямъ и выводамъ относительно этихъ славянскихъ основъ, при чемъ говоритъ именно о формахъ прошедшаго времени отъ основъ на *ĕ* (знакъ для *ѣ* въ различныхъ славянскихъ языкахъ)

---

1) Общеслав. *с* въ основѣ *sьcā-* образовалось изъ *k*, которое получило смягченіе въ положеніи послѣ ь, какъ напр. и изъ *otьkъ* явилось *otьcь*, старослав. отьць (звательная форма *otьče, отьче указываетъ на форму именит. пад. *otьkъ). Сравн. статью Бодуэна-де-Куртенэ въ Indogermanische Forschungen IV, 45.

и a, о вліяніи глаголовъ «средняго залога» на глаголы «дѣйствительнаго залога» и о формахъ глаголовъ «средняго залога» въ общеславянскомъ языкѣ. Вліяніе глаголовъ «средняго залога» на глаголы «дѣйствительнаго залога» авторъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что глаголы «дѣйствительнаго залога» и въ общеславянскомъ языкѣ, какъ и въ общебалтійскомъ, въ образованіи имперфекта послѣдовали аналогіи глаголовъ «средняго залога», такъ какъ по мнѣнію автора основы на старыя $\bar{e}$ и $\bar{a}$ въ славянскомъ имперфектѣ, какъ и въ балтійскомъ, должны быть по ихъ происхожденію основами «средняго залога», хотя по отношенію къ основамъ на $\bar{a}$ авторъ и для славянскихъ языковъ, какъ и для балтійскихъ, не доказалъ существованія въ нихъ словообразовательной формы глаголовъ состоянія, т. е. формы такъ-называемаго имъ «средняго залога». Я схожусь съ проф. Ульяновымъ въ общемъ взглядѣ на происхожденіе прототиповъ славянскаго имперфекта изъ формъ сигматическаго аориста глаголовъ съ индоевропейскими производными основами на $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^a$ (см. Основы настоящаго времени, стр. 186 и слѣд.), но далѣе наши мнѣнія расходятся. Относительно производныхъ глагольныхъ основъ, образовавшихъ основы славянскаго имперфекта, а равно и основы балтійскаго прошедшаго времени (изъ имперфекта), я уже говорилъ, что предполагаю въ нихъ основы глаголовъ вида длительнаго или продолженнаго; въ связи съ этимъ ихъ значеніемъ я объясняю себѣ и тотъ фактъ, что форма аориста такихъ глаголовъ, перенесенная въ спряженіе соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, не имѣвшихъ этого вида, могла получить здѣсь значеніе имперфекта [1]). Расходясь съ авторомъ во взглядѣ на значеніе формы тѣхъ производныхъ глагольныхъ основъ, которыя въ сочетаніи съ формою сигматическаго аориста дали начало образованію основъ славянскаго имперфекта, я вмѣстѣ съ

1) Вѣроятно, аористъ въ глаголахъ длительнаго или продолженнаго вида обозначалъ конечный или начальный моментъ сочетанія съ извѣстнымъ субъектомъ даннаго признака въ его длительности или въ его продолженности.

тѣмъ иначе представляю себѣ и процессы тѣхъ новообразованій, какія являются въ *аа* и *ѣа* старославянскихъ и соотвѣтственныхъ общеславянскихъ основъ имперфекта. Въ имперфектѣ глаголовъ съ производными основами инфинитива на старославянское *а* я не могъ бы объяснить *аа*, т. е. общеслав. *ā̄*, изъ соединенія глагольной основы на *ā* съ *ā*, извлеченнымъ изъ другаго образованія имперфекта извѣстныхъ глаголовъ въ качествѣ суффикса этой формы (какъ думаетъ авторъ, стр. 205), такъ какъ въ этомъ случаѣ я ждалъ бы въ результатѣ одно общеслав. *ā*, и думаю, что это *ā̄* произошло изъ *ā̄ē̄*, гдѣ къ глагольной основѣ на *ā* присоединено было *ē* по аналогіи основъ имперфекта на *ē* (позднѣйшее *i͡e*, ст. слав. *ѣ*) въ извѣстныхъ непроизводныхъ глаголахъ, а измѣненіе *ā̄ē̄* въ *ā̄ā̄* было бы однородно съ измѣненіемъ въ общеславянскомъ языкѣ *āe* въ *āa* въ тѣхъ основахъ наст. вр., которыя являются въ старослав. бываатъ, бывааши и т. п.[1]). Въ глаголахъ съ производными основами инфинитива на старослав. *ѣ* основы имперфекта съ *ѣа*, т. е. общеслав. *i͡eā̄* изъ *ēā̄*, могли получиться изъ соединенія *ē* въ окончаніи глагольной основы съ *ā* по аналогіи тѣхъ непроизводныхъ глаголовъ, которые нѣкогда имѣли въ имперфектѣ основу съ *ā*, не съ *ē*. Въ непроизводныхъ глаголахъ старослав. *ѣа* въ имперфектѣ представляетъ собою, по моему мнѣнію, новообразованіе, явившееся еще въ общеславянскомъ языкѣ (*i͡eā̄*), гдѣ вмѣсто *ē* въ имперфектѣ такихъ глаголовъ стало употребляться *ēā̄* подъ вліяніямъ образованія имперфекта въ производныхъ глаголахъ, съ *ēā̄* и съ *ā̄ā̄*, т. е. съ двумя гласными, изъ которыхъ вторая была *ā*; старая основа имперфекта съ *ē*, не измѣненнымъ въ *ēā̄*, и при томъ со старымъ нетематическимъ спряженіемъ славянскаго имперфекта въ формахъ не 1-го лица, сохранилась въ бѣхъ, бѣ и т. д. Совпаденіе славянскихъ несѣ-, ведѣ- и т. п. въ основахъ имперфекта въ несѣахъ, ведѣахъ съ литовскими neszė-, vedė- въ

1) О происхожденіи этихъ основъ наст. вр. см. мою статью въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, томъ XXXIII, стр. 287.

основахъ литовскаго прош. вр. я не считаю случайнымъ, между тѣмъ какъ проф. Ульянова нѣсколько затрудняютъ такого рода факты, хотя вслѣдствіе его общаго взгляда на происхожденіе основъ славянскаго имперфекта и балтійскаго прошедшаго времени ему приходится склониться здѣсь къ тому мнѣнію, что напр. несѣ- въ несѣахъ и литовск. neszė- въ nesziaĩ, nẽszė образовались въ отдѣльной жизни общеславянскаго и общебалтійскаго языковъ (стр. 207—208). Но въ литовско-славянскомъ языкѣ производныя основы на $\bar{e}$ и на $\bar{a}^o$ (общеслав. $\bar{a}$), давшія существованіе основамъ новыхъ формъ имперфекта, хотя и были тождественны въ значеніи, принадлежавшемъ тому и другому образованію этихъ основъ, строго различались, однако, въ употребленіи въ зависимости отъ извѣстныхъ различій въ звуковой сторонѣ такихъ основъ. Точно такъ-же напр. и въ литовскомъ языкѣ и въ старославянскомъ происшедшія отсюда образованія основъ прошедшаго времени со старыми $\bar{e}$ и $\bar{a}^o$ вообще не смѣшивались (хотя авторъ говоритъ, будто-бы въ балтійскихъ языкахъ факты смѣшенія этихъ основъ наблюдаются очень часто, стр. 208) [1]). Если мы возьмемъ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на суфф. e/a^o, т. е. тѣ непроизводные глаголы, въ которыхъ возникли образованія новаго имперфекта (переносившіяся отсюда и въ другіе глаголы), то увидимъ слѣдующее различіе въ употребленіи $\bar{e}$ и $\bar{a}^o$ въ суффиксѣ основъ новаго имперфекта. Литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на e/a^o, имѣвшіе въ формахъ новаго им-

1) Въ литовскомъ языкѣ въ очень значительномъ большинствѣ случаевъ мы можемъ даже на основаніи формъ настоящаго времени и инфинитива опредѣлить въ данномъ глаголѣ образованіе прошедшаго времени по отношенію къ различію между *ė* и *o* въ окончаніи основы литовск. прошедшаго, и такой случай, какъ прош. вр. tapiaĩ, вмѣсто ожидаемаго *tapaĩ, глагола tampù, tàpti, принадлежитъ къ очень рѣдкимъ исключеніямъ; форма tapiaĩ явилась, безъ сомнѣнія, не при настоящемъ вр. tampù, но при глаголѣ съ другимъ образованіемъ основы наст. вр. Такого-же рода и другіе случаи, приведенные авторомъ на стр. 86; напр. при reĩkė и reikė́jo сравн. различіе въ инфинитивѣ: reĩkti и reikė́ti.

перфекта гласную *e* или *a°* въ корнѣ (сильный звуковой видъ корня), представляли въ суффиксѣ основы имперфекта гласную *ē*, не *ā°*; отсюда напр. литовскія (я беру форму 3-го лица) nẽszė, vẽdė, vẽžė, kẽpė, sẽkė, kãsė, lãkė и т. п., старослав. несѣахъ, ведѣахъ, везѣахъ, течаахъ, можаахъ и т. п. [1]). Нѣтъ поэтому никакого основанія думать вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 160), будто сербск. мо̑гāх имѣетъ старую основу на *a*, полученную изъ общеславянскаго языка. Тѣ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на *e*/*a°*, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ гласныя *i* и *u* изъ первоначальныхъ *i* и *u* (слабый звуковой видъ корня), представляли въ суффиксѣ основы имперфекта гласную *ā°*, не *ē*; отсюда напр. литовск. lìpo, kìszo, rìszo, bùvo, lùpo, sùko и т. п. (исключеніе mùszė при настоящемъ muszù), старославянск. жьдаахъ (жьдѣахъ болѣе новая діалектическая форма) при наст. жьдѫ и жидѫ (форма прош. вр. жидѣахъ могла бы быть старою по отношенію къ *ѣ*, но гласная въ корнѣ здѣсь подъ вліяніемъ основы наст. вр.), съсаахъ при наст. съсѫ, тъкаахъ при наст. тъкѫ, зъваахъ при наст. зовѫ (подъ вліяніемъ основы наст. вр. новое, діалектическое образованіе имперфекта въ зовѣахъ); сюда-же принадлежитъ съпаахъ «спалъ» при утраченномъ наст. вр. *съпѫ (см. выше). Надо замѣтить, что еще въ общеславянскомъ языкѣ такіе непроизводные глаголы съ имперфектомъ, имѣвшимъ въ суффиксѣ основы *ā*, можетъ быть послѣ того, какъ *ā* въ имперфектѣ измѣнилось въ *āā* по аналогіи образованія имперфекта въ производныхъ глаголахъ (сравн. *ēā* изъ *ē* въ имперфектѣ другихъ непроизводныхъ глаго-

1) Такія старослав. образованія имперфекта, какъ словѣахъ при наст. словѫ и инфинит. слоути или блюдѣахъ при наст. блюдѫ (гдѣ въ корнѣ изъ литовско-славянск. языка полученъ дифтонгъ *eu*), имѣютъ сильный звуковой видъ корня подъ позднѣйшимъ вліяніемъ основы наст. вр., между тѣмъ какъ въ литовско-славянскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ основа имперфекта заключала въ себѣ слабый звуковой видъ корня (сравн. литовск. прош. вр. vìjo, lìko при наст. вр. vejù, lẽkù).

ловъ), получили и въ основѣ инфинитива $\bar{a}$ въ концѣ подъ вліяніемъ производныхъ глаголовъ съ основами на $\bar{a}$ [1]). Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ основа имперфекта такихъ непроизводныхъ глаголовъ отличалась въ гласной корня отъ основы инфинитива и при этомъ совпадала по отношенію къ гласной корня съ основою наст. вр., основа инфинитива не переходила въ основу на $\bar{a}$, а въ имперфектѣ вмѣсто $\bar{a}$ являлось $\bar{e}$, по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣвшихъ въ имперфектѣ гласную корня тождественную съ гласною корня въ наст. вр.; таковы старослав. чьтѣахъ при наст. чьтж и инфинитивѣ чисти и цвьтѣахъ при наст. цвьтж и инфинит. цвисти. Тѣ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на e/a^{o}, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ такой слабый звуковой видъ, при которомъ являлась именно гласная i или u (непосредственно изъ ь и ъ, т. е. i и u ирраціональныхъ) изъ индоевропейской неслоговой ирраціональной гласной передъ сонорными согласными, находившимися въ положеніи передъ гласными, представляли также $\bar{a}^{o}$, не $\bar{e}$, въ суффиксѣ основы имперфекта. Отсюда старослав. бьраахъ при наст. берж, дьраахъ при наст. держ, гънаахъ при наст. женж и т. п.; и здѣсь еще въ общеславянскомъ языкѣ основа инфинитива получила въ концѣ $\bar{a}$, подъ вліяніямъ того, что такіе глаголы въ формѣ имперфекта совпадали съ производными глаголами, имѣвшими основы на $\bar{a}$. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, гдѣ основа имперфекта такихъ глаголовъ по гласной корня отличалась отъ основы инфинитива и совпадала въ этомъ отношеніи съ основою наст. вр., и здѣсь основа инфинитива не измѣнялась въ основу на $\bar{a}$, а въ имперфектѣ и здѣсь вмѣсто $\bar{a}$ въ суффиксѣ основы являлось $\bar{e}$; отсюда

1) Но производные глаголы съ основами инфинитива на $\bar{e}$ (откуда $\widehat{ie}$) не оказывали подобнаго вліянія на непроизводные глаголы, имѣвшіе въ имперфектѣ $\bar{e}$ ($\widehat{ie}$), можетъ быть потому, что въ глагольныхъ основахъ не $\bar{e}$ сознавалась словообразовательная форма глаголовъ состоянія, между тѣмъ какъ непроизводные глаголы, имѣвшіе $\bar{e}$ въ суффиксѣ основы имперфекта, по бо́льшей части обозначали различныя дѣйствія.

напр. старослав. жьрѣахъ при наст. жьрѫ и инфинит. жрѣти (со старослав. перестановкою гласной и плавной), пьнѣахъ при наст. пьнѫ и инфинит. пѧти (гдѣ общеслав. ę изъ en, не изъ ьn̥ [1]) и т. п. Въ литовскомъ языкѣ въ непроизводныхъ глаголахъ съ соотвѣтственнымъ образованіемъ корня въ прош. вр. не сохранились основы прош. вр. на *o*, и вмѣсто того являются основы на *ė*; при этомъ, однако, тѣ глаголы, въ которыхъ инфинитивъ представляетъ нисходящее удареніе на корнѣ, какъ pìnti «плести», pìlti «сыпать, лить», имѣютъ въ прош. вр. несомнѣнныя новообразованія, какъ свидѣтельствуетъ непервоначальная долгота гласной корня въ прош. вр., напр. въ pýnė, pýlė; вѣроятно, и относящіеся сюда глаголы съ восходящимъ удареніемъ корня въ инфинитивѣ представляютъ въ прош. вр. какое-то новообразованіе, напр. gìmė при инфинит. gimti «рождаться» (наст. вр. gemù). Что касается, наконецъ, тѣхъ литовско-славянскихъ непроизводныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на *e*/*a*°, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ со слабымъ звуковымъ видомъ ъ или ь съ послѣдующею сонорною согласною (вѣроятно, слоговою) передъ согласн. изъ индоевроп. сочетаній «неслоговая ирраціональная гласная + слоговая сонорная согласная», то и въ нихъ существовали также образованія имперфекта съ *ā*°, не съ *ē*, въ суффиксѣ основы; отсюда въ литовскомъ языкѣ въ прош. вр. напр. kir̃to, pir̃ko, vil̃ko, liñdo, krim̃to и т. п. Въ общеславянскомъ языкѣ въ соотвѣтственныхъ глаголахъ съ плавною согласною въ корнѣ основа имперфекта по гласной корня отличалась отъ основы инфинитива (имѣвшей слабый звуковой видъ корня) и совпадала въ этомъ отношеніи съ основою наст. вр.; поэтому и здѣсь, какъ и въ указанныхъ выше случаяхъ подобнаго рода, имперфектъ получалъ въ суффиксѣ основы *ē* вмѣсто

---

1) Различіе между пѧти и литовск. pìnti («плести») такое-же, слѣдовательно, какъ напр. между чрѣсти, при наст. чрьтѫ, и литовск. kir̃sti или между млѣсти и литовск. mìlžti. Общесл. *pętī имѣло удареніе на конечной гласной, какъ показываетъ сербск. пе́ти, а изъ *pьn̥tī я ждалъ бы *pъtī, подобно напр. *sъtò изъ *sьn̥tò, сравн. лит. sziñtas.

$\bar{a}$, напр. въ старослав. -врьзѣахъ (изъ текстовъ я не знаю этого образованія) при наст. -врьзѫ и инфинит. -врѣсти. Въ соотвѣтственныхъ по первоначальному происхожденію глаголахъ съ носовою согласною въ корнѣ общеславянскій языкъ не сохранялъ различія между сильнымъ и слабымъ звуковымъ видомъ корня и имѣлъ всюду, я думаю, сильный звуковой видъ корня (напр. въ старослав. блѧдѫ, блѧсти); поэтому въ суффиксѣ основы имперфекта являлось здѣсь общеслав. $\bar{e}$ ($i\bar{e}$). — Въ тѣхъ литовско-славянскихъ непроизводныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на e/a^{o}, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ долгую гласную (съ «длительною» долготою), суффиксъ основы имперфекта заключалъ въ себѣ частью $\bar{e}$, частью $\bar{a}^{o}$. Въ старослав. языкѣ мы находимъ въ имперфектѣ этихъ глаголовъ только -ѣа-, т. е. старое $\bar{e}$ въ суффиксѣ основы, напр. въ ѣдѣахъ, ꙗдѣахъ (различіе по отношенію къ начальному ѣ и ꙗ изъ ѣ діалектическое), крадѣахъ, живѣахъ (съ живѫ сравн. латинск. vīvo, др. индійск. ǧīvāmi), но въ литовскомъ языкѣ глаголы такого образованія имѣютъ въ прош. вр. въ однихъ случаяхъ *ė*, въ другихъ *o* въ суффиксѣ основы, напр. ėdė (у Шлейхера и ėdo), pūlė и bėgo, sėdo. Я думаю, что различіе въ образованіи между литовскими основами прош. вр. ėdė- и bėgo- зависѣло по происхожденію отъ бывшаго различія въ положеніи ударенія: въ литовск. bėgo- удареніе перенесено со втораго слога, не имѣвшаго длительной долготы въ гласной, на первый слогъ съ длительною долготою (отсюда нисходящее качество ударенія), а такое перенесеніе ударенія я вижу въ литовскомъ языкѣ и въ другихъ случаяхъ, и напр. въ формѣ наст. вр. bėgu я также предполагаю старое удареніе на конечномъ слогѣ, сравн. русск. бѣгу́ и латышск. bẽgu, гдѣ прерывистая долгота гласной $\bar{e}$ въ ея отношеніи къ литовскому нисходящему ударенію на *ė* въ bėgu объясняется, по моему мнѣнію, именно этимъ путемъ.

На основаніи того, что въ литовско-славянскихъ образованіяхъ новаго имперфекта непроизводныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на e/a^{o} при слабомъ звуковомъ видѣ корня въ им-

перфектѣ являлось въ суффиксѣ основы именно $\bar{a}^o$, не $\bar{e}$, надо заключать, что это $\bar{a}^o$ имѣло на себѣ удареніе (слабый звуковой видъ корня полученъ былъ въ положеніи безъ ударенія); къ такому-же заключенію относительно ударенія на этомъ $\bar{a}^o$ приводятъ, какъ мы видѣли, и такія образованія литовскаго прош. вр. съ долгою гласною въ корнѣ, какъ bė̃go [1]). Слѣдовательно, различіе между литовско-славянскими $\bar{a}^o$ и $\bar{e}$ въ суффиксѣ тѣхъ производныхъ глагольныхъ основъ, которыя вошли въ составъ новыхъ образованій имперфекта, связывалось съ различіемъ въ мѣстѣ ударенія: такія глагольныя основы на $\bar{a}^o$ имѣли удареніе на этомъ $\bar{a}^o$, а основы на $\bar{e}$ получены были съ удареніемъ на корнѣ (вслѣдствіе чего въ корняхъ, сохранявшихъ различіе между сильнымъ и слабымъ звуковымъ видомъ, здѣсь являлся сильный звуковой видъ); но въ эпоху распаденія литовско-славянскаго языка и въ этихъ основахъ съ $\bar{e}$ удареніе должно было существовать на $\bar{e}$ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предшествовавшій слогъ, т. е. слогъ корня, не заключалъ въ себѣ длительной долготы, такъ какъ эти $\bar{e}$ и $\bar{a}^o$ въ суффиксѣ основъ имѣли длительную долготу, а длительная долгота еще въ литовско-славянскомъ языкѣ переносила на себя удареніе съ предшествовавшаго слога, если послѣдній не имѣлъ самъ длительной долготы [2]): поэтому общеславянскій языкъ имѣлъ напр. *tečā́āχъ, откуда сербск. tèчāх, или поэтому въ общебалтійскомъ языкѣ существовало напр. *vedē̋ (знакъ ̋ для прерывистой долготы), какъ свидѣтельствуетъ прусское weddē [3]), между тѣмъ какъ въ литовскомъ vẽdė новое мѣсто ударенія.

---

1) Въ литовскомъ языкѣ основы прош. вр. на *o* являются и въ тѣхъ непроизводныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на *a* (изъ литовско-слав. a^o при *e*), которые въ корнѣ имѣютъ дифтонгъ или дифтонгическое сочетаніе на сонорную согласную съ нисходящимъ удареніемъ, напр. въ прош. вр. áugo, kándo; и здѣсь я вывожу то-же заключеніе относительно стараго мѣста ударенія. Сравн. литовск. наст. вр. áugu при латышск. aùgu (какъ bė́gu при bė̃gu).

2) Изъ этого-же фонетическаго закона, дѣйствовавшаго въ литовско-славянскомъ языкѣ, объясняется мѣсто ударенія напр. въ общеславянскомъ *vezǫ́ (русск. везу́) и литовскомъ veżù, между тѣмъ какъ изъ индоевропейскаго языка получено было здѣсь удареніе на первомъ слогѣ.

3) См. Русскій Филологич. Вѣстникъ, т. XXXIII, стр. 284—285.

Въ послѣдней главѣ первой части: «Общіе выводы о залогахъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» проф. Ульяновъ сперва опредѣляетъ формы глаголовъ «средняго залога» въ литовско-славянскомъ языкѣ, затѣмъ разсматриваетъ соотвѣтственныя формы въ греческомъ языкѣ, преимущественно у Гомера, и нѣкоторыя изъ такихъ формъ въ языкахъ латинскомъ и древнеиндійскомъ и, наконецъ, изъ сопоставленія фактовъ всѣхъ этихъ языковъ выводитъ нѣкоторыя заключенія относительно формъ глагольныхъ основъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ. Я не буду излагать здѣсь содержаніе этой главы, интересной по многимъ подробностямъ и показывающей вмѣстѣ съ тѣмъ хорошія лингвистическія знанія автора также и въ области другихъ индоевропейскихъ языковъ, не однихъ только балтійскихъ и славянскихъ, но я долженъ отмѣтить, въ чемъ именно я вижу главный, основной выводъ первой части изслѣдованія проф. Ульянова. Еще въ своей книгѣ «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ», стр. 150 и слѣд., авторъ высказалъ вполнѣ вѣрное мнѣніе относительно тождества по образованію литовско-славянскихъ основъ на *ē* въ такихъ глаголахъ, какъ литовск. sėdėti, старослав. сѣдѣти, съ греческими основами на η (*ē* общегреческое) въ формахъ такъ-называемаго страдательнаго аориста, напр. въ ἐρρύην, ἐχάρην и т. п. При этомъ тогда-же проф. Ульяновъ замѣтилъ, что «аналогія этихъ греческихъ основъ на η съ литовско-славянскими на *ē* подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ греческомъ языкѣ, какъ и въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ, при этихъ основахъ въ формахъ ненастоящаго времени мы находимъ часто параллельныя основы на *io/ie* въ формахъ наст. времени; ср. ἐφάνην: φαίνω, φαίνομαι; ἐχάρην: χαίρω; ἐρρύην: гесіод. ῥείω; ἐκάην: καίω: ἐτύπην: τύπτω [1]); ἐσφάγην: σφάζω и нѣкоторые другіе случаи». Объ этой связи литовско-славянскихъ основъ на нѣ-

1) Примѣръ «ἐτύπην: τύπτω» я бы исключилъ, такъ какъ въ τύπτω основа во всякомъ случаѣ не на *io/ie*.

когда бывшее *je* въ наст. вр. и на *ē* въ инфинитивѣ съ греческими основами на *jo/je* въ наст. вр. и на *η* въ аористѣ авторъ говоритъ и въ разбираемомъ мною сочиненіи и указываетъ на то, что значеніе такихъ греческихъ основъ аориста образовалось изъ того значенія, которое представляютъ и литовско-славянскія основы на *ē*, а по отношенію къ греческимъ глаголамъ съ основами наст. вр. на *jo/je* онъ отмѣчаетъ существованіе въ нихъ значенія состоянія (по автору, значенія «средняго залога») во многихъ и изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ такіе глаголы не сохранили формы аориста на *ην*; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что греческіе глаголы съ основами наст. вр. на *jo/je* имѣли также и значеніе фактитивное, и сопоставляетъ случаи этого рода съ существованіемъ фактитивнаго значенія въ нѣкоторыхъ балтійскихъ и славянскихъ глаголахъ съ основами наст. вр. на нѣкогда бывшее *je* [1]).

Такимъ образомъ при посредствѣ сопоставленія указанныхъ литовско-славянскихъ глагольныхъ основъ съ греческими проф. Ульяновъ открываетъ тотъ важный фактъ, что чередованіе литовско-славянскихъ основъ ненастоящ. вр. на *ē* съ основами наст. вр. на индоевроп. *ja*$^{e/o}$ въ спряженіи однихъ и тѣхъ-же глаголовъ получено изъ общаго индоевропейскаго языка, гдѣ такія основы

---

1) Я думаю (не соглашаясь съ авторомъ), что и въ греческомъ языкѣ глаголы съ основами наст. вр. на *jo/je*, получившіе фактитивное значеніе, были извлечены изъ формы medium'а глаголовъ съ тѣми-же основами, сохранявшими значеніе состоянія, а форма medium'а являлась въ такихъ глаголахъ по аналогіи съ другими глаголами, имѣвшими въ этой формѣ непереходное значеніе; сравн. сказанное мною выше относительно славянскихъ врьтѣти, вертѣть и мъчати, мчать. Напр. μαίνω съ фактитивнымъ значеніемъ представляетъ собою болѣе новое образованіе сравнительно съ μαίνομαι, а въ μαίνομαι форма medium'а явилась (можетъ быть, въ эпоху очень древнюю) подъ вліяніемъ какихъ-то глаголовъ, имѣвшихъ въ этой формѣ непереходное значеніе (изъ возвратнаго значенія). Чередованіе основъ μαινο-|μαινε-, изъ μανjο-|μανjε-, съ основою μανη- въ ἐμάνην интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что эти основы по происхожденію тождественны со старослав. основами мьни-:мьнѣ- и литовскими mini- (діалектич.): minė-, хотя и представляютъ извѣстное различіе въ неграмматическомъ значеніи; см. Бругмана Grundriss II, стр. 1064.

на $\bar{a}^e$ (лит.-слав. $\bar{e}$) являлись именно въ аористѣ; при этомъ значенія греческихъ основъ, въ особенности основъ на η, въ сопоставленіи съ значеніями соотвѣтственныхъ литовско-славянскихъ основъ свидѣтельствуютъ, что еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ образованіе такихъ основъ представляло собою словообразовательную форму глаголовъ состоянія. Въ настоящее время подобный-же выводъ мы находимъ у Бругмана въ Grundriss, II, § 708 (эта часть сочиненія Бругмана вышла въ свѣтъ въ 1892 г., т. е. послѣ книги проф. Ульянова), но Бругманъ опредѣляетъ значеніе индоевропейскихъ глагольныхъ основъ такого образованія какъ главнымъ образомъ непереходное, между тѣмъ какъ проф. Ульяновъ видитъ здѣсь, какъ мы знаемъ, значеніе состоянія, и въ этомъ онъ правъ, конечно, такъ какъ на это значеніе указываетъ чередованіе такихъ основъ съ основами глаголовъ съ фактитивнымъ значеніемъ въ балтійскихъ языкахъ (а это чередованіе по самому образованію основъ должно было быть получено изъ общаго индоевропейскаго языка), и изъ этого значенія ближайшимъ образомъ объясняется значеніе греческихъ основъ аориста на η, а также и древнеиндійскихъ основъ наст. вр. страдательной формы на *ya* (т. е. древнеиндійск. *i̯a*). Авторъ не извлекъ, мнѣ кажется, изъ древнеиндійскаго языка всѣхъ тѣхъ указаній, какія этотъ языкъ можетъ дать относительно индоевроп. основъ наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ и на $ja^{e/o}$. Совершенно вѣрно мнѣніе проф. Ульянова касательно того, что въ древнеиндійскомъ языкѣ глаголы съ индоевропейскими основами наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ и на $ja^{e/o}$ смѣшались, но отсюда вовсе не слѣдуетъ выставляемое авторомъ положеніе, будто различіе между древнеиндійскими страдательными глаголами и глаголами 4-го класса «какъ со стороны формальной (удареніе и медіальные аффиксы), такъ и со стороны значенія установилось опредѣленно въ отдѣльной жизни, вѣроятно, самого др.-индійскаго языка; отчасти это различіе могло являться, можетъ быть, и въ индо-иранскомъ» (стр. 283). Извѣстное различіе въ самомъ образованіи тѣхъ и другихъ глаголовъ получено, конечно, изъ общаго индоевропейскаго

языка: древнеиндійскія основы на *ya* съ нѣкогда сильнымъ звуковымъ корня, имѣвшаго на себѣ удареніе, восходятъ къ индоевроп. основамъ на $ja^{e/o}$, а древнеиндійскія основы на *yá* со старымъ слабымъ звуковымъ видомъ корня образовались изъ индоевропейскихъ основъ на $i̯a^{e/o}$; тотъ фактъ, что въ древнеиндійскомъ языкѣ страдательное значеніе соединилось именно съ основами на *yá*, т. е. на индоевроп. $i̯a^{e/o}$, въ связи со свидѣтельствомъ литовско-славянскаго языка и частью греческаго не можетъ не указывать на то, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ съ образованіемъ основъ наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ соединялось именно значеніе состоянія. Но древнеиндійскій языкъ даетъ и другое важное указаніе. Смѣшеніе въ древнеиндійскомъ языкѣ глаголовъ съ индоевроп. основами на $ja^{e/o}$ и на $i̯a^{e/o}$ (хотя извѣстное различіе въ самомъ образованіи тѣхъ и другихъ основъ сохранялось) заставляетъ думать, что тѣ и другіе глаголы были получены въ соотношеніи ихъ между собою по значеніямъ, а соотношеніе между собою тѣхъ и другихъ основъ какъ заключающихъ въ себѣ словообразовательныя формы глаголовъ состоянія и глаголовъ фактитивныхъ засвидѣтельствовано, мы видѣли, балтійскими языками, главнымъ образомъ литовскимъ языкомъ. Поэтому въ фактахъ древнеиндійскаго языка я вижу подтвержденіе для того мнѣнія, какое я высказалъ выше по поводу литовскихъ основъ: въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ основы наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ (и, слѣдовательно, основы аориста на $\bar{a}^{e}$) заключали въ себѣ словообразовательную форму глаголовъ состоянія по соотношенію именно съ основами наст. вр. на $ja^{e/o}$, представлявшими словообразовательную форму глаголовъ фактитивныхъ.

Еще нѣсколько словъ по поводу предполагаемыхъ авторомъ индоевропейскихъ основъ аориста на $\bar{a}^{o}$ въ глаголахъ «средняго залога», при основахъ на $\bar{a}^{e}$. Я говорилъ уже, что положеніе автора относительно существованія въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ старыхъ основъ на литовско-славянское $\bar{a}^{o}$ (у автора $\bar{a}$) изъ индоевроп. $\bar{a}^{a}$ въ качествѣ словообразовательной формы гла-

головъ состоянія не представляется мнѣ доказаннымъ; интересно то, что и въ греческомъ языкѣ проф. Ульяновъ не находитъ такихъ основъ, по крайней мѣрѣ несомнѣнныхъ, хотя и дѣлаетъ попытки открыть ихъ (стр. 234 и слѣд.). Неосновательно предположеніе автора, будто «въ формахъ ед. ч. ἐγήρᾰν, -ᾰ̆ς, -ᾰ̆ [1]), быть можетъ, слѣдуетъ принимать ᾰ̆ какъ результатъ фонетическаго сокращенія ᾱ въ конечныхъ слогахъ въ самомъ греческомъ языкѣ»; «аналогію для этого явленія», продолжаетъ проф. Ульяновъ, «могутъ представлять формы какъ δός, θές (изъ *δως, *θης)» и ссылается въ примѣчаніи къ этому мѣсту на мое мнѣніе (извѣстное ему изъ лекцій) относительно фонетическаго сокращенія долгой гласной въ δός, θές (стр. 239). Автору слѣдовало бы, однако, точнѣе привести это мнѣніе. Я сближалъ греческія δός и θές съ древнеиндійскими dās и dhās (въ формѣ сослагательнаго наклоненія), которыя имѣли въ ведійскомъ нарѣчіи $\bar{a}$ распадавшееся на два слога, что̀ указываетъ на индоевропейскую прерывистую долготу гласной (а долгая гласная здѣсь изъ соединенія двухъ гласныхъ), и высказывалъ предположеніе, не сокращалась ли въ греческомъ языкѣ прерывистая долгота отдѣльныхъ долгихъ гласныхъ (не въ дифтонгахъ и не въ дифтонгич. сочетаніяхъ) по крайней мѣрѣ въ конечномъ слогѣ словъ; при этомъ я имѣлъ въ виду и то, что при такомъ-же предположеніи объяснялась бы краткость α въ именит.-винит. пад. множ. ч. средн. р. ζυγᾰ̆ (допускать здѣсь какое-нибудь вліяніе со стороны именъ съ основами на согласныя я никакъ не могу). Но для предполагаемыхъ авторомъ индоевропейскихъ основъ аориста на $\bar{a}^a$ въ глаголахъ «средняго залога» нѣтъ никакого основанія опредѣлять долготу этой гласной какъ прерывистую; сравн. длительную долготу въ индоевроп. $\bar{a}^e$ (литовск. ė) въ основахъ аориста, а также и то обстоятельство, что литовскія глагольныя основы, принимаемыя авторомъ (хотя и не вѣрно) за старыя основы аориста на индоевроп. $\bar{a}^a$ въ глаголахъ «средняго залога», свидѣтель-

1) Въ дѣйствительности извѣстно только ἐγήρᾰ̆ (сравн. у автора стр. 235).

ствуютъ о происхожденіи здѣсь литовскаго *o* (съ нисходящимъ удареніемъ, напр. въ инфинитивѣ на -óti) изъ индоевроп. $\bar{a}^a$ съ долготою не прерывистою, но длительною.

II.

Вторая часть изслѣдованія проф. Ульянова: «Основы, обозначающія различія по видамъ» даетъ гораздо болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе, и представляется мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обработанною сравнительно съ первою частью. Въ связи съ балтійскими и славянскими основами, обозначающими различія по видамъ, здѣсь разсматриваются въ тѣхъ-же языкахъ глагольныя формы отъ основъ съ извѣстными видовыми различіями, и въ послѣдней, очень большой главѣ, посвященной вопросу о происхожденіи видовыхъ различій въ литовско-славянскомъ глаголѣ, авторъ, указывая на соотвѣтственные факты другихъ индоевропейскихъ языковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается и на различныхъ формахъ времени и наклоненія общаго индоевропейскаго языка въ ихъ значеніяхъ и происхожденіи, а именно онъ говоритъ здѣсь объ индоевропейскомъ аористѣ въ его различныхъ значеніяхъ, о происхожденіи индоевропейской формы будущаго времени (въ связи съ происхожденіемъ формы сигматическаго аориста) и о различіяхъ въ образованіи и значеніи индоевропейскихъ формъ инъюнктива. Общій планъ изложенія во второй части изслѣдованія проф. Ульянова тотъ-же, что и въ первой части, т. е. и здѣсь авторъ въ первой главѣ говоритъ о балтійскихъ языкахъ, во второй — о славянскихъ, а третья глава заключаетъ въ себѣ общіе выводы о видовыхъ значеніяхъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Только въ одномъ отношеніи авторъ измѣняетъ здѣсь прежній планъ изложенія, а именно во второй части онъ разсматриваетъ факты обоихъ балтійскихъ языковъ вмѣстѣ, точно такъ-же какъ вмѣстѣ излагаются здѣсь и факты

четырехъ славянскихъ языковъ, что устраняетъ неизбѣжныя иначе повторенія. Къ сожалѣнію, и во второй части, какъ и въ первой, проф. Ульяновъ не предпосылаетъ въ началѣ никакого вступленія, въ которомъ были бы опредѣлены въ общихъ чертахъ факты, составляющіе предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а по отношенію къ различіямъ въ «видѣ» предварительное общее опредѣленіе являлось бы тѣмъ болѣе важнымъ, что въ значеніи вида и въ балтійскихъ и въ славянскихъ языкахъ различаются въ свою очередь совершенно разнородныя значенія, не соотносительныя между собою, при чемъ значеніе вида можетъ принадлежать не только грамматическимъ образованіямъ глагольныхъ основъ (формы вида), но и образованіямъ неграмматическимъ.

Я остановлюсь на первой и на второй главѣ. Первая глава: «Основы балтійскихъ языковъ» начинается съ отдѣла: «Основы, обозначающія кратность»; здѣсь въ первомъ параграфѣ авторъ разсматриваетъ въ примѣрахъ различныя образованія такихъ балтійскихъ основъ, а во второмъ параграфѣ онъ опредѣляетъ извѣстныя различія въ значеніи кратности въ балтійскихъ языкахъ и поясняетъ эти различія на разборѣ примѣровъ. Въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ кратность, проф. Ульяновъ различаетъ: A) основы, обозначающія «кратность правильную», т. е., какъ опредѣляетъ авторъ, «непрерывную смѣну времени признака», и B) основы, обозначающія «кратность неправильную», т. е. «непрерывную смѣну времени признака»; въ основахъ A) въ свою очередь различаются, по мнѣнію автора: a) основы, обозначающія «сложное время» признака, т. е. «непрерывную повторяемость длительнаго времени признака», b) основы, обозначающія «сложно-составное время» признака, т. е. «повторяемость недлительнаго цѣльнаго времени признака» и c) основы, обозначающія «составное время» признака, т. е. «повторяемость отдѣльнаго момента цѣльнаго времени». Эта классификація значеній кратности является, однако, излишнею по отношенію къ фактамъ балтійскихъ языковъ, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь существуютъ, я думаю, только тѣ основы,

обозначающія въ признакѣ кратность, которыя авторъ относитъ къ основамъ A. a., т. е. къ основамъ, обозначающимъ такъ-называемое имъ «сложное время» признака. Основы B., обозначающія «кратность неправильную», проф. Ульяновъ находитъ въ такихъ литовскихъ образованіяхъ, какъ sùkdavau, sùkdavęs (въ латышскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ образованій), т. е. въ той формѣ прошедшаго времени, которую Куршатъ называетъ «Gewohnheitsimperfectum» (у Шлейхера здѣсь неточный терминъ: «имперфектъ»). Въ этой формѣ, однако, вовсе нѣтъ вида кратности въ основѣ, такъ какъ здѣсь обозначается не повторяемость самого признака, обозначеннаго въ глагольной основѣ, но повторяемость или даже обычная повторяемость сочетанія даннаго признака съ извѣстнымъ субъектомъ по отношенію къ отдѣльнымъ временамъ въ прошломъ, т. е. эта форма не есть форма какого-либо вида, но особая форма прошедшаго времени, именно форма кратнаго прошедшаго времени. Отсутствіе значенія вида въ такихъ образованіяхъ ясно опредѣляется изъ того факта, что эти основы на *davo* существуютъ лишь въ формѣ прош. вр. глагола и причастія (въ причастіи форма времени вообще имѣетъ свое особое значеніе, какъ я замѣтилъ выше) и даже не переносятся въ инфинитивъ; съ другой стороны, существованіе образованій на *davo* и отъ основъ, имѣющихъ уже форму кратнаго вида, напр. въ mė̀tydavos, также возможно лишь вслѣдствіе того, что образованія на *davo* сами не принадлежатъ къ образованіямъ вида. По мнѣнію автора, въ такихъ случаяхъ, какъ mė̀tydavos, являются основы «сложно-кратныя» (стр. 22); но что-же такое эти «сложно-кратныя» основы, которымъ приходится обозначать, слѣдовательно, ненепрерывную повторяемость непрерывно повторяющагося признака?! Относительно значенія формъ типа sùkdavo, sùkdavęs авторъ, признавая здѣсь форму вида, думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что значеніе «обычности» или «постоянства» въ повтореніи [1]), которое приписываютъ Кур-

1) Но не «въ повтореніи признака», какъ сказано у автора; ни Куршатъ,

шатъ и Шлейхеръ такому литовскому прошедшему времени, не является необходимымъ въ этой формѣ, а когда это «побочное» значеніе и является здѣсь, оно «не выражается самой основой этой формы, но опредѣляется значеніемъ цѣлаго словосочетанія» (стр. 12). Однако, значеніе обычности, дѣйствительно, существуетъ здѣсь въ самой формѣ, и напр. отдѣльное слово sùkdavo понимается именно съ этимъ оттѣнкомъ въ значеніи («вертѣлъ, крутилъ обыкновенно»), хотя мы при переводѣ извѣстныхъ словосочетаній, въ составъ которыхъ входитъ глаголъ въ такой формѣ, не можемъ передавать точно это значеніе.

Основы A. b., т. е. основы, обозначающія такъ-называемое авторомъ «сложно-составное время» признака, существуютъ, по его мнѣнію, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ сложныхъ основахъ, заключающихъ въ себѣ приставку ра-, хотя обыкновенно ра- вноситъ другія значенія Проф. Ульяновъ замѣчаетъ при этомъ, что для литовскаго языка ни Шлейхеръ, ни Куршатъ не указываютъ совсѣмъ основъ съ ра- въ значеніи кратнаго вида, точно такъ-же какъ и для латышскаго языка онъ не находитъ указаній на такое значеніе ра-. Но и въ тѣхъ примѣрахъ, какіе даны у автора, я не вижу случаевъ, гдѣ требовалось бы значеніе кратности. Разсмотрю здѣсь литовскіе примѣры (стр. 6). Въ palója (по автору, «полаиваетъ») въ данномъ мѣстѣ изъ сборника пѣсенъ Юшкевича нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени [1]), а по смыслу здѣсь можно ждать скорѣе форму прош. вр. (сравн. далѣе mëgójei); я думаю, что вмѣсто palója (и dabója) надо читать palóju = palójo (и dabóju = dabójo) «пролаяла». Тоже должно быть замѣчено и относительно paszalnója (по автору, «померзаютъ») изъ сборника Юшкевича (Ej szála, szála Ir pa-

---

ни Шлейхеръ не могли имѣть въ виду повтореніе самого признака, такъ какъ оба они опредѣляли форму типа sùkdavo исключительно какъ извѣстную форму времени.

1) Слѣдовательно, въ этомъ palója могла бы быть и форма наст. вр. совершеннаго вида.

szalnója Darżè żálios rutélės); и здѣсь нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени, а на форму прош. вр., т. е. на paszalnóju = paszalnójo вмѣсто paszalnója, а также на szálu=szálo вмѣсто szála [1]), могутъ указывать параллельныя мѣста, напр. въ пѣснѣ № 752 изъ того-же сборника (Ej szálu, szálu O ir paszálu Darżè żálios rutużėlės). Въ стихѣ: Nors áusti ji ne móka, Bilè gražėj paszóka я вижу въ paszóka (у автора «поплясываетъ») форму наст. вр. совершеннаго вида и понимаю здѣсь paszóka въ значеніи «можетъ, способна проплясать» (см. у автора подобные примѣры употребленія глаголовъ въ формѣ наст. вр. соверш. вида на стр. 68 и слѣд.); сравн. предшествующее ne móka по отношенію къ áusti. Въ papùcziama, pamùszama, pavažiũjąs, pasìszneka въ указанныхъ у автора мѣстахъ нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени, и ничто не мѣшаетъ видѣть здѣсь формы совершеннаго вида. Parúpi изъ пѣсни въ сборникѣ Бецценбергера «Litauische Forschungen» № 58 не вполнѣ ясно (у Бецценбергера опечатка: parúpí), но я думаю, что это форма прош. вр., т. е. = parupė̃, изъ parupė̃jo (см. тамъ-же *y* вмѣсто *e* въ pagynė̃su), такъ какъ я не ждалъ бы формы на *i* въ наст. вр. въ данномъ говорѣ и такъ какъ этотъ глаголъ въ сложеніи съ pa- употребляется, повидимому, именно въ прош. вр. (см. словарь Куршата). Для pàganau въ данномъ мѣстѣ значеніе «попасываю» не подходитъ по общему смыслу этого мѣста; употребленіе здѣсь наст. вр. соверш. вида съ значеніемъ близкимъ къ значенію будущ. вр. однородно съ тѣми случаями, о которыхъ говоритъ авторъ на стр. 72, b) (сравн. напр. pasakaĩ въ примѣрѣ у автора) [2]). Также и въ padėkavoju въ указанномъ мѣстѣ можно

---

1) Въ формѣ наст. вр. этого глагола въ данномъ говорѣ можно ждать szą̃lu (въ 1-мъ л.), но глаголъ szalu, съ краткимъ *a* безъ стараго ударенія (т. е. не изъ *a* носоваго), дѣйствительно, существуетъ въ говорахъ, по крайней мѣрѣ въ жемайтскихъ.

2) Это значеніе есть именно значеніе существующей въ настоящее время готовности сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ; при такомъ упо-

видѣть такое-же употребленіе глагола въ наст. вр. соверш. вида. Pàkreikė и самъ авторъ приводитъ съ вопросительнымъ знакомъ; и дѣйствительно, трудно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь является форма прош. вр. соверш. вида. Въ pagedáuja «тоскуетъ», изъ сборника Юшкевича, утрачено всякое значеніе въ pa-, такъ какъ простой глаголъ, безъ pa-, кажется, не употребляется. Что касается такихъ случаевъ, какъ paláiszciau «поливала», pawaikszczioiu «pochadzam sobie» (изъ словаря Ширвида), то авторъ самъ признаетъ, что они ничего не доказываютъ, такъ какъ въ соединеніи съ глаголами, уже имѣющими значеніе кратнаго вида, приставка pa-, «повидимому, не измѣняетъ значенія кратной основы». Глаголъ pasiklonioju надо исключить и потому, что pasiklõnioju, какъ и klõniojûs, — слова, заимствованныя изъ славянскихъ языковъ (кланяюсь, покланяюсь).

Основы А. с., обозначающія «составное время» признака, т. е. извѣстнаго рода кратность, проф. Ульяновъ находитъ въ литовскихъ глаголахъ на *-teriu*, *-terėti* и *-teliu*, *-telėti* и въ латышскихъ глаголахъ на *-erēt*, *-elēt*, хотя на этихъ латышскихъ глаголахъ авторъ не останавливается. Мнѣніе проф. Ульянова относительно извѣстнаго рода кратнаго значенія литовскихъ глаголовъ на *-terėti* и *-telėti* основано на какомъ-то недоразумѣніи; въ дѣйствительности такіе литовскіе глаголы принадлежатъ къ тому классу, который Куршатъ называетъ «Punctiva», и обозначаютъ, по опредѣленію Куршата, «ein kurzes einmaliges Geschehen» или «kurz und leicht abgebrochen etwas thun», т. е. соотвѣтствуютъ въ значительной степени нашимъ «моментальнымъ» глаголамъ (напр. махнуть, хлопнуть), хотя и отличаются отъ послѣднихъ присутствіемъ деминутивнаго значенія, а также отсутствіемъ значенія совершеннаго вида. Авторъ самъ замѣ-

---

требленіи форма наст. вр. отъ основы соверш. вида есть, слѣдовательно, форма дѣйствительнаго наст. вр. (что не отмѣчено авторомъ), но только при этомъ вносится въ форму наст. вр. новое значеніе.

чаетъ (стр. 17), что эти литовскія глагольныя основы, «кромѣ указаннаго значенія», т. е. значенія извѣстной кратности, «представляютъ еще другое, которое можно бы было назвать значеніемъ однократности» (точнѣе, однако, оно можетъ быть называемо значеніемъ «моментальнымъ», на что указываетъ и авторъ далѣе, стр. 57, по поводу однородныхъ случаевъ); я не вполнѣ понимаю изъ дальнѣйшаго разсужденія проф. Ульянова (стр. 18), какъ именно связываются на его взглядъ оба эти значенія въ такихъ литовскихъ основахъ, но не считаю нужнымъ останавливаться на этомъ вопросѣ по тому самому, что кратнаго значенія эти основы вовсе не имѣютъ. Авторъ для подтвержденія своего мнѣнія о кратномъ значеніи такихъ основъ беретъ прежде всего слѣдующій примѣръ изъ сказки, напечатанной Бругманомъ (въ сборникѣ литовскихъ пѣсенъ и сказокъ Лескина и Бругмана, стр. 175): maskólius móstelie (у Бругмана móstele, такъ какъ *l* у него обозначаетъ мягкое *l*, т. е. въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ написанію *li* у проф. Ульянова) su lazdà ir pasákė; «здѣсь», говоритъ проф. Ульяновъ (стр. 16), «móstelie значитъ или «постукиваетъ» (по Бругману), или «помахиваетъ» (ср. слов. Куршата)», но это не вѣрно, такъ какъ ни Куршатъ, ни Бругманъ не говорятъ о кратномъ значеніи такихъ глаголовъ, и въ переводѣ этой сказки у Бругмана móstele su lazdà въ данномъ мѣстѣ передано по-нѣмецки: «schwippte mit dem Stecken ein bischen»[1]). Я не могу сомнѣваться въ томъ, что móstele у Бругмана (т. е. móstelie въ правописаніи проф. Ульянова) въ этомъ мѣстѣ литовскаго текста представляетъ собою или опечатку, или описку, вмѣсто móstelė (прош. вр.) «махнулъ слегка», на что указываетъ и соединеніе этого слова съ pasákė; сравн. выше въ той-же сказкѣ móstelė su lazdà. Правда, Бругманъ приводитъ móstele изъ этой сказки и въ описаніи годлевскаго нарѣчія, стр.

1) Въ описаніи годлевскаго нарѣчія, стр. 314, Бругманъ, указывая на различныя формы этого глагола, переводитъ его такъ: «mit einem Stock u. dgl. in der Luft hin und herfahren, fuchteln».

314, но это móstele — единственный случай формы наст. вр. глаголовъ съ такимъ образованіемъ основы, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ указанныхъ здѣсь случаяхъ употребленія этихъ глаголовъ въ годлевскихъ сказкахъ и пѣсняхъ является форма или прош. вр. (между прочимъ, три раза móstelė), или будущ. вр., или повелит. наклон., а это обстоятельство опять таки заставляетъ думать, что вмѣсто единичнаго móstele надо читать móstelė. Глаголы на *-teliu*, *-teriu* очень рѣдко, кажется, употребляются въ литовскомъ языкѣ въ формѣ наст. вр., при чемъ вслѣдствіе присутствія въ такихъ основахъ моментальнаго значенія форма наст. вр. такихъ глаголовъ не имѣетъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени. И въ другихъ примѣрахъ, указанныхъ проф. Ульяновымъ для глаголовъ на *-teriu*, *-teliu*, нѣтъ кратнаго значенія, т. е. и въ другихъ примѣрахъ является также деминутивно-моментальное значеніе; напр. lyžtelėjo значитъ «лизнула немножко» (корова). Относительно «моментальнаго» значенія этихъ литовскихъ основъ надо замѣтить, что оно вообще не есть какое-либо «видовое» значеніе, т. е., что при этомъ значеніи не обозначается какое-либо различіе во времени признака. Словообразовательную форму съ моментальнымъ значеніемъ, образующую особый грамматическій классъ «моментальныхъ» глаголовъ, получаютъ основы, имѣющія извѣстнаго рода неграмматическое значеніе, а именно обозначающія такъ-называемые авторомъ «составные» признаки, т. е. такія явленія, которыя разлагаются на отдѣльныя тождественныя явленія, слѣдующія непосредственно одно за другимъ; формою «моментальности» этихъ основъ обозначается въ данномъ признакѣ отдѣльный «моментъ» какъ отдѣльная составная часть такого явленія (сравн. въ русскомъ языкѣ напр. махнуть по отношенію къ махать). Понятно, что и оттѣнокъ деминутивнаго значенія въ этихъ литовскихъ основахъ не имѣетъ ничего общаго съ «видовыми» значеніями, такъ какъ при деминутивномъ значеніи обозначается извѣстное различіе въ степени проявленія признака (слабая степень проявленія признака); деминутивное зна-

ченіе можетъ соединяться въ литовскомъ языкѣ и съ кратнымъ значеніемъ въ извѣстныхъ образованіяхъ кратнаго вида, напр. нерѣдко въ кратныхъ глаголахъ на *-inėti* (срав. у автора стр. 23).—Латышскіе глаголы на *-erēt*, *-elēt*, сопоставляемые проф. Ульяновымъ по значенію съ литовскими глаголами на *-terėti*, *-telėti*, Биленштейнъ (Die lettische Sprache I, 405 и 411) относитъ къ классу «Deminutiva» и помѣщаетъ ихъ здѣсь вмѣстѣ съ глаголами, имѣющими другія образованія основы, при чемъ замѣчаетъ, что нерѣдко въ классѣ «Deminutiva» являются глаголы кратнаго вида; я не вижу, однако, какихъ-либо различій въ самой кратности этихъ глаголовъ, представляющихъ различное образованіе основы, да и проф. Ульяновъ, хотя относитъ латышскіе глаголы на *-erēt*, *-elēt* къ глаголамъ, обозначающимъ кратность извѣстнаго рода, не доказываетъ, однако, своего мнѣнія, такъ какъ не останавливается на этихъ латышскихъ глаголахъ.

Второй отдѣлъ первой главы носитъ названіе: «Основы, обозначающія длительность». Въ главѣ о славянскихъ основахъ съ видовыми различіями нѣтъ соотвѣтственнаго отдѣла, да и въ балтійскихъ языкахъ авторъ находитъ такія основы только въ литовскомъ языкѣ, не въ латышскомъ, а именно онъ относитъ сюда литовскія основы съ приставкою be- и основы съ суффиксомъ *o* въ глаголахъ типа rýmau, rýmoti; timpsaĩ, timpsóti. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ образованіяхъ нельзя, однако, признавать основы длительнаго вида, и я думаю, что и въ литовскомъ языкѣ вообще нѣтъ основъ длительнаго вида. Относительно литовскихъ глаголовъ типа rýmau, rýmoti; timpsaĩ, timpsóti я уже говорилъ, что они образуютъ грамматическій классъ «интенсивно-длительныхъ» глаголовъ состоянія, находящійся въ связи съ грамматическимъ классомъ глаголовъ начинательнаго состоянія, при чемъ я пояснилъ, что различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ глаголовъ не имѣетъ отношенія къ виду. Что же касается литовскихъ глагольныхъ образованій съ be- (напр. besė̃d на стр. 27 «продолжаетъ сидѣть», beneszant jei ibid. «въ то

время какъ она несла»), то изъ нихъ вообще не могутъ быть извлекаемы основы съ приставкою be-, такъ какъ be- соединяется не съ основами, но съ глаголомъ или причастіемъ въ ихъ формахъ словоизмѣненія (поэтому нѣтъ такой приставки be- въ инфинитивѣ глагола). Приставка be- въ сочетаніи съ глаголомъ въ формахъ словоизмѣненія обозначаетъ не длительность или продолженность признака, обозначеннаго глагольною основою, но продолженность сочетанія этого признака съ извѣстнымъ субъектомъ; соотвѣтственно съ этимъ опредѣляется значеніе be- и въ соединеніи съ причастіями. Вслѣдствіе различія въ значеніи глаголовъ типа rýmoti, timpsóti и тѣхъ образованій, которыя заключаютъ въ себѣ приставку be- въ соединеніи съ формами словоизмѣненія глагола и причастія, та-же приставка съ тѣмъ-же значеніемъ можетъ соединяться, между прочимъ, и съ глаголами (или съ причастіями) типа rýmoti, timpsóti, напр. berýmojei; авторъ упоминаетъ объ этихъ случаяхъ (стр. 28), но для него они представляются вызванными вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ образованій, гдѣ be- соединяется съ другими глаголами.

Въ третьемъ отдѣлѣ первой главы: «Основы сложныя» проф. Ульяновъ высказываетъ новый и, я думаю, вѣрный въ основаніи взглядъ на два рода литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками; онъ говоритъ, что здѣсь надо различать: «1) основы, сложенныя съ приставками, не отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ, и 2) основы, сложенныя съ приставками, отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ». Различіе между двумя этими родами литовскихъ и латышскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ (т. е. глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками) пояснено у автора, по моему мнѣнію, не вполнѣ удовлетворительно. Онъ говоритъ, что «основы 1-го рода получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя измѣняютъ какимъ нибудь образомъ реальныя значенія простыхъ основъ; а именно, приставки

въ основахъ этого рода выражаютъ тѣ различія въ глагольныхъ признакахъ, которыя обусловливаются различными отношеніями ихъ къ объектамъ или субъектамъ» (стр. 29). «Основы 2-го рода», по словамъ автора, «получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя, не измѣняя реальныхъ значеній простыхъ основъ, измѣняютъ ихъ видовыя значенія» (стр. 30); приставки съ такимъ значеніемъ, а самою обыкновенною изъ нихъ является ра-, авторъ называетъ приставками «чисто формальными». Здѣсь неясность кроется прежде всего въ томъ, что «видовыя» значенія простыхъ основъ, измѣняемыя приставками въ сложныхъ основахъ 2-го рода, проф. Ульяновъ совершенно отдѣляетъ отъ реальныхъ значеній основъ, что̀ даетъ поводъ думать, будто «видовыя» значенія простыхъ основъ, измѣняемыя приставками, являются сами значеніями грамматическими, т. е. такими, которыя внесены грамматическими формами, но вѣдь въ дѣйствительности простыя основы, соединяющіяся съ приставками, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ сами или вовсе не имѣютъ какой либо формы вида, или имѣютъ форму вида кратнаго, которая, однако, остается безразличною для значенія сложныхъ основъ 2-го рода, такъ какъ приставки измѣняютъ здѣсь значенія простыхъ основъ не по отношенію къ кратности. Слѣдовательно, то, что авторъ называетъ «видовымъ» значеніемъ простыхъ основъ, измѣняемымъ приставками въ сложныхъ основахъ 2-го рода, существуетъ въ самомъ реальномъ (неграмматическомъ) значеніи основъ какъ составная часть этого значенія; вѣдь реальное (неграмматическое) значеніе глагольныхъ основъ и состоитъ въ томъ, что такія основы обозначаютъ признаки во времени, и вотъ это время признака, въ которомъ обозначаются извѣстныя различія приставками сложныхъ основъ 2-го рода, авторъ и называетъ «видовыми» значеніями простыхъ основъ (что̀, конечно, не точно, какъ скоро въ простыхъ основахъ не обозначаются какія либо различія, какіе либо виды въ этомъ времени). Поэтому нѣтъ основанія опредѣлять приставки въ этихъ основахъ какъ приставки чисто фор-

малыныя, въ отличіе отъ приставокъ въ сложныхъ основахъ 1-го рода; что значитъ здѣсь терминъ «чисто формальныя»? Авторъ какъ будто представляетъ себѣ, что литовскія и латышскія сложныя основы 2-го рода принадлежатъ по ихъ образованію, т. е. по существующему въ нихъ соединенію приставки съ основою, къ грамматическимъ фактамъ языка и заключаютъ въ себѣ, слѣдовательно, грамматическую форму вида; но это — образованія вовсе не грамматическія (въ нихъ нѣтъ грамматической формы), а касаются они области грамматики потому, что представляютъ собою неграмматическія образованія въ грамматическихъ фактахъ языка, въ основахъ словъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ, т. е. въ неграмматическомъ характерѣ этихъ образованій, надо видѣть объясненіе того, почему мы до сихъ поръ имѣли такое смутное представленіе о значеніяхъ литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками; грамматика почти не говоритъ объ этихъ фактахъ, упоминаетъ объ нихъ лишь мимоходомъ.— Затѣмъ въ приведенномъ мною выше опредѣленіи двоякаго рода сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ есть и другая неточность. Въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, по словамъ автора, «не измѣняя реальныхъ значеній основъ, измѣняютъ ихъ видовыя значенія», т. е. измѣняютъ значеніе времени признака (такой смыслъ, какъ я говорилъ, долженъ имѣть здѣсь терминъ «видовыя значенія»). Но изъ примѣровъ, указываемыхъ авторомъ для этихъ сложныхъ основъ, видно, что приставки, измѣняющія значеніе времени признака въ простыхъ основахъ, могутъ вмѣстѣ съ этимъ видовымъ значеніемъ вносить и другія значенія въ простыя основы; таковы напр. приставки во всѣхъ тѣхъ сложныхъ основахъ 2-го рода, которыя авторъ называетъ основами съ «суммарнымъ» значеніемъ (стр. 34 и слѣд.), да и самъ онъ признаетъ это относительно приставки *пи-*, обозначающей прекращеніе признака въ такихъ основахъ (стр. 39) [1]); или напр. въ сложныхъ основахъ

1) Я не нахожу, однако, такого значенія въ приставкѣ *пи-*; см. ниже.

2-го рода съ значеніями «перфективнымъ» и «результативнымъ» авторъ указываетъ на приставку pri- какъ сохраняющую «реальное» значеніе (стр. 47). Дѣйствительное различіе между двумя родами сложныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ состоитъ, я думаю, въ томъ, что въ однѣхъ изъ нихъ, въ основахъ 1-го рода, приставки сохраняютъ «предложное» значеніе, т. е. въ этихъ сложныхъ основахъ приставки обозначаютъ различныя отношенія субъекта или объекта даннаго признака къ другимъ предметамъ, вещамъ (поэтому приведенное выше опредѣленіе проф. Ульянова я бы измѣнилъ), между тѣмъ какъ въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки обозначаютъ нѣчто во времени признака (значеніе видовое), или безъ всякаго другаго опредѣленія этого признака, или съ извѣстнымъ опредѣленіемъ этого признака при посредствѣ той-же приставки.

Итакъ, мнѣніе проф. Ульянова относительно двухъ родовъ сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ могло бы быть выражено, я думаю, слѣдующимъ образомъ: въ сложныхъ основахъ 1-го рода приставки, имѣющія здѣсь «предложное», значеніе, т. е. обозначающія отношенія субъектовъ или объектовъ признака, не измѣняютъ при этомъ значенія времени признака въ значеніи глагольной основы, а въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, не обозначающія здѣсь отношеній субъектовъ или объектовъ признака, т. е. не имѣющія «предложнаго» значенія, измѣняютъ извѣстнымъ образомъ именно значеніе времени признака въ значеніи глагольной основы, при чемъ въ связи съ такимъ значеніемъ могутъ обозначать и другія различія въ самомъ признакѣ, и потому въ этомъ случаѣ получаются такія сложныя глагольныя основы, которыя по видовому значенію отличаются отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основъ. Эту мысль проф. Ульянова я считаю вѣрною и чрезвычайно важною для правильнаго пониманія литовскихъ и латышскихъ глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками; въ положеніи, выставленномъ проф. Ульяновымъ относительно двухъ родовъ сложныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ я при-

знаю поэтому крупную заслугу автора. До сихъ поръ на это существенное различіе въ сложныхъ глагольныхъ основахъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ не было указаній въ лингвистической литературѣ. Шлейхеръ довольно неопредѣленно говорилъ, что въ литовскомъ языкѣ «нерѣдко» соединеніе глагола съ предлогомъ (т. е. съ частицею тождественною по происхожденію съ предлогомъ) служитъ для измѣненія значенія той длительности, какая существуетъ въ обозначенномъ глаголомъ дѣйствіи, въ значеніе законченности (Vollendung); при этомъ Шлейхеръ указывалъ на нѣкоторые примѣры и обращалъ вниманіе на то, что въ особенности часто является въ такомъ употребленіи ра- (Litauische Grammatik, стр. 138—139). Такимъ образомъ Шлейхеръ признавалъ, совершенно правильно, существованіе въ литовскомъ языкѣ, между прочимъ, такихъ глаголовъ, сложенныхъ съ предложными приставками, которые по ихъ отличію въ значеніи отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глаголовъ однородны съ глаголами совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ (онъ самъ замѣчаетъ далѣе, что у славянъ существуетъ «dieselbe aussdruksweise»), но при этомъ онъ не опредѣлялъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ появленіе такого значенія въ литовскихъ глаголахъ, сложенныхъ съ приставками; это опредѣленіе, впрочемъ, и не входило прямо въ задачи Шлейхера при изложеніи грамматики литовскаго языка, такъ какъ въ данномъ случаѣ самые факты не принадлежатъ къ грамматическимъ. Биленштейнъ при обзорѣ приставокъ, сложенныхъ съ глаголами въ латышскомъ языкѣ, указывалъ для различныхъ приставокъ, между прочимъ, и на такое употребленіе ихъ, при которомъ онѣ обозначаютъ законченность (Vollendung) дѣйствія, обозначаемаго глаголомъ (Die lettische Sprache I, стр. 462 и слѣд.). Ни Шлейхеръ, ни Биленштейнъ не сознавали такимъ образомъ присутствія въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ тѣхъ двухъ классовъ сложныхъ глагольныхъ основъ, о которыхъ говоритъ проф. Ульяновъ. Въ вопросъ о видовомъ значеніи литовскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ значительную неясность внесъ Куршатъ своими «результатив-

ными» глаголами (Resultativa). О литовскихъ результативныхъ глаголахъ онъ говорилъ сперва въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю, стр. XVI—XVII, а затѣмъ въ литовской грамматикѣ, § 463; терминъ «resultativ» въ примѣненіи къ глаголамъ мы находимъ у Куршата и въ его литовско-нѣмецкомъ словарѣ (вышедшемъ въ свѣтъ послѣ нѣмецко-литовскаго словаря и послѣ грамматики), но здѣсь такое названіе получаютъ только такіе глаголы, сложенные съ приставками, которые имѣютъ извѣстное значеніе совершеннаго вида, именно такъ-называемое мною (см. далѣе) результативное значеніе совершеннаго вида, между тѣмъ какъ по опредѣленію, данному въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю и въ литовской грамматикѣ, § 463, подъ результативными глаголами надо понимать вообще литовскіе сложные глаголы (т. е. глаголы, сложенные съ приставками) или, какъ говоритъ Куршатъ въ § 1149 грамматики, сложные глаголы обыкновенно (in der Regel) имѣютъ результативное значеніе. Напр. въ литовской грамматикѣ Куршата глаголъ iszgýdyti «вылѣчить» (съ результативнымъ значеніемъ совершеннаго вида по отношенію къ gýdyti «лѣчить») и įeĩti «входить» (безъ отличія въ видовомъ значеніи отъ eĩti «идти») называются одинаково глаголами результативными, но въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ Куршата įeĩti, въ отличіе отъ iszgýdyti, не опредѣляется какъ результативный глаголъ. Въ литовской грамматикѣ, какъ и въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю, по отношенію къ такимъ глаголамъ, сложеннымъ въ приставками, какъ įeĩti, Куршатъ понималъ подъ результативностью ихъ то именно, что напр. įeĩti значитъ не «идти (eĩti) въ (į)», но «входить» и потому говорилъ: «Die Bedeutung der Verba composita setzt sich im Litauischen daher zusammen aus der Bedeutung des Verbums selbst, aus der der Präpos. und aus der des Erfolgs» (Gramm. d. litt. Spr. § 463). Съ этими случаями онъ считалъ однородными и такіе, какъ jìs jį iszgýdė «онъ его вылѣчилъ» по отношенію къ jìs jį̃ gýdė «онъ его лѣчилъ», хотя въ дѣйствительности здѣсь значеніе предложной приставки уже не можетъ быть отдѣляемо отъ того значенія,

которое Куршатъ называетъ значеніемъ «послѣдствія» (Erfolg). Такимъ образомъ приходится думать, что Куршатъ смѣшивалъ прежде результативное значеніе совершеннаго вида съ другаго рода «результативнымъ» значеніемъ въ литовскихъ глаголахъ, сложенныхъ съ приставками, именно съ значеніемъ результативности самого признака (по отношенію къ признаку, обозначенному соотвѣтственною простою глагольною основою), и поводъ для этого данъ былъ, конечно, въ томъ, что и съ результативнымъ видовымъ значеніемъ можетъ соединяться значеніе результативности самого признака, напр. въ iszgýdyti. Впослѣдствіи, однако, Куршатъ созналъ, мнѣ кажется, неудовлетворительность своего прежняго взгляда (хотя самъ онъ не говоритъ объ этомъ), и потому-то въ его литовско-нѣмецкомъ словарѣ терминъ «результативные глаголы» имѣетъ уже другой смыслъ и употребляется лишь въ примѣненіи къ извѣстнымъ глаголамъ съ значеніемъ совершеннаго вида [1]), именно по отношенію къ такимъ глаголамъ, въ которыхъ приставка вноситъ одно только результативное видовое значеніе. Проф. Ульяновъ, возражая противъ мнѣнія Куршата относительно результативнаго значенія всякихъ сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ языкѣ, не обращаетъ вниманія на особый смыслъ термина «результативное значеніе» въ литовской грамматикѣ Куршата, т. е. предполагаетъ, что Куршатъ понималъ подъ такимъ названіемъ извѣстное видовое значеніе; частью, впрочемъ, авторъ соглашается съ Куршатомъ и думаетъ только, что въ литовскихъ глагольныхъ основахъ, сложенныхъ съ приставками, «сохраняющими свои реальныя значенія, видовое значеніе длительности, общее имъ съ простыми основами, столь же обыкновенно, какъ и то видовое значеніе, которое Куршатъ называетъ результа-

1) Мы не должны забывать, что Куршатъ не былъ знакомъ съ глаголами совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ и даже думалъ почему-то на основаніи лишь названія «verba perfecta», что такіе славянскіе глаголы обозначаютъ только прекращеніе дѣйствія (см. предисловіе къ нѣмецко-литовскому словарю, стр. XVI).

тивнымъ; тоже самое мы находимъ и по отношенію къ латышскимъ основамъ» (стр. 53). Точно такъ-же выше, на стр. 29, проф. Ульяновъ говоритъ, что литовскія и латышскія сложныя основы 1-го рода, «являясь по отношенію къ простымъ основамъ съ другими реальными значеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ безъ отношенія къ простымъ основамъ представляютъ извѣстныя видовыя различія; напр., литовск. ateĩti, užtekėti, безъ отношенія къ eĩti, tekėti, различаются по видовымъ значеніямъ точно такъ же, какъ русск. приходить, всходить, съ одной стороны, и придти, взойти, съ другой». Впослѣдствіи авторъ замѣчаетъ, что въ литовскихъ и латышскихъ сложныхъ основахъ 1-го рода другое видовое значеніе, существующее при значеніи длительности, «не есть результативное, какъ называетъ его Куршатъ, или значеніе законченности, по Шлейхеру и Биленштейну» [1]) (стр. 55), а есть значеніе «недлительности» (стр. 57). Я не вполнѣ понимаю, какимъ путемъ пришелъ авторъ къ этому мнѣнію относительно существованія двухъ видовыхъ значеній, длительности и недлительности, въ балтійскихъ сложныхъ основахъ 1-го рода; во всякомъ случаѣ проф. Ульяновъ не показалъ этого различія на примѣрахъ (онъ даетъ лишь примѣры, въ которыхъ является, по его мнѣнію, «длительное» значеніе этихъ основъ) да и не могъ бы показать, такъ какъ какимъ-же критеріемъ пользовался бы онъ при опредѣленіи этого различія, остающагося необозначеннымъ во всѣхъ такихъ основахъ; переводъ примѣровъ на другой языкъ не могъ бы служить здѣсь доказательствомъ. Авторъ думаетъ, что и въ простыхъ глагольныхъ основахъ въ балтійскихъ языкахъ различаются тѣ-же видовыя значенія длительности и недлительности, остающіяся необозначенными, но здѣсь онъ не рѣшается утверждать это обо всѣхъ основахъ и приводитъ отдѣльные, довольно многочисленные случаи. Въ числѣ этихъ слу-

1) Но ни Шлейхеръ, ни Биленштейнъ, когда говорятъ о законченности, обозначенной въ извѣстныхъ случаяхъ приставками въ глаголахъ, нигдѣ не имѣютъ въ виду тѣхъ сложныхъ глагольныхъ основъ, въ которыхъ приставки, по опредѣленію автора, «сохраняютъ свои реальныя значенія».

чаевъ проф. Ульяновъ указываетъ на моментальное (какъ особаго рода недлительное) значеніе литовскихъ глагольныхъ основъ на *terė*, *telė*, т. е. тѣхъ основъ, которыя, какъ я говорилъ, заключаютъ въ самомъ этомъ образованіи форму съ моментальнымъ значеніемъ, а не съ значеніемъ кратнаго вида, какъ предполагаетъ авторъ [1]). Кромѣ того, для различія между моментальнымъ и длительнымъ (собственно: немоментальнымъ) значеніями простыхъ глагольныхъ основъ онъ приводитъ случаи, въ которыхъ глаголъ съ такою основою является въ соединеніи со словами sỹkį, kařtą («разъ») и т. п., что̀, однако, само по себѣ не даетъ никакого права находить здѣсь моментальное значеніе въ самой глагольной основѣ. Далѣе авторъ даетъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ соединеніе «значеній длительности и недлительности (resp. моментальности) представляется болѣе или менѣе яснымъ при сопоставленіи словосочетаній, въ которыхъ употребляются формы отъ этихъ основъ, съ соотвѣтствующими словосочетаніями, напр. русскаго языка» (стр. 65); но на такой критерій едва-ли можно полагаться. Въ литовскихъ и латышскихъ простыхъ глагольныхъ основахъ, не имѣющихъ формъ вида, такъ-же какъ и въ образованныхъ отъ нихъ сложныхъ основахъ 1-го рода, нѣтъ различій въ видовомъ значеніи, а потому нѣтъ и видоваго значенія, если только мы не будемъ называть видовымъ значеніемъ (что̀ было бы неточно) значеніе времени признака, образующее составную часть неграмматическаго значенія этихъ основъ, такъ какъ вообще глагольныя основы обозначаютъ признаки, существующіе во времени. Понятно, что эти признаки, существующіе во времени, могутъ быть представляемы нами и какъ наполняющіе извѣстное количество времени, т. е. длящіеся въ различной степени, и какъ такіе, въ которыхъ мы не обращаемъ вниманія на длительность во времени. Все это не составляетъ, однако, разли-

1) При томъ-же это моментальное значеніе, какъ я объяснилъ выше, вовсе не есть видовое значеніе и не находится въ соотношеніи съ значеніемъ длительности вообще.

чій въ значеніи глагольныхъ словъ, но все это — такія различія, которыя существуютъ въ познаваемыхъ нами предметахъ мысли, обозначаемыхъ данными словами; различіями въ значеніяхъ словъ они становятся тогда, когда мы различаемъ ихъ въ названіяхъ, а для того, чтобы слово при тождествѣ звуковой стороны могло представлять собою названія различныхъ соотносительныхъ между собою предметовъ мысли, т. е. могло имѣть соотносительныя значенія (въ данномъ случаѣ длительное и недлительное значеніе), необходимо, чтобы въ языкѣ существовало уже въ другихъ случаяхъ обозначеніе этого различія въ различныхъ названіяхъ или въ извѣстномъ различіи названія, вслѣдствіе чего значеніе такого слова могло бы ассоціироваться съ существующимъ уже въ языкѣ обозначеніемъ извѣстнаго различія въ другихъ, однородныхъ предметахъ мысли. Въ балтійскихъ языкахъ я не вижу вообще въ глагольныхъ основахъ обозначенія различія между длительностью и недлительностью даннаго признака самими по себѣ [1]) и потому не могу предполагать здѣсь существованіе двухъ этихъ значеній въ какихъ бы то ни было глагольныхъ основахъ.

Признавая за авторомъ большую заслугу въ томъ, что онъ различилъ въ балтійскихъ языкахъ два рода глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками, я не могу, однако, согласиться съ нимъ во взглядѣ на видовое значеніе сложныхъ основъ 2-го рода, какъ не соглашаюсь и съ его мнѣніемъ относительно присутствія видовыхъ значеній длительности и недлительности въ сложныхъ основахъ 1-го рода, о чемъ я уже говорилъ. Въ литовскихъ и латышскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ 2-го рода проф. Ульяновъ различаетъ по различіямъ въ видовомъ значеніи слѣдующія основы (стр. 31—62): 1) основы съ детерминативнымъ значеніемъ, обозначающія «предѣльность длительнаго и сложнаго времени признака», напр. [2]) въ литовск. palukėk «пожди»,

1) Авторъ думаетъ, однако, иначе; см. далѣе.

2) Проф. Ульяновъ даетъ для каждаго изъ этихъ классовъ основъ длинный рядъ примѣровъ, взятыхъ изъ текстовъ.

pakukū̃ti «покуковать», parýmoti «постоять опершись»; 2) основы съ суммарнымъ значеніемъ, обозначающія «цѣльность сочетанія всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ времени признака», напр. въ литовск. iszlankstýki «посогни» («кусты»), iszstovėjęs «выстоявъ» или «простоявъ», supelėsiu «весь проплеснѣю», pakilnóti «поснимать»; 3) основы, обозначающія «законченность времени признака», именно основы съ значеніями a) результативнымъ и b) перфективнымъ: a) основы съ результативнымъ значеніемъ, обозначающія законченность времени «по отношенію къ достиженію результата проявленія признака», напр. въ литовск. pavýti «догнать», suvýti «догнать», pabė̃gti «убѣжать», pamokìnti «выучить», iszmokìnti «выучить»; b) основы съ перфективнымъ значеніемъ, обозначающія законченность времени признака «безъ отношенія къ результату проявленія признака», напр. въ литовск. papëszusi «написавши» (т. е. «закончивъ писанье»), iszkèpti «испечь», suszìldyti «согрѣть», numylėti «полюбить»; 4) a) основы съ значеніемъ «недлительности», обозначающія «признакъ не въ его развитіи, но въ его проявленіи», напр. въ paeĩti «пойти», pasakýti «сказать», pakláusti «спросить», paveizdė̃ti «посмотрѣть»; b) основы съ значеніемъ «моментальности», какъ особымъ видоизмѣненіемъ значенія недлительности, напр. въ литовск. paszókterėjau «прыгнулъ», paspýriau «толкнулъ», pastumė̃k «толкни»; c) основы съ значеніемъ недлительнымъ «единичнымъ», обозначающія «проявленіе признака въ одинъ изъ многихъ моментовъ времени», напр. въ литовск. neprasznekėjo «ни разу не проговорилъ» въ словосочетаніи per nãktį jìs neprasznekėjo; 5) основы съ «ингрессивнымъ» значеніемъ, обозначающія «наступленіе цѣлаго времени признака въ его недлительности», напр. въ литовск. prażvìngti «заржать», sukukū̃ti «закуковать», užgėdóti «запѣть». Классы 4 и 5 [1]), представляютъ значеніе «недлительности» въ его видоизмѣненіяхъ, а классы 1—3 обозначаютъ «извѣстныя различія въ длительномъ времени признака»

1) Цифры при классахъ основъ поставлены мною; у автора ихъ нѣтъ.

(стр. 51); поэтому, по словамъ автора, между основами классовъ 1—3 и 4—5 нѣтъ прямаго соотношенія, но существуетъ, однако, соотношеніе косвенное, именно по отношенію къ формѣ такъ-называемаго настоящаго времени, а эта форма отъ всѣхъ такихъ основъ не обозначаетъ времени (какъ разъясняетъ авторъ далѣе), и потому въ этой формѣ «значеніе ограниченности времени признака въ однихъ основахъ и значеніе недлительности времени признака въ другихъ совпадаютъ въ одномъ значеніи недлительности» (стр. 52). Тѣ-же классы основъ, съ тѣми-же значеніями и въ томъ-же соотношеніи ихъ между собою, проф. Ульяновъ находитъ далѣе и въ славянскихъ глагольныхъ основахъ, сложенныхъ съ приставками, при чемъ здѣсь къ основамъ съ значеніемъ недлительности (т. е. къ классу 4) онъ относитъ также и основы, сложенныя съ приставками «сохраняющими реальныя значенія»; въ славянскихъ языкахъ (по мнѣнію автора, лишь въ новомъ періодѣ ихъ жизни) самое сочетаніе предложныхъ приставокъ съ глагольными основами вноситъ особое видовое значеніе, по отношенію къ значенію соотвѣтственныхъ простыхъ основъ, между тѣмъ какъ въ балтійскихъ языкахъ этого явленія нѣтъ, какъ мы видѣли.—Итакъ, ни въ видовыхъ значеніяхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ 2-го рода, ни въ видовыхъ значеніяхъ славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ проф. Ульяновъ не находитъ никакого элемента, общаго всѣмъ имъ, и допускаетъ только косвенную связь между собою всѣхъ этихъ основъ, по отношенію именно къ формѣ настоящаго времени, но и эта связь опредѣлена у автора такъ (см. выше), что едва-ли можно съ нимъ согласиться; литовскія и латышскія сложныя основы съ значеніемъ детерминативнымъ и при сочетаніи ихъ съ формою наст. вр. не могутъ не сохранять принадлежащаго имъ значенія извѣстной (именно законченной) длительности, такъ какъ иначе исчезло бы отличіе этихъ основъ отъ другихъ сложныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ, и точно такъ-же въ соотвѣтствующихъ случаяхъ въ славянскихъ языкахъ никакъ нельзя усмотрѣть значеніе недлительности, напр. въ русск. поговоритъ, попоетъ, поси-

дитъ и т. п. Съ другой стороны, хотя проф. Ульяновъ связываетъ между собою по значеніямъ нѣкоторые изъ этихъ классовъ основъ, опредѣленіе такой ихъ связи у автора для меня не вездѣ понятно; я не вижу, какъ основы съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ могутъ быть соединяемы съ основами, имѣющими детерминативное значеніе, въ качествѣ основъ обозначающихъ «ограниченіе длительнаго времени признака въ томъ или иномъ отношеніи» (стр. 52). Впослѣдствіи, разсматривая происхожденіе различій въ видовомъ значеніи сложныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, авторъ находитъ связь между собою всѣхъ этихъ различій въ ихъ общемъ происхожденіи изъ значенія недлительнаго вида въ индоевропейскомъ аористѣ, и даже для литовско-славянскаго языка онъ сводитъ всѣ эти различныя значенія въ одно общее значеніе вида недлительнаго съ его видовыми различіями (см. напр. стр. 297). Теперь оказывается, что еще въ аористическихъ основахъ общаго индоевропейскаго языка значеніе недлительности могло получать «извѣстныя видоизмѣненія, при которыхъ оно являлось то моментальнымъ, то суммарнымъ, то результативнымъ или перфективнымъ» (стр. 277), а далѣе, стр. 280, авторъ говоритъ, что «и значеніе детерминативное, которое мы находимъ въ извѣстныхъ литовско-славянскихъ основахъ (но которое, можетъ быть, не существовало еще въ индоевроп. аористическихъ основахъ), должно быть также объясняемо какъ видоизмѣненіе общаго значенія недлительности».

Нельзя не поблагодарить проф. Ульянова за представленный имъ *первый* опытъ изслѣдованія видоваго значенія въ тѣхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ, которыя онъ называетъ сложными основами 2-го рода: большое собраніе примѣровъ, извлеченныхъ авторомъ изъ текстовъ, и его классификація значеній такихъ основъ, несомнѣнно, должны способствовать въ значительной степени дальнѣйшей разработкѣ этихъ нелегкихъ вопросовъ; надо отмѣтить также и то, что теперь, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія мы находимъ въ книгѣ проф. Ульянова,

стала очевидною тѣсная связь между такими балтійскими и соотвѣтственными славянскими сложными глагольными основами по отношенію къ самымъ разновидностямъ въ видовомъ значеніи. Я не могу, однако, признать вѣрнымъ общій взглядъ автора на значеніе этихъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, а также и въ славянскихъ, и потому долженъ расходиться съ нимъ и въ подробностяхъ классификаціи такихъ основъ, равно какъ поэтому-же, между прочимъ, мнѣ не представляется убѣдительнымъ мнѣніе проф. Ульянова относительно происхожденія видоваго значенія этихъ основъ изъ видоваго значенія недлительности въ основахъ индоевропейскаго аориста. На мой взглядъ всѣ балтійскія сложныя глагольныя основы 2-го рода, какъ и всѣ славянскія сложныя глагольныя основы, связываются между собою какъ основы «совершеннаго вида» [1]). Общее значеніе совершеннаго вида состоитъ въ томъ, что всѣ эти основы въ такомъ ихъ образованіи обозначаютъ законченность (приведеніе въ исполненіе) въ признакѣ, обозначаемомъ простою глагольною основою, при чемъ, однако, существуютъ и такія различія въ этомъ значеніи, которыя не позволяютъ думать, будто всѣ такія основы и для сознанія самихъ говорящихъ соединяются въ одномъ общемъ значеніи; тѣмъ не менѣе мы можемъ объединять эти различія въ общемъ названіи «совершенный видъ» для такихъ образованій, основываясь на томъ, что при общемъ элементѣ значенія здѣсь является и тождество въ самомъ образованіи такихъ основъ, такъ какъ напр. сочетаніе глагольныхъ основъ съ одною и тою-же приставкою балтійск. pa-, славянск. po- (т. е. русск. по- и т. д.) можетъ соединять въ себѣ всѣ главныя различія въ видовомъ значеніи этихъ сложныхъ глагольныхъ основъ. Я различаю въ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ 2-го рода (какъ и въ соотвѣтственныхъ славянскихъ глагольныхъ основахъ)

1) Названіе «перфективныя основы» даетъ и авторъ этимъ балтійскимъ и славянскимъ глагольнымъ основамъ, но при этомъ терминъ «перфективныя» имѣетъ у него совершенно условное значеніе, т. е. подъ «перфективными» основами онъ понимаетъ основы недлительнаго вида; см. напр. § 24 въ началѣ.

два главныхъ значенія: такое образованіе основъ обозначаетъ, во-первыхъ, время законченности признака какъ время результата въ проявленіи признака, и, во-вторыхъ, въ такомъ образованіи основъ обозначается законченность данной длительности признака. Простыя глагольныя основы какъ основы «несовершеннаго вида» въ ихъ отношеніи къ сложнымъ основамъ совершеннаго вида представляютъ исключительно отрицательное значеніе, т. е. въ случаяхъ перваго рода они обозначаютъ признакъ безъ отношенія къ времени законченности, а въ случаяхъ втораго рода данный признакъ обозначается въ нихъ безъ отношенія къ законченности въ длительности признака. Такимъ образомъ въ значеніи совершеннаго вида въ балтійскихъ языкахъ (а также и въ славянскихъ) выдѣляются, по моему мнѣнію, два значенія, изъ которыхъ первое можетъ быть называемо результативнымъ, а второе я назову детерминативнымъ значеніемъ, заимствуя этотъ терминъ у проф. Ульянова. Далѣе, въ результативномъ значеніи совершеннаго вида въ балтійскихъ языкахъ (какъ и въ славянскихъ) въ свою очередь выдѣляются два значенія, а именно въ основахъ совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ можетъ обозначаться или время результата въ дѣйствительномъ существованіи признака, т. е. по отношенію къ предшествовавшему его проявленію, или время результата въ наступленіи признака, т. е. по отношенію къ предшествовавшей готовности, способности проявиться; первое изъ этихъ значеній я назову (за неимѣніемъ принятыхъ терминовъ) результативнымъ значеніемъ перваго рода, а второе — результативнымъ значеніемъ втораго рода или значеніемъ результативно-ингрессивнымъ [1]). Въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода (т. е. съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода) нерѣдко являются такія основы,

1) Совершенный видъ въ балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основахъ надо не смѣшивать, конечно, съ перфективнымъ или совершеннымъ видомъ въ глагольныхъ основахъ общаго индоевропейскаго языка; здѣсь формою перфективнаго вида (напр. въ перфектѣ, т. е. въ формѣ настоящ. вр. перфективнаго вида) данный признакъ обозначался въ полнотѣ его проявленія во времени, т. е. въ законченности всего его проявленія во времени.

которыя обозначаютъ не только время результата въ признакѣ, но и самый результатъ признака, т. е. обозначаютъ время законченности, результата въ признакѣ результативномъ по отношенію къ тому, какой обозначается простою глагольною основою, какъ мы видимъ это напр. въ литовск. iszgýdyti «вылѣчить» по отношенію къ gýdyti «лѣчить» или въ pavýti «догнать» по отношенію къ výti «гнаться за, преслѣдовать». Это различіе въ значеніи глаголовъ съ результативными основами 1-го рода не образуетъ, однако, различія въ самомъ видовомъ значеніи, т. е. видовое значеніе и въ тѣхъ и въ другихъ основахъ одно и то-же; вмѣстѣ съ тѣмъ это различіе въ значеніи не принадлежитъ здѣсь и приставкамъ, соединяющимся съ глагольными основами, такъ какъ самыя приставки не измѣняютъ значенія даннаго признака въ значеніе признака результативнаго, но въ существующихъ уже результативныхъ основахъ 1-го рода значеніе извѣстнаго признака можетъ измѣниться въ значеніе соотвѣтственнаго результативнаго признака, подъ вліяніемъ видоваго результативнаго значенія. Приставки въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода могутъ вносить вмѣстѣ съ видовымъ результативнымъ значеніемъ также и другое измѣненіе въ значеніе глагольной основы, т. е. балтійскими результативными основами 1-го рода (какъ и соотвѣтственными славянскими основами) обозначается, между прочимъ, время результата въ такомъ существованіи признака, которое получаетъ извѣстное опредѣленіе при посредствѣ приставки, какъ мы это видимъ напр. въ лит. atsiẽsti «нажраться», isztupẽti съ значеніемъ «высидѣть до конца» (см. примѣръ у автора на стр. 35), pẽralkti «переголодать» (у автора нѣтъ подобныхъ примѣровъ) и т. п. Поэтому во всѣхъ такихъ результативныхъ основахъ 1-го рода обозначается въ данномъ признакѣ и самое существованіе его во времени, т. е. его длительность (поскольку такія основы не получаютъ далѣе значенія результативнаго признака), и, слѣдовательно, всѣ эти основы по значенію, вносимому въ нихъ приставками, могутъ быть называемы «длительно-результативными». Нельзя, мнѣ кажется, со-

мнѣваться, что и въ тѣхъ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки вносятъ теперь одно только видовое значеніе, нѣкогда (частью еще въ литовско-славянскомъ языкѣ) онѣ имѣли при этомъ и другія, спеціальныя значенія, и такимъ образомъ надо думать, что вообще въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода (какъ и въ соотвѣтственныхъ славянскихъ основахъ) данное видовое значеніе по его происхожденію принадлежало не приставкамъ, но сочетанію глагольныхъ основъ со всякими приставками, не имѣвшими предложнаго значенія, т. е. вносившими извѣстное опредѣленіе въ значеніе самого признака. Проф. Ульяновъ, какъ я замѣтилъ уже, иначе смотритъ на значеніе приставокъ въ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида и останавливается не на всѣхъ тѣхъ приставкахъ, которыя въ основахъ, называемыхъ мною результативными основами 1-го рода, сохраняютъ извѣстныя спеціальныя значенія.

Итакъ, опредѣляемыя мною значенія балтійскихъ глагольныхъ основъ совершеннаго вида находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ классификаціи значеній этихъ основъ у проф. Ульянова [1]). Основы съ детерминативнымъ значеніемъ, или основы детерминативныя, напр. въ лит. palukėk «пожди», pakukúti «покуковать», я такъ-же, какъ и авторъ, отдѣляю отъ другихъ основъ совершеннаго вида, хотя нѣсколько иначе опредѣляю ихъ видовое значеніе (см. выше). Основы съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ по автору, напр. въ лит. pavýti «догнать», iszkèpti «испечь», я называю результативными основами 1-го рода. Различая значенія результативное и перфективное въ этихъ основахъ, проф. Ульяновъ имѣетъ въ виду именно то, что въ однѣхъ изъ такихъ основъ обозначается также и результативность самого признака, а въ другихъ нѣтъ, но, какъ я за-

1) Мой взглядъ на значенія разновидностей въ балтійскихъ основахъ совершеннаго вида, хотя и отличается отъ взгляда проф. Ульянова, сложился, однако, подъ значительнымъ вліяніемъ тѣхъ указаній, какія я находилъ у автора.

мѣтилъ уже выше, это различіе не вносится въ основы приставками и не принадлежитъ само къ различіямъ видовымъ; при томъ-же, нерѣдко встрѣчаются здѣсь и такіе случаи, въ которыхъ трудно различать оба эти значенія основъ. Къ основамъ съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ авторъ правильно относитъ и такія основы, какія мы находимъ напр. въ лит. atsigérti «напиться вполнѣ, досыта», prisiẽsti «нажраться», гдѣ приставка вноситъ и извѣстное спеціальное значеніе, именно, на мой взглядъ, значеніе количественной полноты, достигаемой признакомъ въ его существованіи, но основы, являющіяся напр. въ лит. iszjëszkóti «обыскать (вездѣ)», isztupėjau «высидѣлъ (до конца)», iszstovėjęs «выстоявшій», проф. Ульяновъ совершенно отдѣляетъ отъ основъ съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ и называетъ основами съ суммарнымъ значеніемъ. Я вижу здѣсь длительно-результативныя основы, отличающіяся отъ другихъ длительно-результативныхъ основъ (напр. въ prisiẽsti) лишь въ спеціальномъ значеніи, вносимомъ приставками, хотя и не могу согласиться съ тѣмъ опредѣленіемъ, какое даетъ авторъ значенію этихъ основъ, называемому имъ суммарнымъ (см. выше). Приставки въ такихъ основахъ вносятъ, во-первыхъ, значеніе полноты длительности признака по отношенію ко всему данному пространству или по отношенію ко всему количеству даннаго времени, напр. въ iszjëszkóti «обыскать (вездѣ)», iszsivadžiót «выводить себя» (visur «вездѣ»), isztupėjau «высидѣлъ (до конца)», iszstovėjęs «выстоявшій», atbuvaĩ «отбылъ (до конца)», atstovėjau «отстоялъ» (проф. Ульяновъ не указываетъ на основы съ приставкою at-); въ сочетаніи такихъ приставокъ съ кратными глагольными основами можетъ являться и значеніе распространенія признака на всѣ данные объекты, напр. въ vaĩkus iszgáudys «ребятъ изловятъ», по автору «переловятъ» (стр. 35). Во-вторыхъ, приставки въ основахъ, разсматриваемыхъ здѣсь авторомъ, вносятъ также значеніе сильной или полной степени проявленія, достигаемой въ длительности признака; напр. это значеніе можетъ существовать въ

sùbarė «изругалъ» или напр. латышск. nûlī't, nûsvī'zt Биленштейнъ переводитъ: «tüchtig regnen», «stark beschwitzen» (Die lettische Sprache I, 465). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ основахъ, относимыхъ проф. Ульяновымъ къ основамъ съ суммарнымъ значеніемъ, я нахожу общее результативное значеніе 1-го рода, т. е. не вижу въ приставкѣ никакого спеціальнаго значенія; напр. лит. nustãtė, nuklójo и т. д. въ примѣрѣ изъ пѣсни на стр. 38 сами по себѣ значатъ, я думаю: «поставили», «постлали» или «настлали» и т. д. (у автора: «понаставили», «понастлали» и т. д.). Есть и такіе примѣры у автора, относительно которыхъ можетъ быть вопросъ, имѣетъ ли въ нихъ приставка спеціальное значеніе, или нѣтъ (напр. supelėsiu на стр. 36); впрочемъ, проф. Ульяновъ самъ признаётъ, что «въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ возникать затрудненіе при опредѣленіи значеній суммарнаго и перфективнаго» (стр. 46).—Относительно основъ, заключающихъ въ себѣ приставку лит. nu-, латышск. nû-, авторъ замѣчаетъ, что иногда эта приставка обозначаетъ «прекращеніе времени признака» (стр. 39); такое значеніе основъ съ nu-, nû- я назвалъ бы финитивнымъ длительно-результативнымъ (см. далѣе о видовомъ значеніи въ русск. отцвѣсти и т. п.), но примѣры, указываемые авторомъ, не убѣждаютъ меня въ томъ, что такія основы, дѣйствительно, существуютъ въ балтійскихъ языкахъ. Изъ литовскаго языка проф. Ульяновъ приводитъ только одинъ примѣръ, именно nugėdóti «отпѣть», но въ данномъ мѣстѣ (trejì gaidėj nugejdója, kad matùszė kėlė, изъ сборника Юшкевича) этотъ глаголъ можетъ имѣть общее результативное значеніе 1-го рода (т. е. собственно «спѣть», хотя бы мы переводили и глаголомъ «пропѣть»); то-же надо замѣтить и относительно соотвѣтственнаго латышскаго глагола nûdzẽdāt. Латыш. nûspī'd «проблеститъ» въ указанномъ мѣстѣ (Трейланда Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Дополненія, Заклинанія, 53) не имѣетъ значенія «перестанетъ блестѣть, потеряетъ блескъ» (сравн. тамъ-же nûbâlē); nûsẽn «перевяжешь» точнѣе было бы перевести черезъ «свяжешь» (и у Трейланда здѣсь

«свяжешь»); для nûzĕdēt «отцвѣсти» авторъ не даетъ примѣровъ (въ словарѣ Ульмана: «abblühen, verblühen; sich mit Schimmel überziehn»), но я думаю, что въ этомъ глаголѣ основа по образованію имѣетъ общее результативное значеніе 1-го рода, при чемъ въ основѣ обозначается также и результативность самого признака (сравн. значеніе результативнаго признака въ нашемъ «процвѣсти»).— Въ числѣ балтійскихъ основъ съ «суммарнымъ» значеніемъ проф. Ульяновъ приводитъ, между прочимъ, такія, въ составъ которыхъ входятъ кратныя глагольныя основы, напр. въ приведенномъ мною выше iszsivadžiót; также и среди тѣхъ основъ съ значеніями «результативнымъ» и «перфективнымъ», въ которыхъ приставки вносятъ извѣстное спеціальное значеніе, авторъ указываетъ и на основы, заключающія въ себѣ форму кратнаго вида, напр. въ pasibėgióti «набѣгаться»; но для прочихъ основъ съ значеніями «результативнымъ» и «перфективнымъ», гдѣ приставки вносятъ только общее видовое значеніе, авторъ не даетъ такихъ примѣровъ, въ которыхъ глагольная основа заключала бы въ себѣ форму кратности. Мнѣ кажется, что въ балтійскихъ языкахъ, какъ и въ славянскихъ (см. далѣе), кратныя глагольныя основы, сохраняющія значеніе кратности, могутъ входить въ составъ только тѣхъ результативныхъ основъ 1-го рода, которыя я называю длительно-результативными основами, т. е. въ которыхъ приставки сверхъ видоваго результативнаго значенія вносятъ и другое значеніе; отсюда слѣдуетъ, что тѣ балтійскія результативныя основы 1-го рода, въ которыхъ приставки даютъ только видовое результативное значеніе, представляютъ сами именно недлительно-результативное значеніе, т. е. являются основами «недлительно-результативными». Въ соединеніи съ приставкою, вносящею только видовое результативное значеніе 1-го рода, балтійская кратная глагольная основа обозначаетъ, повидимому, данный признакъ въ его принадлежности нѣскольскимъ субъектамъ. Такъ понимаю я paběgiójo на стр. 40 въ примѣрѣ изъ сборника Юшкевича: žmónis (=žmónys) visì paběgióju (=paběgiójo); авторъ переводитъ «поразбѣжались»,

но приставка ра- сама не вноситъ вообще этого значенія и также здѣсь, конечно, что и въ pabė̃gti «убѣжать». Въ другихъ примѣрахъ, указанныхъ авторомъ на стр. 40 для «суммарныхъ» основъ, заключающихъ въ себѣ ра- въ соединеніи съ кратными глагольными основами, можно видѣть основы детерминативныя; для pakilnóti изъ сборника Юшкевича (Liėtuv. Dajnos, № 335, 2 и 3) на детерминативное значеніе указываютъ parýmoti и paplesnóti въ той-же пѣснѣ. Для лит. приставки ра- въ сочетаніи съ некратною глагольною основою авторъ предполагаетъ «суммарное» значеніе въ papirkaĩ въ примѣрѣ: vìsą tùrgų papirkaĩ (изъ сборниковъ Юшкевича), «покупилъ» (?); въ дѣйствительности papirkaĩ значитъ здѣсь «откупилъ», «скупилъ (все въ однѣ руки)».

Изъ тѣхъ балтійскихъ сложныхъ основъ, въ которыхъ проф. Ульяновъ находитъ общее видовое значеніе недлительности и которыя онъ отдѣляетъ отъ прочихъ сложныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ, многія принадлежатъ, по моему мнѣнію, къ результативнымъ основамъ 1-го рода, съ приставкою ра- не имѣющею спеціальнаго значенія, напр. въ лит. pasakýti «сказать», pakláusti «спросить», pasisė̃sti «сѣсть» и т. д., но, кромѣ того, къ основамъ съ значеніемъ недлительности отнесены у проф. Ульянова также и нѣкоторыя результативныя основы 2-го рода (результативно-ингрессивныя), именно такія основы съ ра- глаголовъ, обозначающихъ движеніе, какія являются напр. въ лит. paeĩti съ значеніемъ «пойти», pavèžti «повезти». Къ результативнымъ основамъ 2-го рода (результативно-ингрессивнымъ) принадлежатъ также и балтійскія сложныя основы съ тѣмъ значеніемъ, которое авторъ называетъ ингрессивнымъ, напр. въ лит. prakalbė̃ti «заговорить» («стать говорящимъ»), prażydė̃ti «зацвѣсти» [1]), užkukū̃ti «закуковать», sukukū̃ti «закуковать»,

1) Я оставляю въ сторонѣ такіе примѣры у автора, какъ pražvìngti «заржать», prasidziùgti «обрадоваться», pralõ̃bti «сдѣлаться богатымъ», pravìrkti «заплакать» (въ praverkdama въ сборникѣ пѣсенъ Фортуна-

suplóti (į rankàs) «захлопать»; въ латышскомъ языкѣ авторъ находитъ такое употребленіе преимущественно въ основахъ съ приставкою nû-[1]). Относительно латышскихъ основъ съ приставкою ë- проф. Ульяновъ говоритъ, что онѣ, хотя и могутъ употребляться, повидимому, съ ингрессивнымъ значеніемъ, по бо́льшей части, однако, имѣютъ значеніе «начинательное», т. е. такое, при которомъ обозначается «наступленіе начальнаго момента въ длительномъ времени признака» (стр. 61) и ссылается на Билленштейна Die lettische Sprache I, 464, 5, b. Замѣчу съ своей стороны, что и эти латышскія основы не составляютъ исключенія изъ того общаго правила, по которому въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ глагольныя основы, сложенныя со всякими приставками не имѣющими предложнаго значенія, получаютъ значеніе совершеннаго вида, т. е. напр. и латыш. ëarṭ (какъ показываетъ употребленіе формы наст. вр.) имѣетъ совершенный видъ и можетъ быть переводимо русск. «запахать», хотя по значенію, принадлежащему самому образованію основы, латыш. ëarṭ не тождественно съ русск. «запахать». Мнѣ кажется, что эти латышскія основы съ ë- обозначаютъ въ данномъ признакѣ время результата въ наступленіи безотносительнаго начала признака, т. е. напр. ëṅemṭ значитъ «начать брать тамъ, гдѣ еще не брали» (напр. масло изъ нетронутаго пока запаса), ëarṭ — «начать пахать тамъ, гдѣ еще не пахали», ëmigt — «заснуть первымъ сномъ» и т. п.

Тѣ литовскія и латышскія сложныя глагольныя основы, въ которыхъ проф. Ульяновъ находитъ значеніе моментальности какъ особое видоизмѣненіе значенія недлительности (стр. 57),

---

това и Миллера, № 62, 6, вѣроятно, ошибочно написано *e* вмѣсто *i* открытаго), такъ какъ здѣсь въ глаголѣ является въ наст. вр. основа начинательнаго состоянія (см. далѣе о совершенномъ видѣ отъ такихъ основъ), а, кромѣ того, при pražvìngti, prasidžiùgti, pravìrkti не существуютъ теперь простые глаголы *žvìngti, *džiùgtis, *vìrkti.

1) Сравн. въ литовскомъ языкѣ результативное значеніе 2-го рода напр. въ numylėti «полюбить» (проф. Ульяновъ видитъ здѣсь «перфективное» значеніе, стр. 45).

принадлежатъ въ дѣйствительности къ обыкновеннымъ результативнымъ основамъ 1-го рода, образуемымъ въ данномъ случаѣ отъ тѣхъ простыхъ глагольныхъ основъ, которыя обозначаютъ такъ-называемые авторомъ составные признаки (см. выше), напр. въ лит. paspýriau «толкнулъ»; въ результативныхъ основахъ 1-го рода, не заключающихъ въ себѣ приставки съ спеціальнымъ значеніемъ, данный признакъ обозначается вообще, какъ я замѣтилъ уже, безъ отношенія къ длительности, а потому и безъ отношенія къ сочетанію отдѣльныхъ «моментовъ» въ признакѣ составномъ, и отсюда можетъ получиться далѣе въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ значеніе моментальное, напр. въ латыш. pamît «сдѣлать одинъ шагъ» («ступить»), при mît «ступать». Лит. paszókterėjau «прыгнулъ» слѣдовало бы отдѣлить отъ другихъ примѣровъ, такъ какъ здѣсь глагольная основа, входящая въ составъ сложной основы, заключаетъ въ себѣ словообразовательную форму моментальности.—Наконецъ, что касается тѣхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, въ которыхъ проф. Ульяновъ открываетъ значеніе «единичное», т. е. такое, при которомъ обозначается «проявленіе признака въ одинъ изъ многихъ моментовъ времени» (стр. 58), то я нахожу здѣсь въ самихъ глаголахъ обыкновенныя основы совершеннаго вида (результативныя) и не думаю, чтобы напр. pamatýcziau въ kas-dẽn pamatýcziau получало само видоизмѣненіе въ значеніи. Въ per nãktį jis nepraszṇekėjo авторъ переводитъ ne-prasznekėjo: «ни разу не проговорилъ», но можно понимать и такъ: «не проговорилъ ни слова».

Отдѣльно отъ всѣхъ другихъ глагольныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ проф. Ульяновъ разсматриваетъ балтійскія основы глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. образованія на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, такъ какъ эти основы, по его мнѣнію, «представляютъ такія различія видовыхъ значеній, которыя не наблюдаются вообще въ основахъ другихъ глаголовъ» (стр. 102), но я указывалъ уже на то, что такія балтійскія основы по значенію ихъ формы вовсе не принадлежатъ къ основамъ

съ видовымъ значеніемъ и являются основами начинательнаго состоянія, въ ихъ соотношеніи съ основами фактитивными и частью съ основами неначинательнаго состоянія. То опредѣленіе, какое даетъ здѣсь проф. Ульяновъ начинательному значенію этихъ основъ, принимаемому имъ за видовое, не кажется мнѣ вѣрнымъ; «это значеніе», говоритъ авторъ, «состоитъ въ томъ, что они обозначаютъ начальный моментъ въ длительномъ времени признака» (стр. 103) [1]). Поэтому я не могу согласиться и съ тѣмъ, какъ переводитъ авторъ литовскіе и латышскіе глаголы съ такими основами, и напр. въ kįlù я вижу значеніе «поднимаюсь» (собственно «становлюсь поднимающимся»), а не «начинаю подниматься». Нѣкоторые изъ примѣровъ, указанныхъ здѣсь, не удовлетворительны и въ томъ отношеніи, что данные глаголы съ такими основами уже утратили начинательное значеніе, внесенное въ нихъ формою основы: напр. литовск. krintù, латышск. krĩtu имѣетъ значеніе «падаю», не «становлюсь падающимъ» (и, конечно, не «начинаю падать»); и въ литовск. kįlù «поднимаюсь» не выступаетъ ясно начинательное значеніе; или напр. drimbù значитъ «валюсь, падаю», никакъ не «начинаю валиться» [2]).— Балтійскія глагольныя основы наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a*, по мнѣнію проф. Ульянова, рядомъ съ начинательнымъ значеніемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ, имѣютъ также значеніе ингрессивное (стр. 106), а при ингрессивномъ значеніи, по опредѣленію автора, обозначается наступленіе цѣлаго времени признака въ его недлительности. Я думаю, что сознаваемая авторомъ необходимость видѣть въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ съ этимъ образованіемъ

---

1) Точнѣе опредѣлялъ авторъ значеніе этихъ основъ въ первой части изслѣдованія, когда говорилъ, что онѣ обозначаютъ наступленіе признака (первая часть, стр. 64).

2) Въ сказкѣ. изъ которой беретъ авторъ примѣръ drim̃ba, въ другихъ мѣстахъ о томъ-же говорится ẽmė drìbt, но отсюда не слѣдуетъ предполагаемое авторомъ тождество drim̃ba и ẽmė drìbt (такъ какъ вѣдь drìbt есть инфинитивъ глагола drimbù).

два такія значенія, которыя вообще, по его мнѣнію, должны быть строго различаемы, свидѣтельствуетъ о томъ, что настоящее значеніе этого образованія балтійскихъ основъ, вовсе не видовое, имъ не опредѣлено. Не убѣдительно для меня и то, что говоритъ проф. Ульяновъ о «весьма важномъ различіи» балтійскихъ глагольныхъ основъ на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* по отношенію къ принимаемому имъ ингрессивному значенію: ингрессивныя основы съ инфиксомъ обозначаютъ будто-бы наступающее цѣлое время признака, которое другими основами, безъ инфикса, обозначается какъ длительное время, вслѣдствіе чего такія основы съ инфиксомъ становятся основами недлительнаго вида, а основы на *sta* находятся будто-бы въ соотношеніи съ основами, обозначающими законченность времени признака, и сами обозначаютъ время признака въ его законченности какъ наступающее. Я не понимаю, почему напр. lim̃pa въ данномъ примѣрѣ (стр. 106) авторъ переводитъ «прильнутъ», а не «прилипаютъ, пристаютъ», или почему klum̃p напр. въ поговоркѣ arklỹs ir kèturems kǎ́jems klump должно значить, по мнѣнію автора, «споткнется», а не «спотыкается» (сравн. у насъ: «конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается»). То, что̀ проф. Ульяновъ называетъ ингрессивнымъ значеніемъ простыхъ глагольныхъ основъ на *sta*, есть ихъ невидовое значеніе начинательнаго состоянія, а изъ сложныхъ основъ на *sta* авторъ приводитъ между прочимъ такія основы, которыя по значенію обратились уже въ основы несложныя, такъ какъ простыя основы на *sta*, вошедшія въ ихъ составъ, не употребляются, вслѣдствіе чего могло исчезать въ этихъ сложныхъ по происхожденію основахъ ихъ видовое значеніе; таковы основы въ глаголахъ paž̨́stu «узнаю, знаю» (простой глаголъ ž̨́stu не употребляется), užmirsztù «забываю» (простой глаголъ mirsztù встрѣчается очень рѣдко, а во многихъ діалектахъ, вѣроятно, утраченъ). Но въ pràžyst, въ пѣснѣ изъ сборника Бецценбергера, № 51, и въ pragýstancziu изъ Liėtuv. Dajnos Юшкевича, № 233, сохраняется значеніе совершеннаго вида (иначе думаетъ авторъ), хотя простые

глаголы žýstu и gýstu не извѣстны; сравн. совершенный видъ въ núžyd, являющемся параллельно съ pràžyst, и въ sucziùlbaucziu, параллельно съ pragýstancziu. Совершенный видъ я нахожу и въ iszdžiûsta въ примѣрѣ у автора («высохнетъ», а не «высыхаетъ»); см. однородные случаи, приведенные авторомъ на стр. 82. Въ įjùnkstu, įjùnkti «sich eingewöhnen» (Куршатъ) приставка į- имѣетъ предложное значеніе (įjùnksta į žìrnius въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ), и потому здѣсь сложная основа не принадлежитъ къ основамъ съ видовымъ значеніемъ; также и въ составъ praszoksta «проходитъ, исчезаетъ» вошла приставка съ предложнымъ значеніемъ. Тѣ литовскія и латышскія сложныя глагольныя основы *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, которыя остаются въ языкѣ сложными основами, принадлежатъ къ образованіямъ совершеннаго вида (какъ и другія сложныя основы 2-го рода), и при томъ именно онѣ являются основами результативными, такъ какъ детерминативное значеніе исключается здѣсь значеніемъ словообразовательной формы основы, а особенность этихъ результативныхъ основъ состоитъ въ томъ, что, обозначая время результата въ начинательности состоянія, онѣ отличаются поэтому и отъ результативныхъ основъ 1-го рода и отъ результативныхъ основъ 2-го рода. Понятно, это касается тѣхъ именно случаевъ, гдѣ основа на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ сохраняетъ значеніе начинательнаго состоянія.

Во второй главѣ, объ основахъ съ видовыми значеніями въ славянскихъ языкахъ, планъ изложенія тотъ-же, что и въ первой главѣ. Въ первомъ отдѣлѣ этой главы и здѣсь авторъ разсматриваетъ основы, обозначающія кратность, и останавливается сперва на различіяхъ въ образованіи этихъ основъ, а затѣмъ говоритъ о различіяхъ въ значеніи кратности. Въ образованіи этихъ славянскихъ глагольныхъ основъ проф. Ульяновъ различаетъ основы, образуемыя извѣстными суффиксами, и основы, заключающія въ себѣ приставку po- (старослав. по- и т. д.). Авторъ

признаетъ, что въ кратныхъ основахъ послѣдняго типа приставка ро- является вообще въ сочетаніи съ такими глагольными основами, которыя заключаютъ въ себѣ суффиксъ, образующій такія кратныя основы, но при этомъ онъ думаетъ, что въ славянскихъ языкахъ, «повидимому», могутъ существовать также кратныя основы съ ро-, въ которыхъ сама глагольная основа не имѣетъ такого суффикса; однако, примѣры, указываемые авторомъ, не убѣдительны. Изъ старославянскаго языка онъ приводитъ для подтвержденія этой мысли слѣдующіе случаи изъ Супр. рук.: порѣкѫ 323,11 (и напльнѩкмъı цръкве и дроугъ дроуга порѣкѫ); посмѣѭште сѧ и порадоуѭште сѧ 95, 27—28; порадоукѫтъ сѧ 21, 18 (веселитъ сѧ пакъı —, иже оубо зъла ненавидитъ и о добрѣ порадоукѫтъ сѧ); похвалимъ «ὑμνοῦμενος» 389, 27; не похвалѧште 378, 29. Въ порѣкѫ авторъ видитъ описку, вмѣсто порѣкмъ или порѣкмъı «ὠθοῦμεν», но въ дѣйствительности это форма 3-го л. ед. ч. наст. вр., согласованная съ именит. над. дроугъ; сравн. 353, 1—2: въ коупѣ ѥротивѣнъıѩ силъı бѣствоу сѧ ѩша, дроугъ дроуга рѣѩ. Глаголъ порѣѭ не заключалъ въ себѣ основы кратнаго вида (сравн. кратную основу въ поривааѫ 32, 16, у проф. Ульянова на стр. 122) и не былъ также глаголомъ совершеннаго вида: глагольная основа рѣкѫ- въ соотношеніи съ основою рине- имѣла значеніе длительно-несовершеннаго вида, подобно напр. даѥ- при дад-, а потому и въ порѣкѫть, порѣкѫ, въ соотношеніи съ поринеть, сохранялся тотъ-же видъ, такъ-же какъ напр. и подаѥть, поѥмлѥть имѣли длительно-несовершенный видъ, при совершенномъ видѣ въ подасть, поиметь (см. объ этихъ случаяхъ далѣе). Сравн. длительно-несовершенный видъ въ отърѣѭ Супр. рук. 321, 12, Ѿрѣѭште Слова Григ. Бог. л. 118, α, въърѣкмь «ὠθούμενος» ibid. л. 166, γ. Въ посмѣѭште сѧ и порадоуѭште сѧ я предполагаю для посмѣѭште сѧ значеніе несовершеннаго вида (т. е. отсутствіе значенія совершеннаго вида); указаніе на то, что глаголъ посмиıти сѧ по самому значенію смѣха (насмѣшки) отдѣлялся отъ

глагола смиити сѧ (и потому могъ не находиться въ соотношеніи по виду съ смиити сѧ) я вижу въ слѣдующемъ мѣстѣ Супр. рук. (263, 12): врѣмѧ смиити сѧ съпасению, смиити сѧ а не посмиити сѧ, ино бо смѣхъ поржганиѭ, инъ же на оуспѣхъ. Поэтому и для порадоуѭште сѧ при посмѣѭште сѧ я предполагаю употребленіе съ значеніемъ несовершеннаго вида; сравн. порадоуѥтъ сѧ въ указанномъ выше мѣстѣ. Наконецъ, что касается похвалимъ и не похвалѧште, то и самъ авторъ говоритъ только, что здѣсь «можно принимать краткое значеніе», а такъ какъ подобнаго рода кратныя основы не засвидѣтельствованы несомнѣнными примѣрами въ старославянскихъ текстахъ (и не извѣстны изъ другихъ славянскихъ языковъ), то потому, я думаю, и здѣсь нѣтъ основанія предполагать кратное значеніе. Изъ русскаго языка авторъ относитъ сюда такіе случаи, какъ ждетъ-пождетъ, бѣгутъ-побѣгутъ, сидѣлъ да посидѣлъ, но, по моему мнѣнію, ничто не указываетъ здѣсь на кратное значеніе, и я вижу въ такихъ образованіяхъ совершенный видъ. Древнерусск. поболаетъ, «съ несомнѣнно кратнымъ значеніемъ», имѣетъ въ самой глагольной основѣ форму кратнаго вида, т. е. вовсе не однородно напр. съ пождетъ въ ждетъ-пождетъ [1]).

Славянскія кратныя глагольныя основы безъ приставки ро- и съ приставкою ро- представляютъ и по значенію два класса кратныхъ основъ, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Ульяновъ; въ основахъ съ приставкою ро- онъ видитъ «основы обозначающія повторяемость недлительнаго времени признака», а прочія кратныя основы, т. е. безъ приставки ро-, обозначаютъ, по его мнѣнію, «повторяемость длительнаго времени признака» (стр. 125). Я опредѣлилъ бы это различіе нѣсколько иначе. Кратныя основы съ ро- обозначаютъ въ данномъ признакѣ время распадающееся на отдѣльныя времена, и потому онѣ могли бы быть называемы «прерывисто-длительными» основами, какъ и называл, дѣйстви-

1) О происхожденіи славянскихъ кратныхъ основъ съ ро- см. у меня ниже.

тельно, Павскій глаголы съ такими основами «продолжительными прерывистыми» глаголами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ основахъ можетъ являться и значеніе деминутивное (по Ломоносову, значеніе «умалительнаго учащенія»), которое само не есть значеніе видовое. Проф. Ульяновъ соглашается съ такого рода опредѣленіемъ значенія кратныхъ основъ съ приставкою ро- для большинства случаемъ, но только онъ видитъ при этомъ такъ-называемое имъ «собственно-составное» время признаковъ, т. е. длительное время, распадающееся на отдѣльные моменты; я думаю, однако, что и къ другимъ случаямъ, гдѣ по автору обозначается «сложно-составное» время признаковъ, подходитъ то-же опредѣленіе «прерывисто-длительныхъ» глагольныхъ основъ, какъ такихъ, которыя обозначаютъ время распадающееся на отдѣльныя времена (какъ бы ни были велики промежутки между отдѣльными временами), напр. въ русск. побаливать, сербск. поболијѐвати польск. pobolewać.— Въ значеніи тѣхъ славянскихъ кратныхъ основъ, которыя не заключаютъ въ себѣ приставки ро-, авторъ различаетъ кратность (повторяемость) правильную, непрерывную и кратность неправильную, ненепрерывную и говоритъ, что это различіе «выработалось болѣе или менѣе опредѣленно, кажется, только въ русскомъ языкѣ; именно въ этомъ языкѣ получили большое распространеніе сложныя производныя основы на -ыва- (-ива-), которыя и обозначаютъ неправильную повторяемость времени признака» (стр. 126). Я не могу, однако, признать вѣрнымъ это опредѣленіе различій въ значеніи кратности, и то, что̀ авторъ называетъ кратностью правильною, я называю кратностью неопредѣленною; напр. въ русскомъ языкѣ водить, носить, ѣздить обозначаютъ, по мнѣнію автора, правильную, т. е. непрерывную кратность, но вѣдь въ дѣйствительности напр. ѣздить можетъ обозначать также и кратность ненепрерывную (напр. «онъ ѣздитъ туда», т. е. «бываетъ тамъ»). Поэтому такую кратность я называю неопредѣленною, а самыя основы съ такимъ значеніемъ— «неопредѣленно-кратными», имѣя въ виду то, что здѣсь не обозначается различіе между кратностью непрерывною и ненепрерывною,

но обозначается вообще повторяемость признака во времени. Неопредѣленно-кратными являются въ славянскихъ языкахъ тѣ кратныя глагольныя основы, которыя обозначаютъ различныя движенія, и здѣсь съ значеніемъ кратности соединяется вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе разнообразія, неопредѣленности въ направленіи движенія (сравн. у Павскаго глаголы «разнообразные неопредѣленные» и см. Миклошича Verg. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 277), именно потому, что въ такихъ основахъ можетъ обозначаться между прочимъ кратность непрерывная, т. е. непрерывное продолженіе движенія совершающагося въ различныхъ направленіяхъ; поэтому соотвѣтственныя некратныя основы, не обозначая кратности, вмѣстѣ съ тѣмъ являются съ значеніемъ «однообразія» (сравн. у Павскаго глаголы «единообразные») въ томъ смыслѣ, что обозначаютъ движенія совершающіяся въ одномъ направленіи, напр. русск. ѣхать по отношенію къ ѣздить или летѣть по отношенію къ летать. — Опредѣленною или раздѣльною кратностью я называю ту кратность, въ которой проф. Ульяновъ видитъ кратность неправильную, ненепрерывную, т. е. подъ опредѣленною кратностью даннаго признака я понимаю повторяемость признака въ различныя отдѣльныя времена, при чемъ съ этимъ значеніемъ можетъ соединяться и значеніе отношенія даннаго признака къ различнымъ объектамъ или значеніе существованія даннаго признака въ различныхъ мѣстахъ; поэтому кратныя основы съ такимъ значеніемъ кратности могутъ быть называемы «опредѣленно-кратными» или «раздѣльно-кратными». Миклошичъ, какъ извѣстно, различалъ въ славянскихъ кратныхъ глаголахъ iterativa первой степени и iterativa второй степени; послѣдніе, по его мнѣнію, обозначаютъ кратность кратныхъ глаголовъ первой степени. Проф. Ульяновъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности этого опредѣленія и говоритъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, какимъ образомъ напр. русск. ѣжжать можетъ обозначать, такъ сказать, кратность кратности ѣздить (стр. 127). Я согласенъ съ авторомъ въ томъ, что опредѣленіе, данное Миклошичемъ, не удовлетворительно, но только

мнѣ кажется страннымъ то, что авторъ отождествляетъ вообще по значенію ѣжжать и ѣздить (онъ говоритъ: «ѣжжать и ѣздить по своему значенію тождественны»[1])). Различіе въ значеніи между ѣздить и ѣжжать такое-же, конечно, какъ напр. и между ходить и хаживать, а именно здѣсь является различіе въ самой кратности, такъ какъ въ ѣжжать, хаживать обозначается кратность опредѣленная, раздѣльная, т. е. повторяемость признака въ различныя отдѣльныя времена [2]). Также и польск. jeżdżać, chadzać (теперь chodziwać), о которыхъ упоминаетъ здѣсь авторъ, вовсе не тождественны по значенію съ jeździć, chodzić. Опредѣленно-кратныя основы образуются въ славянскихъ языкахъ какъ въ глаголахъ, обозначающихъ движенія и имѣющихъ при этомъ другія, неопредѣленно-кратныя основы (напр. русск. хаживать и ходить, нашивать и носить, чешск. chodívati, chodívávati[3]) и choditi, польск. chadzać, chodziwać и chodzić), такъ и въ другихъ глаголахъ, не обозначающихъ движеній, и эти послѣдніе глаголы, поскольку они имѣютъ кратныя основы, допускаютъ именно лишь основы съ опредѣленно-кратнымъ значеніемъ, напр. въ русск. говаривать, игрывать, стаивать, чешск. volávati, lovívati и lovívávati, польск. ławiać, mawiać, widywać. Въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, кратныя основы на *ыва*, *ива* и частью на *ва*, *а* (напр. пива-, ѣда-) безъ соединенія съ отрицаніемъ употребляются вообще только въ сочетаніи съ формою прош. вр., напр. въ нашивалъ, говаривалъ, пивалъ (но видаю, бываю при видалъ, бывалъ[4]); однако, эти русскія образованія не имѣютъ

1) И литовскія skraidýti и skráidżioti, на которыя ссылается здѣсь авторъ, также не тождественны по значенію, хотя и не различаются по отношенію къ самой кратности; по Куршату, въ skráidżioti существуетъ деминутивное значеніе.

2) По Далю, у донскихъ и уральскихъ казаковъ ѣжжать употребляется вмѣсто ѣздить.

3) Такого рода чешскія основы, какъ chodíváva-, обозначаютъ повторяемость признака съ бо́льшими промежутками времени или болѣе рѣдкую сравнительно съ повторяемостью, обозначаемою основами типа chodíva-.

4) Впрочемъ, въ видаю, бываю нѣтъ теперь (для сознанія говорящихъ)

значенія кратнаго прош. вр., т. е. не совпадаютъ съ литовскою формою кратнаго прош. вр. на *-davau* (иначе думаетъ проф. Ульяновъ, который, впрочемъ, иначе представляетъ себѣ, какъ я говорилъ выше, значеніе этой литовской формы), но сохраняютъ въ основахъ форму кратнаго вида, какъ это засвидѣтельствовано тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣ-же основы являются и въ сочетаніи съ формою инфинитива, и хотя инфинитивы съ такими основами имѣютъ у насъ очень ограниченное употребленіе (именно въ соединеніи съ отрицаніемъ [1]) въ безличныхъ предложеніяхъ [2])), тѣмъ не менѣе мы сознаемъ тождество формы основы напр. въ нашивалъ и въ нашивать; въ народныхъ пѣсняхъ извѣстны и дѣепричастія наст. вр. отъ такихъ основъ въ соединеніи съ отрицаніемъ (напр. не пиваючи, см. у автора стр. 131). Кромѣ того, основы въ говаривалъ, пивалъ и т. п. связываются для сознанія говорящихъ въ качествѣ видовыхъ кратныхъ основъ и съ основами «прерывисто-длительными»(т. е. также кратными, особаго рода) въ поговаривать, попивать и т. п. Нѣкогда общеславянскій языкъ имѣлъ также и кратныя глагольныя основы съ значеніемъ непрерывной кратности; такія основы, однако, впослѣдствіи, поскольку онѣ не перешли въ глаголахъ движенія въ кратныя основы съ значеніемъ неопредѣленной кратности, измѣнили значеніе кратнаго вида въ значеніе длительно-несовершеннаго вида, въ соотношеніи съ другими глагольными основами, получившими значеніе совершеннаго вида (см. ниже). Такова напр. основа въ старослав. стѫпати, русск. ступать, при соверш. видѣ въ стѫ-

---

кратнаго вида, т. е. значеніе повторяющагося признака принадлежитъ здѣсь теперь неграмматическому значенію этихъ основъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ и соотвѣтственныя основы соверш. вида (результативныя) въ повидаю, побываю, между тѣмъ какъ вообще раздѣльно кратныя глагольныя основы не входятъ въ составъ основъ соверш. вида.

1) Отрицаніе въ соединеніи съ глаголами, имѣющими такія основы, вноситъ значеніе «ни разу, никогда» (см. у автора стр. 130), что̀ обусловливается раздѣльно-кратнымъ значеніемъ этихъ основъ.

2) Миклошичъ въ Vergl. Gramm. d. slav. Spr. IV, 278, приводитъ говаривать ли мнѣ?, но я не знаю въ русскомъ языкѣ такого употребленія этихъ инфинитивовъ.

пити, русск. ступить, или въ русск. бросать, при соверш. видѣ въ бросить; такъ-же я смотрю напр. на старослав. основу въ свитати, сравн. соверш. видъ въ церковнослав. свьнеть «разсвѣтетъ», сербск. сва̏нē; подобнымъ-же образомъ можетъ объясняться напр. и основа глѧда- въ глѧдати, сравн. соверш. видъ въ русск. гляну̀, сербск. гле̏днēм и т. д. Проф. Ульяновъ на стр. 119 приводитъ напр. русск. ступать въ числѣ глаголовъ съ кратными основами, но впослѣдствіи, на стр. 183, онъ самъ замѣчаетъ, что «основы какъ stǫpa- въ славянскихъ языкахъ уже не являются кратными».

На стр. 133 и слѣд. авторъ говоритъ о такихъ славянскихъ глагольныхъ основахъ на *a*, «которыя нерѣдко считаются основами кратными, но которыя въ дѣйствительности не принадлежатъ сюда», хотя въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ могутъ смѣшиваться съ основами собственно кратными. Проф. Ульяновъ не относитъ къ кратнымъ основамъ напр. старослав. глѧда-, лѣга-, бѣга- и думаетъ, что эти основы «представляютъ собою замѣну почти совсѣмъ утраченныхъ непроизводныхъ основъ (корневыхъ или съ *e/o*), происшедшую путемъ обобщенія основъ формъ ненастоящаго времени». Но въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *e/o* или корневыми при такомъ звуковомъ видѣ корня, какой является въ старослав. глѧда-, лѣга-, бѣга-, не существовали вообще въ общеславянскомъ языкѣ основы инфинитива (т. е. основы формъ ненастоящаго времени) на *ā*, и потому нѣтъ никакого основанія думать, будто напр. старослав. бѣга-, русск. бѣга- есть основа не кратная по происхожденію. Въ такихъ глагольныхъ основахъ, какъ старослав. жела-, свита-, проф. Ульяновъ видитъ основы глаголовъ «средняго залога», чередующіяся съ основами на старое *ē*, но, какъ я объяснилъ выше, авторъ, по моему мнѣнію, вовсе не доказалъ существованія славянскихъ глагольныхъ основъ на *a* (общеслав. *ā*) въ качествѣ основъ глаголовъ состоянія, т. е. въ качествѣ основъ такъ-называемаго имъ «средняго залога».

Въ отдѣлѣ о славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ

проф. Ульяновъ прежде всего ставитъ вопросъ о томъ, «были ли эти основы уже въ древнѣйшія эпохи славянскихъ языковъ безусловно «перфективными» [1]), или нѣтъ» (стр. 138). Относительно старославянскаго языка «значительное количество фактовъ заставляетъ», по мнѣнію автора, придти къ тому заключенію, что здѣсь «сложеніе глагольныхъ основъ съ приставками, сохраняющими реальныя значенія, производило вообще двойственность видового значенія, т. е. такія основы могли имѣть какъ перфективное, такъ и имперфективное значеніе» (стр. 139). Затѣмъ, указавъ также на нѣкоторые факты въ русскомъ языкѣ, проф. Ульяновъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что въ древнѣйшія эпохи вообще во всѣхъ славянскихъ языкахъ глагольныя основы, «вступая въ сложеніе съ приставками, сохранявшими въ сложеніи свои реальныя значенія, *не измѣняли необходимо имперфективнаго значенія въ перфективное*» (стр. 147). Изъ старославянскихъ текстовъ авторъ приводитъ здѣсь очень много примѣровъ, но тѣмъ не менѣе его общее положеніе остается, по моему мнѣнію, недоказаннымъ уже потому, что далеко не для всѣхъ этихъ случаевъ требуется то толкованіе, какое считаетъ необходимымъ проф. Ульяновъ, имѣющій въ виду при этомъ греческій текстъ; кромѣ того, многіе примѣры должны быть исключены изъ этого списка, такъ какъ данныя глагольныя основы заключаютъ въ себѣ приставки, не имѣющія того значенія, которое авторъ называетъ реальнымъ (т. е. значенія предложнаго). Такъ, относительно непочоуѫште, помꙑслите, помолѧщю сѧ авторъ самъ замѣчаетъ, что здѣсь «не ясно собственное значеніе приставки» (стр. 143); я думаю, однако, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ этого по- съ по- въ основахъ перфективныхъ, гдѣ по- не имѣетъ «реальнаго» (предложнаго) значенія, и точно такъ-же относительно напр. послоушати едва-ли можно согласиться

1) Объ условномъ употребленіи у автора термина «перфективныя основы» (а потому и термина «имперфективныя основы») см. сказанное мною выше.

съ мнѣніемъ автора, будто въ по- здѣсь болѣе или менѣе ясно выступаетъ значеніе близкое къ значенію «подъ». Такіе случаи показывали бы, слѣдовательно, что и для тѣхъ старославянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, которыя по самому образованію ихъ должны были имѣть, и по мнѣнію автора, только перфективное видовое значеніе, извѣстно въ текстахъ употребленіе также и съ значеніемъ имперфективнымъ, если вѣрно то, что въ указанныхъ примѣрахъ является, дѣйствительно, между прочимъ имперфективное значеніе. Подобнымъ-же образомъ для съвѣмь «ἐπίσταμαι», съвѣси и т. д. проф. Ульяновъ не показалъ, что здѣсь приставка съ- имѣла «реальное» значеніе; по моему мнѣнію, этотъ глаголъ въ какомъ-то его отличіи отъ вѣмь утратилъ значеніе совершеннаго вида, нѣкогда принадлежавшее ему по образованію основы. Въ надѣити сѧ основа по ея значенію не разлагалась уже на приставку и простую глагольную основу, а, кромѣ того, и по происхожденію основа въ надѣити сѧ не могла имѣть совершенный видъ [1]), такъ какъ простая глагольная основа dě̈je- въ наст. вр., dě̈ja- въ инфинитивѣ, заключала въ себѣ длительно-несовершенный видъ (см. ниже и сравн. тотъ-же видъ напр. въ одѣѭ). Въ примѣрѣ: симонъ, иже наречетъ сѧ петръ греческое ὁ λεγόμενος ничего не рѣшаетъ относительно видоваго значенія въ наречетъ сѧ (гдѣ при томъ трудно признать въ приставкѣ «реальное» значеніе), а вмѣстѣ съ тѣмъ форма наст. вр. въ наречетъ сѧ имѣетъ такое значеніе (не обозначаетъ дѣйствительнаго настоящаго времени), при которомъ вполнѣ возможна здѣсь основа перфективная, т. е. совершеннаго вида; сравн. такое-же употребленіе формы наст. вр. въ древнерусскихъ географическихъ описаніяхъ, напр. «рѣчьки

1) Проф. Ульяновъ (стр. 142) предполагаетъ въ этомъ глаголѣ при обыкновенномъ имперфективномъ значеніи также и рѣдкое перфективное, именно въ надѣите сѧ ἐλπίσατε, надѣѭ сѧ ἐλπιῶ, надѣѭтъ сѧ ἐλπιοῦσι, изъ Синайск. псалт.; но надѣите сѧ ничего не доказываетъ (какъ-же иначе могло бы быть переведено греч. ἐλπίσατε?), а въ надѣѭ сѧ и надѣѭтъ сѧ едвали можно видѣть точное соотвѣтствіе греч. ἐλπιῶ, ἐλπιοῦσι. Въ нѣмецкомъ переводѣ псалмовъ (Лютера) въ обоихъ этихъ случаяхъ—форма наст. вр.

ради, яже втечеть въ Двину» (см. у автора стр. 145), гдѣ, по моему мнѣнію, нѣтъ основанія видѣть имперфективное значеніе, т. е. значеніе несовершеннаго вида. Наконецъ, что касается тѣхъ случаевъ въ старославянскихъ текстахъ, гдѣ форма наст. вр. въ глаголѣ, имѣющемъ сложную основу, соотвѣтствуетъ греческой формѣ наст. вр. (напр. отърѣшить «λύει»), то самъ авторъ признаетъ, что можно соглашаться съ мнѣніемъ Миклошича относительно такихъ случаевъ и не придавать имъ слишкомъ большаго значенія (стр. 138); при этомъ надо замѣтить, что среди этихъ случаевъ много и такихъ, въ которыхъ приставка въ сложной основѣ вовсе не имѣетъ такъ-называемаго авторомъ «реальнаго» значенія, напр. въ възмогѫ, сътворитъ, съмѫтимъ сѧ, оуспѣатъ, оунъıемъ и др. Примѣры изъ русскаго языка въ общемъ также не доказываютъ того, что хотѣлъ бы извлечь изъ нихъ проф. Ульяновъ. И здѣсь очень часто является въ сложной основѣ приставка, не имѣющая «реальнаго» (предложнаго) значенія, напр. въ смогу, спою, свѣдаешь, скажется, спряташеть, постояти, начаю, начаюсь («простой глаголъ рѣдокъ»; слѣдовательно, основа въ начаю, начаюсь можетъ не сознаваться какъ сложная) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ я вижу при томъ значеніе совершеннаго вида, напр. въ «съѣсть не смогу, а покинуть жаль», «много сможется, вдвое хочется» «скоро скажется, тихо сдѣется» и др.; между прочимъ и въ примѣрѣ, взятомъ изъ Исторической Грамматики Буслаева: «азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, Господине, тое деревни не отдадутъ, а денегъ не возмутъ» (Юрид. Акт. подъ 1511 г.) я нахожу въ отдадутъ и возмутъ основы совершеннаго вида и думаю, что «не возмутъ» (а потому и «не отдадутъ») въ этомъ мѣстѣ однородно съ «не въз'мѫ» (οὐ λαμβάνω) въ Супр. рук. 401, 10, гдѣ и проф. Ульяновъ признаетъ основу перфективную (стр. 195). Относительно втечеть (таковы-же потечеть, внидеть) въ географическихъ описаніяхъ я уже говорилъ, что при такомъ употребленіи формы наст. вр. нѣтъ основанія видѣть здѣсь имперфективное значеніе.

Итакъ, авторъ, я думаю, вовсе не доказалъ того, что въ старославянскомъ языкѣ или нѣкогда вообще въ славянскихъ языкахъ сложныя глагольныя основы, заключавшія въ себѣ приставки съ «реальнымъ» (предложнымъ) значеніемъ, соединяли видовыя значенія перфективное и имперфективное, въ отличіе отъ другихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, имѣвшихъ лишь перфективное значеніе; и тѣ и другія сложныя глагольныя основы въ славянскихъ языкахъ являются одинаково основами перфективными, т. е. основами совершеннаго вида, а въ отдѣльныхъ случаяхъ (понятно, при особыхъ условіяхъ) глаголы и съ тѣми и съ другими основами могутъ получать имперфективное значеніе вмѣсто перфективнаго или могутъ имѣть при перфективномъ значеніи и имперфективное. Слѣдовательно, славянскіе языки въ соотвѣтствіи съ тѣми двумя классами балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, о которыхъ я говорилъ выше, представляютъ вообще одинъ классъ основъ по отношенію къ видовому значенію, именно классъ основъ перфективныхъ, т. е. совершеннаго вида.

Проф. Ульяновъ смотритъ на значенія славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ такъ-же, какъ и на значенія балтійскихъ сложныхъ основъ 2-го рода, т. е. хотя онъ и называетъ условно эти основы «перфективными», при этомъ, однако, не находитъ въ нихъ общаго значенія совершеннаго вида, но, какъ и въ балтійскихъ «перфективныхъ» основахъ, различаетъ: a) основы, обозначающія ограниченіе длительнаго времени признака и b) основы, обозначающія время признака какъ недлительное (стр. 154); въ основахъ a., какъ и въ соотвѣтственныхъ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, различаются, по мнѣнію автора, основы 1) детерминативныя, 2) суммарныя и 3) результативныя и собственно перфективныя, а въ основахъ b. онъ находитъ основы недлительныя и основы ингрессивныя (стр. 154—170). Я не буду повторять здѣсь того, что сказано мною выше относительно такого взгляда автора на видовыя значенія тѣхъ балтійскихъ и славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, въ которыхъ я вижу основы совершен-

наго вида; замѣчу, однако, что и здѣсь, по отношенію къ славянскимъ основамъ, я нахожу нѣкоторыя цѣнныя указанія въ представленной авторомъ классификаціи значеній этихъ основъ. Въ славянскихъ сложныхъ основахъ совершеннаго вида, какъ и въ балтійскихъ, я различаю по различіямъ въ видовомъ значеніи прежде всего основы съ результативнымъ значеніемъ и основы съ детерминативнымъ значеніемъ, а въ основахъ съ результативнымъ значеніемъ и здѣсь я нахожу основы съ результативнымъ значеніемъ перваго рода, обозначающія данные признаки во время результата ихъ существованія, и основы съ результативнымъ значеніемъ втораго рода (съ значеніемъ результативно-ингрессивнымъ), обозначающія признаки во время результата ихъ наступленія, т. е. по отношенію къ предшествующей готовности проявиться. Къ славянскимъ сложнымъ детерминативнымъ основамъ, обозначающимъ признаки съ законченностью данной длительности (при чемъ длительность обозначается нерѣдко какъ незначительная), принадлежатъ тѣ основы съ приставкою ро-, которыя и проф. Ульяновъ называетъ детерминативными, напр. въ русск. посидѣть, пожить, попить, старослав. побьдѣти (побъдѣти) въ: тако ли не възможе единого часа побьдѣти съ мъною (Зогр. и Мар. ев. Мато. 26, 40); въ русск. походить, поѣздить, полетать глагольная основа, входящая въ составъ сложной основы, является кратною, именно неопредѣленно-кратною [1]), и потому такія детерминативныя основы обозначаютъ данные признаки съ законченностью кратной длительности. Славянскія результативныя основы 2-го рода (или основы результативно-ингрессивныя) я вижу въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сложныхъ основъ, которыя проф. Ульяновъ называетъ недлительными, напр. въ старослав. повести, поити, повелѣти, русск. повести, пойти и т. д. (но сюда не принадлежатъ напр. основы въ старослав. сътворити,

1) Славянскія опредѣленно-кратныя, или раздѣльно-кратныя глагольныя основы по самому значенію раздѣльной кратности вообще не входятъ въ составъ основъ совершеннаго вида.

сѣдѣлати, русск. сдѣлать, а также и основы съ приставками, сохраняющими предложныя значенія), а, кромѣ того, я отношу сюда-же тѣ сложныя основы, которыя авторъ опредѣляетъ какъ ингрессивныя, напр. въ старослав. възалъкати, въжделѣти, прозьрѣти, русск. закричать, запѣть, промолвить и др. Основы съ приставкою za-, не имѣющею предложнаго значенія, употребляются въ славянскихъ языкахъ и съ другимъ значеніемъ совершеннаго вида, именно какъ основы начинательныя-результативныя, и принадлежатъ въ этомъ случаѣ къ результативнымъ основамъ 1-го рода; см. о такихъ основахъ далѣе. Кратныя глагольныя основы не входятъ въ составъ результативныхъ основъ 2-го рода.

Всѣ прочія сложныя основы совершеннаго вида, т. е. помимо основъ детерминативныхъ и результативныхъ 2-го рода, являются результативными основами 1-го рода, при чемъ по отношенію къ приставкамъ въ нихъ различаются основы съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, и основы съ приставками, сохраняющими предложное значеніе. Славянскія результативныя основы 1-го рода съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, какъ и соотвѣтственныя сложныя основы балтійскихъ языковъ, могутъ имѣть, сверхъ результативнаго видоваго значенія, также и значеніе результативности въ самомъ признакѣ, т. е. могутъ обозначать время результата въ признакѣ результативномъ по отношенію къ тому, какой обозначается простою глагольною основою, напр. въ русск. зарѣзать, вылѣчить и т. п. [1]); это значеніе и здѣсь, какъ и въ подобныхъ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, не вносится самими приставками, но развивается въ существующихъ уже результативныхъ основахъ 1-го рода подъ вліяніемъ результативнаго ви-

1) Отсюда у проф. Ульянова различіе между «результативными» и собственно «перфективными» основами; терминъ «перфективныя основы» употребляется у него, впрочемъ, какъ мы видѣли, и съ болѣе общимъ значеніемъ, по отношенію ко всѣмъ тѣмъ основамъ, которыя я называю основами соверш. вида.

доваго значенія. Затѣмъ, въ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, какъ и въ соотвѣтственныхъ балтійскихъ основахъ, приставки могутъ вносить, сверхъ общаго для всѣхъ ихъ видоваго результативнаго значенія, также и другія, спеціальныя значенія, т. е. могутъ обозначать время результата въ такомъ существованіи признака, которое получаетъ извѣстное опредѣленіе при посредствѣ приставки. Поэтому во всѣхъ такихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки, не имѣющія предложнаго значенія, вносятъ извѣстное спеціальное значеніе, сверхъ общаго результативнаго, данный признакъ обозначается въ его существованіи во времени, т. е. въ его длительности (поскольку такая основа не получаетъ значенія результативнаго признака), и, слѣдовательно, всѣ такія основы могутъ быть называемы длительно-результативными. Сюда принадлежатъ напр. въ русскомъ языкѣ, не смотря на различія въ спеціальномъ значеніи приставокъ: напиться (поскольку не обозначается результативность самого признака), нажраться; пересолить; избить; настрѣлять; перестрѣлять и т. д. Во взглядѣ проф. Ульянова на эти основы я нахожу такую-же непослѣдовательность, какъ и по отношенію къ соотвѣтственнымъ балтійскимъ основамъ; напр. основы въ русск. наѣсться, наговориться авторъ относитъ къ такъ-называемымъ имъ «результативнымъ» основамъ (стр. 162), между тѣмъ какъ основы, являющіяся напр. въ русск. избить, настрѣлять, онъ отдѣляетъ отъ «результативныхъ» и называетъ «суммарными» основами, хотя и наговорится и избить, настрѣлять, несмотря на извѣстныя различія въ спеціальномъ значеніи приставокъ, одинаково имѣютъ то видовое значеніе, которое я опредѣляю какъ результативное 1-го рода, и хотя въ наговориться, какъ и въ избить, настрѣлять, признакъ обозначается въ его длительности. Въ славянскихъ сложныхъ основахъ, называемыхъ авторомъ «суммарными», я различаю по различіямъ въ спеціальномъ значеніи приставокъ, во-первыхъ, такія основы, въ которыхъ приставка обозначаетъ

полноту длительности признака по отношенію ко всему количеству даннаго времени или по отношенію ко всему данному пространству, напр. въ русск. высидѣть (все время до конца), просидѣть (въ продолженіе всего времени), исходить (всѣ мѣста), избить (всего), и т. д.; сравн. выше подобныя-же основы въ балтійскихъ языкахъ. Во-вторыхъ, приставка въ такихъ основахъ можетъ обозначать сильную или полную степень проявленія, достигаемую въ длительности признака, напр. въ русск. изругать, испоститься, а также напр. и въ избить можетъ выступать это значеніе («сильно побить»); подобныя основы, какъ мы видѣли, извѣстны и въ балтійскихъ языкахъ. Въ-третьихъ, сюда принадлежатъ основы, въ которыхъ приставка обозначаетъ или постепенное распространеніе признака на сумму объектовъ и на отдѣльные объекты въ цѣлой суммѣ, или постепенное сочетаніе признака съ суммою субъектовъ и съ отдѣльными субъектами въ цѣлой суммѣ, напр. въ русск. настрѣлять, перестрѣлять, наѣхали гости, повскакать и т. д.; въ балтійскихъ языкахъ, насколько мнѣ извѣстно, не существуютъ результативныя основы съ такимъ значеніемъ. Особыми подклассами длительно-результативныхъ основъ въ славянскихъ языкахъ являются основы начинательныя-результативныя и финитивныя-результативныя, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ при посредствѣ спеціальнаго значенія приставки обозначается время результата не по отношенію ко всему признаку, но или по отношенію къ процессу начинанія признака или по отношенію къ процессу окончанія, прекращенія признака; и тѣ и другія основы не извѣстны мнѣ изъ балтійскихъ языковъ. Начинательныя-результативныя основы въ славянскихъ языкахъ образуются сочетаніемъ глагольной основы съ приставкою za-, хотя приставка za-, съ другимъ значеніемъ, является также въ результативныхъ основахъ 2-го рода; напр. въ русск. закурить ясно различаются оба эти значенія, т. е. значеніе времени результата въ наступленіи признака (закурили = «стали курить») и значеніе времени результата въ начинающемся признакѣ (въ послѣднемъ

случаѣ закурить находится въ соотношеніи съ закуривать), такъ-же какъ напр. запѣть, зацвѣсти въ соотношеніи съ запѣвать, зацвѣтать являются начинательными-результативными основами или напр. сюда-же принадлежитъ забѣгать «начать бѣгать». Сравн. у автора стр. 169—170, гдѣ такія основы опредѣляются какъ «ингрессивныя съ начинательнымъ значеніемъ» [1]). Финитивныя-результативныя основы образуются въ славянскихъ языкахъ сочетаніемъ глагольной основы съ приставкою отъ-, напр. въ русск. отцвѣсти (въ соотношеніи съ отцвѣтать), отобѣдать, отбѣгать и т. д.; такія основы должны быть отличаемы, понятно, отъ тѣхъ основъ съ отъ-, въ которыхъ приставкою обозначается полнота длительности признака, напр. въ русск. отстоять обѣдню (всю, до конца), отсидѣть срокъ (до конца).

На существованіе въ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода двухъ классовъ: длительно-результативныхъ и недлительно-результативныхъ основъ ясно указываетъ употребленіе кратныхъ глагольныхъ основъ въ результативныхъ основахъ 1-го рода. Кратныя глагольныя основы, и при томъ именно неопредѣленно-кратныя глагольныя основы, сохраняютъ значеніе кратности лишь въ тѣхъ сложныхъ результативныхъ основахъ 1-го рода, которыя заключаютъ въ себѣ приставки, имѣющія спеціальныя непредложныя значенія, а мы видѣли, что именно такія результативныя основы 1-го рода принадлежатъ къ длительно-результативнымъ основамъ; напр. въ русскомъ языкѣ кратныя глагольныя основы мы находимъ въ набѣгаться, выходить,

1) Проф. Ульяновъ указываетъ на такія основы только въ русскомъ языкѣ, но онѣ извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Напр. въ польскомъ zaboleć Линде различаетъ значеніе «zacząć boleć, anfangen wehe zu thun» и значеніе «erkranken» или напр. чешское zaboleti, опредѣляемое у Юнгмана въ значеніи «anfangen wehe zu thun», должно имѣть, дѣйствительно, начинательное результативное значеніе въ соотношеніи съ zabolivati («заболѣвать»). См. также Миклошича Vergl. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 206 и слѣд., гдѣ, впрочемъ, въ основахъ съ za- не указано различіе между результативными основами 1-го рода (начинательными-результативными) и результативными основами 2-го рода.

исходить, забѣгать, отбѣгать и т. д. Что же касается недлительно-результативныхъ основъ, то въ нихъ не допускаются кратныя глагольныя основы, сохраняющія кратное значеніе, и въ такихъ случаяхъ, какъ сбѣгать куда, слетать куда, является связь по значенію уже не съ кратными глаголами бѣгать, летать, но съ соотвѣтственными некратными бѣжать, летѣть, т. е. сбѣгать, слетать куда заключаютъ въ себѣ по значенію основы совершеннаго вида (результативныя 1-го рода) по отношенію къ тѣмъ основамъ несовершеннаго вида, какія даны въ бѣжать, летѣть, вслѣдствіе чего напр. въ слетать куда основа является теперь (независимо отъ происхожденія) производно-сложною, т. е. получающею въ сочетаніи съ приставкою видоизмѣненіе простой глагольной основы (данной въ летѣть). — Всякія длительно-результативныя основы въ славянскихъ языкахъ, т. е. результативныя основы 1-го рода, обозначающія признаки во время результата длительности, не должны быть смѣшиваемы, конечно, съ основами детерминативными, которыя обозначаютъ, какъ мы знаемъ, данные признаки въ законченности данной ихъ длительности, т. е. во всей данной длительности, имѣющей законченность (а не во время законченности длительности). То-же надо имѣть въ виду, понятно, и къ отношенію къ соотвѣтственнымъ балтійскимъ основамъ [1]).

Въ тѣхъ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки сохраняютъ предложныя значенія, видовое значеніе вносится не самою приставкою, но сочетаніемъ такой частицы съ глагольными основами въ извѣстномъ ихъ образованіи; эти сложныя основы представляютъ собою, слѣдовательно, по отно-

1) Миклошичъ различалъ въ славянскихъ глаголахъ совершеннаго вида «unbedingt perfective Verba» и «bedingt perfective Verba» (Vgl. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 279); подъ послѣдними онъ понималъ такіе глаголы, которые обозначаютъ «Vollendung» по отношенію къ длительности дѣйствія (именно по отношенію къ присутствію или отсутствію длительности), но при этомъ онъ соединялъ въ одномъ классѣ глаголы съ основами, называемыми мною длительно-результативными, и глаголы съ тѣми основами, которыя я называю детерминативными.

шенію къ видовому значенію извѣстное грамматическое образованіе, т. е. имѣютъ форму совершеннаго вида, находящуюся въ соотношеніи съ образованіемъ сложно-производныхъ основъ какъ съ формою несовершеннаго вида, напр. въ русск. привести, увести въ ихъ соотношеніи съ приводить, уводить или напр. въ собрать при собирать и т. д. Такія результативныя основы 1-го рода принадлежатъ къ основамъ недлительно-результативнымъ, т. е. обозначаютъ данный признакъ во время его результата безъ отношенія къ длительности признака; поэтому кратныя глагольныя основы не сочетаются съ приставками, имѣющими предложныя значенія, въ сложныхъ основахъ совершеннаго вида. Въ балтійскихъ языкахъ сложныя основы, заключающія въ себѣ приставки съ предложными значеніями, не получаютъ, какъ мы знаемъ, значенія совершеннаго вида, но въ балтійскихъ языкахъ не существуютъ также и сложно-производныя основы несовершеннаго вида.

Славянскія сложно-производныя глагольныя основы, т. е. основы образуемыя отъ сложныхъ основъ, не должны быть принимаемы за основы сложныя, хотя по происхожденію прототиповъ такихъ основъ, дѣйствительно, были нѣкогда основами сложными. Проф. Ульяновъ вполнѣ правъ, замѣчая, что «Миклошичъ несправедливо обобщаетъ такіе случаи, какъ привлачити, въмѣтати, и для всѣхъ сложныхъ основъ, какъ старослав. постилати, простирати, достигати, въжагати, възбъıдати и т. п., предполагаетъ соотвѣтствующія простыя кратныя основы» (стр. 152). Дѣйствительно, по бо́льшей части такія основы въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ не только по значенію, но и по образованію не разлагаются непосредственно на приставки и простыя глагольныя основы [1]); поэтому и одно-

1) Сюда относятся, между прочимъ, и такіе случаи, какъ русск. выбѣга́ть, убѣга́ть при бѣгать, между тѣмъ какъ напр. въ выбѣгать является основа производно-сложная (соверш. вида), т. е. такая, которая разлагается непосредственно на приставку и простую глагольную основу съ извѣстнымъ ея видоизмѣненіемъ (въ данномъ случаѣ по отношенію къ ударенію). Иначе смотритъ на эти случаи проф. Ульяновъ (стр. 150), но я не могу согласиться съ нимъ.

родныя съ ними по значенію основы въ такихъ глаголахъ, какъ старослав. привлачити, приносити, русск. приносить, являются для сознанія говорящихъ не сложными, но сложно-производными, т. е. образуемыми отъ сложныхъ основъ (данныхъ въ нашихъ примѣрахъ въ старослав. привлѣшти, принести, русск. принести)[1]). Славянскія сложно-производныя глагольныя основы образуются не только отъ тѣхъ сложныхъ результативныхъ основъ 1-го рода, которыя заключаютъ въ себѣ приставки съ предложными значеніями, но также и отъ другихъ результативныхъ основъ 1-го рода, именно отъ такихъ, въ которыхъ приставки, сверхъ видоваго результативнаго значенія, вносятъ и другое (не предложное) значеніе. Сравн. напр. русск. выучивать, вылѣчивать, изнашивать (платье), отсиживать (срокъ), перековеркивать, зацвѣтать, отцвѣтать.

Всякія сложно-производныя глагольныя основы въ славянскихъ языкахъ по самому образованію ихъ отъ сложныхъ основъ, т. е. по самой словообразовательной формѣ, обозначаютъ незаконченную длительность тѣхъ признаковъ, которые во время ихъ законченности (результата) обозначаются соотвѣтственными сложными основами. Поэтому значеніе несовершеннаго вида, принадлежащее словообразовательной формѣ сложно-производныхъ основъ, можетъ быть опредѣляемо какъ значеніе «длительно-несовершеннаго» вида. Понятно, что и въ сложныхъ глагольныхъ основахъ (результативныхъ 1-го рода), отъ которыхъ образуются сложно-производныя основы, отличіе въ значеніи вида отъ соотвѣт-

---

2) По мнѣнію автора, «привлачити находится также въ отношеніи къ влачити, и обѣ основы поэтому являются кратными, различаясь только по реальнымъ значеніямъ» (стр. 153 примѣч.); но между привлачити (въ которомъ нельзя открыть кратное значеніе) и влачити не существуетъ никакого отношенія по виду, такъ-же какъ напр. и привлѣшти по виду не находится въ соотношеніи съ влѣшти. «Несомнѣнное краткое значеніе въ сложной основѣ» авторъ находитъ въ такихъ случаяхъ, какъ русск. «изъ куста въ кустъ перебродитъ», но значеніе повторяющагося признака въ перебродитъ не есть видовое, а представляетъ собою неграмматическое значеніе данной основы, т. е. образуется сочетаніемъ значенія (предложнаго) «пере-» съ значеніемъ «бродить».

ственныхъ сложно-производныхъ основъ является принадлежностью образованія основъ (въ ихъ соотношеніи съ основами сложно-производными), т. е. значеніемъ формы основъ. Относительно тѣхъ славянскихъ результативныхъ основъ 1-го рода, въ которыхъ приставки имѣютъ предложныя значенія, я говорилъ уже, что въ нихъ это видовое значеніе существуетъ исключительно въ соотношеніи съ значеніемъ формы несовершеннаго вида въ сложно-производныхъ основахъ, т. е. представляетъ собою исключительно значеніе формы основъ; напр. русск. принести по значенію совершеннаго вида находится въ отношеніи лишь къ приносить, но не къ нести. Что же касается другихъ сложныхъ результативныхъ основъ 1-го рода, при которыхъ существуютъ сложно-производныя основы, то онѣ являются въ соотношеніи по виду какъ съ послѣдними, такъ и съ простыми глагольными основами, а простыя глагольныя основы по отношенію къ соотвѣтственнымъ сложнымъ основамъ совершеннаго вида, заключающимъ въ себѣ приставки не имѣющія предложнаго значенія, представляютъ собою основы несовершеннаго вида съ отрицательнымъ видовымъ значеніемъ, т. е. являются основами не обозначающими законченности въ данныхъ признакахъ. Различіе между простыми и сложными глагольными основами не есть различіе грамматическое, такъ какъ приставка (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ префиксомъ какъ извѣстнаго рода аффиксомъ) не образуетъ грамматической части словъ; поэтому и различіе въ видовомъ значеніи между сложными глагольными основами совершеннаго вида и соотвѣтственными простыми глагольными основами не есть различіе грамматическое, т. е. не касается формы основъ. Въ соотношеніи съ простыми глагольными основами сложныя результативныя основы 1-го рода (съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія) обозначаютъ время законченности, результата въ признакѣ, обозначаемомъ соотвѣтственною простою глагольною основою (напр. выучить по отношенію къ учить), а въ соотношеніи со сложно-производными основами сложныя результативныя основы 1-го рода обо-

значаютъ время законченности, результата въ томъ признакѣ, который въ его незаконченной длительности обозначается соотвѣтственною сложно-производною основою (напр. выучить по отношенію къ выучивать).

При прочихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ, т. е. при основахъ результативныхъ 2-го рода и основахъ детерминативныхъ, не существуютъ сложно-производныя основы, такъ какъ въ этихъ сложныхъ основахъ приставки вносятъ только извѣстное значеніе совершеннаго вида; поэтому въ соотношеніи съ такими сложными основами по видовому значенію являются исключительно соотвѣтственныя простыя глагольныя основы (напр. въ русск. понести при нести или въ посидѣть при сидѣть). Однако, и при сложныхъ детерминативныхъ основахъ, а также и при результативныхъ 2-го рода мы находимъ въ славянскихъ языкахъ основы однородныя по происхожденію со сложно-производными основами отъ результативныхъ основъ 1-го рода, но по значенію эти основы, бывшія производными отъ детерминативныхъ и результативныхъ 2-го рода, отдѣлились отъ сложныхъ основъ совершеннаго вида и вступили въ соотношеніе съ соотвѣтственными простыми глагольными основами, такъ что онѣ представляютъ собою по значенію извѣстныя производно-сложныя основы при соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основахъ. Такого рода основы, образованныя отъ сложныхъ результативныхъ основъ 2-го рода, извѣстны, впрочемъ, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно въ глаголахъ движенія: сюда принадлежатъ въ русскомъ языкѣ напр. основы въ походить съ значеніемъ «собираться идти», поѣжжать «собираться ѣхать» въ ихъ отношеніи по происхожденію къ результативнымъ основамъ 2-го рода въ пойти, поѣхать и въ ихъ связи по значенію съ простыми глагольными основами въ идти, ѣхать; см. объ этихъ и подобныхъ случаяхъ въ другихъ славянскихъ языкахъ у проф. Ульянова стр. 188, гдѣ, однако, иначе объясняются такія образованія. Основы, образованныя отъ сложныхъ детерминативныхъ основъ и всту-

пившія въ извѣстную связь по значенію съ соотвѣтственными простыми глагольными основами, являются въ прерывисто-длительныхъ основахъ, о которыхъ я говорилъ уже выше, т. е. напр. въ русск. похаживать, поговаривать, побаливать и т. д., сравн. детерминативныя основы въ походить, поговорить, поболѣть и т. д.; можетъ быть, основы этого типа получались сперва при тѣхъ именно сложныхъ детерминативныхъ основахъ, въ составъ которыхъ входятъ кратныя глагольныя основы. Такъ объясняется, я думаю, существованіе приставки ро- (русск. по-) въ прерывисто-длительныхъ, т. е. извѣстнаго рода кратныхъ, основахъ, и отсюда видно вмѣстѣ съ тѣмъ, почему глагольныя основы, входящія въ составъ прерывисто-длительныхъ основъ, не могутъ быть основами не отглагольными, хотя проф. Ульянову кажутся возможными здѣсь основы не-отглагольныя (см. выше). Впрочемъ, и изъ числа другихъ примѣровъ, указываемыхъ авторомъ для этихъ кратныхъ основъ, нѣкоторые, я думаю, должны быть исключены. Такъ, русск. поѣздилъ въ ѣздилъ-поѣздилъ (стр. 123) не принадлежитъ сюда,. но заключаетъ въ себѣ детерминативную основу совершеннаго вида; то-же должно быть замѣчено и относительно нижне-лужицкаго pójězdźiś «in einzelnen Ansätzen fahren» (стр. 124), такъ какъ Муке, на котораго ссылается здѣсь авторъ, приводитъ этотъ глаголъ въ числѣ глаголовъ совершеннаго вида; верхне-лужицк. poběhać извѣстно мнѣ изъ словаря Пфуля только съ значеніемъ «eine Weile laufen», т. е. съ основою детерминативною.

Различіе между славянскими сложными основами совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода и соотвѣтственными сложно-производными основами несовершеннаго вида, именно длительно-несовершеннаго вида (см. выше), является различіемъ грамматическимъ, заключающимся въ различномъ образованіи основъ, и потому такое различіе, какъ скоро оно уже возникло, не предполагаетъ само существованія приставокъ въ глагольныхъ основахъ и можетъ сохраняться и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основа совершеннаго вида,

бывшая сложною по происхожденію, обратилась затѣмъ въ языкѣ въ основу простую (вслѣдствіе ли утраты соотвѣтственной простой основы, или вслѣдствіе полнаго отдѣленія ея въ значеніи отъ простой основы), какъ мы это видимъ напр. въ русск. начать и начинать, понять и понимать и т. п. Поэтому то-же различіе между извѣстнымъ значеніемъ совершеннаго вида, именно результативнымъ значеніемъ 1-го рода, и значеніемъ длительно-несовершеннаго вида могло соединяться въ славянскихъ языкахъ и съ извѣстными различіями въ образованіи простыхъ глагольныхъ основъ, какъ скоро соотношеніе между собою данныхъ значеній этихъ глагольныхъ основъ допускало ассоціацію съ различіемъ въ видовомъ значеніи между сложными результативными основами 1-го рода и основами сложно-производными; при этомъ одна и та-же простая основа въ ея соотношеніи съ различными основами могла получать и значеніе совершеннаго вида и значеніе длительно-несовершеннаго вида, а затѣмъ оба эти значенія могли сохраняться въ такой глагольной основѣ и тогда, когда уже утрачены были тѣ основы, въ соотношеніи съ которыми данная основа получила это различіе въ видовомъ значеніи. Простыя глагольныя основы совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода мы находимъ напр. въ старослав. дамь, станѫ, имѫ, падѫ, сѧдѫ, русск. дамъ, стану, иму, паду, сяду, а напр. въ старослав. рекѫ, крьштѫ или въ русск. велю, крещу, женю соединяются оба видовыя значенія. Кромѣ того, въ простыхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида существуетъ въ славянскихъ языкахъ и такое значеніе совершеннаго вида, какое не извѣстно въ сложныхъ основахъ, именно значеніе результативно-моментальное; основы съ этимъ значеніемъ являются въ глаголахъ, обозначающихъ «составные» признаки, и сами обозначаютъ въ данномъ признакѣ время результата въ отдѣльномъ «моментѣ» какъ въ отдѣльной части такого признака, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственныхъ основахъ длительно-несовершеннаго вида данный признакъ обозначается въ незаконченной кратности его отдѣльныхъ «моментовъ», т. е. отдѣльныхъ

явленій, образующихъ въ ихъ непосредственной послѣдовательности этотъ составной признакъ. И въ этихъ случаяхъ различіе между совершеннымъ и длительно-несовершеннымъ видомъ простыхъ глагольныхъ основъ образовалось, конечно, подъ вліяніемъ видоваго различія между сложными результативными основами 1-го рода и соотвѣтственными сложно-производными основами; изъ сочетанія результативнаго значенія 1-го рода съ моментальнымъ значеніемъ, даннымъ въ глагольныхъ основахъ, должно было получиться значеніе результативно-моментальное, при чемъ результативное значеніе стало общимъ результативнымъ значеніемъ, не результативнымъ значеніемъ 1-го рода, такъ какъ моментальное значеніе, съ которымъ соединилось результативное, не даетъ возможности отличать результативное значеніе 1-го рода отъ результативнаго значенія 2-го рода. Результативно-моментальное значеніе принадлежитъ въ славянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, глагольнымъ основамъ совершеннаго вида на *не* въ наст. вр. и на *по* въ инфинитивѣ, напр. въ русск. дернетъ, толкнетъ, блеснетъ, хотя основы совершеннаго вида на *не* въ наст. вр., на *по* въ инфинитивѣ, могутъ имѣть также и результативное значеніе 1-го рода, какъ скоро данные признаки не сознаются какъ составные, и напр. въ крикнетъ (старослав. кръкнѫти въ Супр. рук.) можетъ не выступать результативно-моментальное значеніе, а напр. въ станетъ, старослав. станеть, станетъ вовсе нѣтъ результативно-моментальнаго значенія. Съ другой стороны, и въ славянскихъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида съ другимъ образованіемъ, именно въ основахъ совершеннаго вида производныхъ глаголовъ на *і*, можетъ являться значеніе результативно-моментальное, какъ скоро данные признаки сознаются какъ составные, напр. въ русск. хватитъ, ступитъ (старослав. стѫпить, стѫпитъ); сравн. у проф. Ульянова стр. 182. Въ простыхъ глагольныхъ основахъ длительно-несовершеннаго вида нерѣдко встрѣчаются въ славянскихъ языкахъ образованія основъ производныхъ глаголовъ на *а*; мы находимъ ихъ въ соотношеніи съ основами совершеннаго вида на *і*, напр.

въ старослав. стѫпаѥть, варѧѥть, при совершенномъ видѣ въ стѫпить, варить, или въ русск. ступаетъ, бросаетъ, хватаетъ, при соверш. видѣ въ ступитъ, броситъ, хватитъ, а, кромѣ того, основы длительно-несовершеннаго вида на *a* являются и въ чередованіи съ основами совершеннаго вида, представляющими другія образованія, напр. въ старослав. падаѥть, русск. падаетъ, при соверш. видѣ въ падеть, русск. падетъ, или въ старослав. свитаѥть, при соверш. видѣ въ церковнослав. свьнеть, сербск. сва̏нē, въ русск. толкаетъ, дергаетъ, при соверш. видѣ въ толкнетъ, дернетъ. Основы длительно-несовершеннаго вида на *a* получились, надо думать, изъ основъ кратнаго вида съ значеніемъ непрерывной кратности, какъ я замѣтилъ уже выше, и самое измѣненіе значенія здѣсь вполнѣ понятно, конечно, въ особенности въ глаголахъ, обозначающихъ составные признаки; сравн. у проф. Ульянова стр. 183. Впрочемъ, при старыхъ славянскихъ основахъ совершеннаго вида на *ne* въ наст. вр. мы находимъ въ глаголахъ дѣйствія въ длительно-несовершенномъ видѣ основы непроизводныхъ глаголовъ на *je* въ наст. вр., и, какъ показываетъ сопоставленіе славянскихъ языковъ съ балтійскими, основы на *ne* въ наст. вр. съ славянскимъ значеніемъ совершеннаго вида получены были въ глаголахъ дѣйствія въ извѣстномъ чередованіи ихъ по значенію именно съ основами непроизводныхъ глаголовъ на *je* въ наст. вр. (см. ниже); сюда принадлежатъ основы: stane- [1]) и staje-, dĕne- (напр. въ русск. дѣнетъ, сербск. дје̏нē) и dĕje- (напр.

1) Основа инфинитива sta- въ этомъ глаголѣ, напр. въ старослав. стати, русск. стать (изъ церковнослав. языка извѣстно и новообразованіе станоути), показываетъ, что при основѣ наст. вр. stane- съ тѣмъ-же значеніемъ употреблялась и другая основа, именно, какъ я думаю, sta- съ нетематическимъ спряженіемъ (сравн. совершенный видъ въ основѣ нетематическаго спряженія da-, dad-); изъ Грязовецкаго уѣзда Вологодской губерніи я знаю статъ въ значеніи «станетъ», Миклошичъ въ грамматикѣ старославянскаго языка приводитъ церковнослав. въстаси «surges» (см. русскій переводъ морфологіи, первое изданіе, стр. 161; въстатъ, приведенное тамъ-же изъ Сав. кн., есть ошибка или опечатка въ изданіи Срезневскаго: рукопись имѣетъ въстанетъ). Сравн. въ прусскомъ языкѣ po-stāsei «du wirst» при po-stānai «wird»,

въ старослав. о-дѣкть), kľune- и kľuje-, pľune-, pline- (общеслав. ī здѣсь изъ jū) и pľuje-, sune- и suje-, kyne- (старослав. кынеть «кивнетъ») и kyje-, rine- и rěje-, mine- и *mije- (срави. чешскій производный глаголъ míjeti «проходить мимо, проѣжжать мимо»).

Вслѣдствіе существованія въ славянскихъ языкахъ простыхъ глагольныхъ основъ, различающихъ виды совершенный и длительно-несовершенный, являются возможными и такія сложныя глагольныя основы, которыя, въ отличіе отъ обыкновенныхъ сложныхъ глагольныхъ основъ, имѣютъ видъ длительно-несовершенный. Сложныя основы длительно-несовершеннаго вида мы находимъ именно при сочетаніи простыхъ глагольныхъ основъ длительно-несовершеннаго вида съ приставками, имѣющими предложныя значенія, а также съ приставкою po-, поскольку она не образуетъ длительно-результативныхъ и детерминативныхъ основъ; соотвѣтственныя основы совершеннаго вида, недлительно-результативныя, заключаютъ въ себѣ простыя глагольныя основы совершеннаго вида въ сочетаніи съ тѣми-же приставками. Въ этихъ случаяхъ различіе между совершеннымъ и несовершеннымъ (длительно-несовершеннымъ) видомъ сложныхъ основъ образуется, слѣдовательно, не въ самихъ сложныхъ основахъ, но вносится въ нихъ простыми глагольными основами; при этомъ надо замѣтить, что случаи такого рода извѣстны намъ по отношенію къ тѣмъ простымъ глагольнымъ основамъ, которыя давно уже (еще въ общеславянскомъ языкѣ) получили различіе между совершеннымъ и длительно-несовершеннымъ видомъ. Сюда принадлежатъ напр. въ старославянскомъ языкѣ сложныя основы длительно-несовершеннаго вида въ отъдаѫ (русск. отдаю),

---

po-stānimai «wir werden». Подобнымъ-же образомъ основа инфинитива dě- въ русск. дѣть при основѣ наст. вр. děne- (въ сербскомъ при дје̋сти существуетъ и дје̋нути, въ словинскомъ — denuti) объясняется тѣмъ, что въ одномъ значеніи съ děne- употреблялась и другая основа; сравн. старослав. одеждж, тождественное по значенію съ нашимъ одѣну, и сербск. дје̋дēм при дје̋нēм.

подаѭ (русск. подаю), одѣѭ, въстаѭ (русск. встаю), отърѣѭ, порѣѭ (см. выше), въземлѭ, приѥмлѭ, поѥмлѭ[1]), пристѫпаѭ (русск. приступаю), русск. поступаю (старослав. постѫпати «procedere» въ словарѣ Миклошича), при соотвѣтственныхъ сложныхъ основахъ совершеннаго вида въ отъдамь (русск. отдамъ), подамь (русск. подамъ), одеждѫ (въ русскомъ другое образованіе: одѣну), въстанѫ (русск. встану), отъринѫ, поринѫ, възьмѫ (русск. возьму), приимѫ [2]) (русск. приму), поимѫ (сравн. русск. пойму), пристѫплѭ (русск. приступлю), русск. поступлю (церковнослав. постѫпити «procedere» въ словарѣ Миклошича). Но напр. въ русск. надаю, попàдаютъ являются длительно-результативныя основы совершеннаго вида, образованныя изъ соединенія приставокъ съ такими простыми глагольными основами, которыя сами по себѣ имѣютъ видъ длительно-несовершенный, при чемъ такая глагольная основа въ сочетаніи съ приставками (не имѣющими предложнаго значенія) теряетъ въ этихъ случаяхъ соотношеніе съ простою глагольною основою совершеннаго вида.

О существованіи различія между совершеннымъ и несовершеннымъ видомъ въ извѣстныхъ простыхъ глагольныхъ основахъ въ славянскихъ языкахъ проф. Ульяновъ говоритъ въ §§ 24 и 25, хотя онъ смотритъ на эти видовыя значенія и здѣсь такъже, какъ и выше, и называетъ ихъ даже прямо видовыми значеніями недлительности и длительности; при этомъ авторъ ничего не говоритъ о происхожденіи этого различія въ простыхъ глагольныхъ основахъ, т. е. не указываетъ на вліяніе въ этомъ

---

1) Проф. Ульяновъ думаетъ (стр. 144), что поемлѭтъ въ Мар. ев. Лук. 17, 34 и 35 имѣетъ значеніе будущаго времени, такъ какъ въ греческомъ текстѣ здѣсь «παραλημφθήσεται», но оставлѣѭтъ тамъ-же въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀφεθήσεται показываетъ, что и въ поемлѭтъ является форма наст. вр.

2) Такіе случаи, какъ напр. прииметъ въ Мар. ев., вьземетъ въ Савв. кн. въ соотвѣтствіи съ греческ. λαμβάνει, Матѳ. 10, 38, при приѥмлеть въ Остром. ев. (см. у автора стр. 141), не доказываютъ, конечно, что приметъ могло употребляться вмѣсто приѥмлеть.

отношеніи со стороны сложныхъ (результативныхъ 1-го рода) и сложно-производныхъ основъ. Въ § 24 проф. Ульяновъ останавливается на тѣхъ простыхъ глагольныхъ основахъ, которыя соединяютъ въ себѣ оба эти видовыя значенія, и разсматриваетъ вмѣстѣ случаи, въ которыхъ такое совпаденіе значеній въ одной основѣ существуетъ одновременно въ одномъ и томъ-же діалектѣ языка (напр. въ старослав. решти, въ русск. велѣть, женить), и тѣ случаи, гдѣ одно изъ этихъ значеній является въ одномъ языкѣ или въ одномъ діалектѣ языка, а другое значеніе въ другомъ языкѣ или въ другомъ діалектѣ языкѣ (напр. основа klad-, klade- имѣетъ значеніе совершеннаго вида, по автору недлительное, въ сербскомъ языкѣ и частью въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ [1]), въ отличіе напр. отъ русскаго литературнаго языка). Изъ старославянскихъ текстовъ авторъ приводитъ немало примѣровъ для глаголовъ съ такими простыми основами, которыя соединяютъ въ себѣ оба видовыя значенія, но многіе изъ этихъ примѣровъ не представляются мнѣ убѣдительными. Такъ напр. относительно основы дад-, да- въ старославянскомъ языкѣ проф. Ульяновъ думаетъ, что при обыкновенномъ «недлительномъ» значеніи (т. е. при значеніи совершеннаго вида) она имѣла также и «длительное» значеніе (т. е. значеніе длительно-несовершеннаго вида) и ссылается на указатель Ягича къ Мар. ев., но мнѣ кажется, что этотъ указатель вовсе не подтверждаетъ мнѣнія автора. Напр. для дамь, дамъ «δώσω» мы находимъ здѣсь 9 мѣстъ [2]), а для дамъ въ соотвѣтствіи съ греч. δίδωμι только одно мѣсто (Лук. 19,8), гдѣ при томъ дамъ имѣетъ несомнѣнно значеніе будущ. вр., какъ показываетъ возвращѫ тамъ-же (въ греческомъ текстѣ ἀποδίδωμι); подобнымъ-же образомъ напр. форма 3-го л. ед. ч. стараго настоящ. вр. дасть, дастъ въ старославянскихъ

1) Въ соотношеніи съ кладетъ въ значеніи совершеннаго вида (въ пѣсняхъ) находится кладываетъ какъ глаголъ длительно-несовершеннаго вида; см. примѣръ для кладываетъ у автора на стр. 129.

2) Между прочимъ, сюда принадлежитъ Лук. 21,15, хотя изъ указателя это не видно.

евангельскихъ текстахъ соотвѣтствуетъ вообще греческому δῶσει (дастьсѧ, дастъ сѧ «δοθήσεται»), а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ дасть, дастъ является въ соотвѣтствіи съ греч. δίδωσιν, я вижу въ славянской формѣ 3-е л. ед. ч. аориста (такое значеніе вполнѣ ясно для двухъ мѣстъ, именно для Іоан. 21, 13, гдѣ передъ дасть, дастъ находится приѧтъ, хотя въ греческомъ текстѣ здѣсь λαμβάνει, и для Іоан. 13, 26, гдѣ Зогр. ев. имѣетъ приѧтъ и дастъ, а Мар. ев. только дастъ[1])). Или напр. авторъ думаетъ, будто въ старославянск. глаголати соединялись оба видовыя значенія, хотя изъ указателя Ягича къ Мар. ев. видно, что напр. форма 1-го л. ед. ч. глаголѭ болѣе чѣмъ въ 100 случаяхъ является въ соотвѣтствіи съ греческ. λέγω, λαλῶ и только два раза стоитъ тамъ, гдѣ греческій текстъ имѣетъ λαλήσω; для одного изъ этихъ мѣстъ: «юже не мъного глѭ съ вами» (Іоан. 14,30) сравн. подобное-же употребленіе формы наст. вр. въ «еште мало врѣмѧ съ вами есмъ» (Іоан. 7,33), гдѣ и греческій текстъ имѣетъ форму наст. вр. Или напр. невѣроятнымъ кажется мнѣ, будто въ «имъ же бо сѫдомъ сѫдите, сѫдѧтъ вамъ» форма въ сѫдѧтъ имѣетъ значеніе будущ. вр. (въ греческ. текстѣ κριθήσεσθε), между тѣмъ какъ въ сѫдите форма наст. вр. (греческ. κρίνετε); я вижу здѣсь и въ сѫдѧтъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявит. наклоненія, и только такъ, я думаю, можетъ быть понимаемо сѫдѧтъ изъ самого славянскаго текста. Нельзя также, кажется мнѣ, на основаніи такихъ случаевъ, какъ сѫди, между прочимъ въ соотвѣтствіи съ греч. κρῖνον (Син. Псалт. 7, 9, но тамъ-же 119,17 сѫдите «κρίνετε»), или видѣтъ, между прочимъ въ соотвѣтствіи съ греч. θεάσασθαι, и т. п. заключать о существованіи здѣсь «недлительнаго» значенія (т. е. значенія совершеннаго вида) въ старославянскихъ глаголахъ, такъ какъ

1) Въ одномъ мѣстѣ, Іоан. 6,32, Мар. и Ассем. ев. имѣютъ дастъ (Ассем. даст) въ соотвѣтствіи съ даѭть, даетъ въ Остр. и Зогр. ев. (въ греческ. текстѣ δίδωσιν), но и здѣсь дастъ не тождественно въ значеніи съ даѭть и явилось подъ вліяніемъ предшествующаго дастъ (3 л. аориста) въ «не моси дастъ», сравн. также дастъ (3 л. аориста) въ 31 ст.

вѣдь вообще греческія формы повелительнаго наклоненія и инфинитива отъ основы аориста не могли быть вполнѣ точно передаваемы формами старославянскаго глагола.

Въ § 25 авторъ разсматриваетъ славянскія простыя глагольныя основы съ однимъ «недлительнымъ» значеніемъ, т. е. съ однимъ значеніемъ совершеннаго вида. Онъ указываетъ здѣсь сперва на основы съ носовымъ инфиксомъ, напр. въ старослав. сѧдж, бѫдж, которыя по происхожденію были, какъ я опредѣляю, основами начинательнаго состоянія, а затѣмъ говоритъ объ основахъ глаголовъ на *пе* въ наст. вр. (*пǫ* въ инфинитивѣ), имѣющихъ «недлительное» значеніе. Въ такихъ основахъ, какъ русск. крикне-, кивне-, прыгне-, сербск. лизне-, викне- и др., проф. Ульяновъ называетъ видовое значеніе «моментальнымъ» и считаетъ его особымъ видоизмѣненіемъ «недлительнаго» значенія; мой взглядъ на эти и подобныя основы изложенъ мною выше (см. у меня стр. 125 и слѣд., сравн. также стр. 75). Въ русск. вѣнули въ «вѣнули вѣтры» (Шейнъ 464, у автора стр. 181) и въ старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται» (Матѳ. 24, 29, у автора стр. 179) проф. Ульяновъ находитъ «ингрессивное» значеніе, но русск. вѣнули однородно, конечно, съ дунули, а со старославянск. мрькнеть (при длительно-несовершенномъ видѣ въ мрьцати) сравн. церковнослав. свьнеть «разсвѣтетъ» (при длительно-несовершенномъ видѣ въ старослав. свитати), а также напр. русск. блеснетъ (съ «моментальнымъ» значеніемъ по автору, стр. 182), т. е. основы, являющіяся въ русск. вѣнули и въ старослав. мрькнеть, не представляютъ никакой особенности въ значеніи сравнительно съ другими основами совершеннаго вида на *пе* въ наст. вр. Славянскія глагольныя основы совершеннаго вида на *пе* въ наст. вр. (на *пǫ* въ инфинитивѣ) должны быть отдѣляемы, конечно, отъ тѣхъ глагольныхъ основъ на *пе* въ наст. вр. (на *пǫ* въ инфинитивѣ), которыя обозначаютъ начинательныя состоянія, при чемъ въ глаголахъ съ такими основами это значеніе можетъ измѣняться въ значеніе неначинательнаго состоянія. О такихъ славянскихъ глагольныхъ основахъ, напр.

въ старослав. вꙑкнѫ, съхнѫ, я упоминалъ уже, когда разсматривалъ первую часть изслѣдованія проф. Ульянова, гдѣ эти основы опредѣляются какъ обозначающія наступленіе признака. Я говорилъ, что значеніе «наступленія признака» въ этихъ основахъ есть именно значеніе начинательнаго состоянія и потому не принадлежитъ къ значеніямъ видовымъ, но при разборѣ первой части сочиненія проф. Ульянова я не остановился на мнѣніи автора, будто въ славянскихъ языкахъ и глаголы «дѣйствительнаго залога» съ основами наст. вр. на *пс* имѣютъ то-же самое видовое значеніе наступленія признака (первая часть, стр. 122), не остановился потому, что тамъ проф. Ульяновъ разсматриваетъ глаголы такъ-называемаго имъ «средняго залога». Однако, и во второй части сочиненія проф. Ульянова это мнѣніе остается недоказаннымъ. Въ значеніи «наступленія признака» славянскихъ глагольныхъ основъ на *пс* въ наст. вр. авторъ различаетъ здѣсь значеніе «ингрессивное» и значеніе «начинательное» (см. объ этихъ терминахъ автора у меня стр. 100); въ глаголахъ «средняго залога», по мнѣнію автора, эти основы являются обыкновенно съ значеніемъ «начинательнымъ» (вторая часть, стр. 189), т. е. подъ «начинательнымъ» значеніемъ проф. Ульяновъ понимаетъ здѣсь то, что я называю значеніемъ начинательнаго состоянія, хотя опредѣляетъ это значеніе не точно (онъ говоритъ, что въ такихъ основахъ обозначается «начальный моментъ въ длительномъ времени признака»), а для ингрессивнаго значенія простыхъ глагольныхъ основъ на *пс* въ наст. вр. авторъ даетъ одинъ примѣръ глагола «средняго залога», именно старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται», и одинъ примѣръ глагола «дѣйствительнаго залога», русск. вѣнули въ «вѣнули вѣтры», но относительно обоихъ этихъ примѣровъ я говорилъ уже, что они вполнѣ однородны съ другими случаями, гдѣ глагольная основа на *пс* имѣетъ значеніе совершеннаго вида. Такимъ образомъ славянскія глагольныя основы начинательнаго состоянія на *пс* и глагольныя основы совершеннаго вида на *пс* не могутъ быть соединяемы по значенію ихъ въ славянскихъ

языкахъ въ одномъ общемъ классѣ основъ, и я думаю, что и по происхожденію эти глагольныя основы не тождественны (вопросъ о происхожденіи основы инфинитива на *nọ* при тѣхъ и другихъ основахъ наст. вр. я оставляю въ сторонѣ). Проф. Ульяновъ предполагаетъ, что въ глаголахъ «средняго залога» основы на *nе*, обозначающія «наступленіе признака», заимствовали это образованіе отъ глаголовъ «дѣйствительнаго залога», имѣющихъ основы на *nе* съ тѣмъ-же значеніемъ (первая часть, стр. 122), и приходитъ къ такому заключенію на основаніи того, что въ балтійскихъ языкахъ будто-бы не извѣстны въ глаголахъ «средняго залога» основы на *na* съ значеніемъ «наступленія признака» (т. е. съ значеніемъ начинательнаго состоянія); но такъ какъ авторъ не показалъ, что тѣ и другія славянскія глагольныя основы на *nе*, дѣйствительно, представляютъ одно общее значеніе, то потому и мнѣніе его относительно происхожденія основъ на *nе* въ глаголахъ «средняго залога» не убѣдительно, тѣмъ болѣе что и изъ родственныхъ языковъ извѣстны соотвѣтствія для такихъ славянскихъ основъ. И литовскому языку не чужды основы наст. вр. на *na* въ глаголахъ начинательнаго состоянія (при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ значеніе начинательнаго состоянія измѣнилось въ значеніе неначинательнаго состоянія), какъ показываютъ діалектическія образованія на *na* въ соотвѣтствіи съ образованіями на *a* съ носовымъ инфиксомъ въ другихъ діалектахъ, именно отъ корней на гласную и на плавную согласную, напр. въ žūnu «гибну», pūnu «гнію», balnu «становлюсь бѣлымъ» и т. д. (см. выше); еще полнѣе засвидѣтельствованы такія основы германскими языками въ глаголахъ начинательнаго состоянія, такъ какъ я думаю, что напр. старослав. гꙑбнѫ, съхнѫ, възбънѫ, въскрьснѫ родственны по суффиксу и по значенію формы простой глагольной основы напр. съ готскими aukna «умножаюсь», af-lifna «остаюсь», ga-vakna «пробуждаюсь» (соверш. видъ) [1]) и т. п. Что же касается славянскихъ

1) Въ прош. вр. эти глаголы имѣютъ основы на готск. *no*, т. е. на первоначальное *nā*. Бругманъ въ Grundriss II, стр. 990, говоритъ, что напр. въ

глагольныхъ основъ наст. вр. на *ne* съ формою соверш. вида, то я думаю, что эти основы, получившія значеніе совершеннаго вида, понятно, лишь въ общеславянскомъ языкѣ, перешли въ общеславянскій языкъ изъ литовско-славянскаго языка именно въ глаголахъ, обозначавшихъ дѣйствія, въ какомъ-то чередованіи ихъ по значенію съ основами наст. вр. на *je*, хотя затѣмъ и въ тѣхъ славянскихъ основахъ начинательнаго состоянія на *ne* въ наст. вр., которыя принадлежали глаголамъ, обозначавшимъ составные признаки, стало возможнымъ употребленіе съ значеніемъ результативно-моментальнымъ (подъ вліяніемъ основъ на *ne* въ глаголахъ дѣйствія, обозначавшихъ составные признаки), какъ показываетъ напр. старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται» или напр. русск. дрогнетъ съ значеніемъ будущ. вр. (при дрогнетъ съ значеніемъ наст. вр.). Сравн. въ балтійскихъ языкахъ чередованіе основъ наст. вр. на *ja* и на *na* отъ корней на извѣстныя гласныя въ непроизводныхъ глаголахъ, обозначающихъ дѣйствія, и напр. различіе между старослав. плюѭ и плюнѫ (при плинѫ), русск. плюю и плюну однородно по отношенію къ образованію основъ съ балтійскимъ различіемъ между литовск. spjáuju и spjáunu, латышск. spľaūju и spľaūnu; старослав. стаѭ (русск.-стаю) тождественно по основѣ съ литовск. stóju, латышск. stā̀ju, а въ старослав. станѫ, русск. стану основа та-же, что въ прусск. stānintei, stāninti «стоя», po-stānimai «становимся, дѣлаемся». Въ балтійскихъ языкахъ, однако, такія глагольныя основы наст. вр. на *ja* и *na* вполнѣ совпали въ значеніи (въ литовск. и латышск. языкахъ различіе между этими

готск. gavaknan, др. исландск. vakna отсутствіе уподобленія *n* предшествующей взрывной согласной свидѣтельствуетъ объ утратѣ гласной передъ *n*, но причина утраты гласной была бы здѣсь непонятна, и я думаю, что такія образованія, какъ готск. -vaknan, при vakan «бодрствовать», еще въ общегерманскомъ языкѣ получили *n* подъ вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ *n* въ такой основѣ фонетически сохранялось, напр. въ готск. fralusnan «погибать», при fra-liusan «терять». Сравн. въ славянскихъ языкахъ новообразованія по отношенію къ согласной передъ *n* въ глагольныхъ основахъ на *ne*, *nǫ*, напр. въ старослав. гъıбнѫ, русск. гибну (но сгину) или въ русск. кивну (но старослав. кънѫ) или въ сербск. па̏днēм.

основами вообще діалектическое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литовск. языкѣ, именно въ aunù и gáunu, основа на *ja* почему-то вполнѣ вытѣснена основою на *na*); поэтому на основаніи балтійскихъ языковъ нельзя опредѣлить, какое именно различіе въ значеніи получено было общеславянскимъ языкомъ въ чередованіи между собою основъ наст. вр. на *je* и *ne*, и для приблизительнаго рѣшенія этого вопроса должно требоваться сопоставленіе такихъ славянскихъ и балтійскихъ глагольныхъ основъ съ родственными основами другихъ индоевропейскихъ языковъ (см. напр. Бругмана Grundriss II, стр. 967 и слѣд.).

Съ тѣмъ, что говоритъ проф. Ульяновъ на стр. 184—189 о «производныхъ основахъ съ аффиксами *a* и *ne*», я по бо́льшей части не могу согласиться. Разсужденіе автора о видовомъ значеніи основъ на *a*, произведенныхъ «отъ результативныхъ или перфективныхъ основъ», представляется мнѣ неудачнымъ; напр. въ оумира- я вижу основу съ формою несовершеннаго вида (см. выше) и не нахожу здѣсь въ самой формѣ никакого значенія «готовности». Греческ. τῶν κεκοιμημένων въ старославянскомъ языкѣ всего ближе могло быть переведено черезъ почиваѭштиихъ, но отсюда не слѣдуетъ какая либо связь значенія старославянскихъ основъ на *a* такого образованія съ греческими основами перфекта. Не ясно для меня и то, что говоритъ авторъ о славянскихъ «ингрессивныхъ» основахъ на *ne*, «производимыхъ отъ результативныхъ или перфективныхъ основъ» и «замѣняющихъ собою основы на *a*»; такія основы проф. Ульяновъ находитъ напр. въ старослав. погыбне-, оугасне- (сравн. также въ первой части стр. 125—126) и думаетъ, что напр. погыбнеть, съ такою основою погыбне-, «не обозначаетъ будущаго времени». Все это требовало бы разъясненія. На основаніи того, что напр. погыбнемъ въ старославянскихъ текстахъ встрѣчается въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀπολλύμεθα, нельзя, конечно, дѣлать заключеніе о какой-то особенности въ значеніи данной глагольной основы, такъ какъ вѣдь и для старославянскихъ глаголовъ съ другимъ образованіемъ основы намъ извѣ-

стны изъ текстовъ подобные-же случаи употребленія формы наст. вр. соверш. вида въ соотвѣтствіи съ греческою формою наст. вр.; см. примѣры у автора, стр. 191—192 (между прочимъ, погыбнетъ въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀπόλλυται). По моему мнѣнію, основы погыбне-, оугасне- и т. п. принадлежатъ къ сложнымъ основамъ совершеннаго вида и имѣютъ общее результативное значеніе, поскольку простыя глагольныя основы, входящія въ ихъ составъ, сохраняютъ значеніе начинательнаго состоянія, такъ какъ значеніе детерминативное не сочетается съ значеніемъ начинательнаго состоянія, а значеніе результативное въ соединеніи съ значеніемъ начинательнаго состоянія можетъ быть только общимъ результативнымъ значеніемъ, т. е. такимъ, въ которомъ не различаются результативное значеніе 1-го рода и результативное значеніе 2-го рода. Сравн. сказанное мною выше по поводу балтійскихъ сложныхъ основъ совершеннаго вида, заключающихъ въ себѣ простыя глагольныя основы начинательнаго состоянія.

Въ связи съ балтійскими и славянскими глагольными основами «недлительнаго», т. е., по моему опредѣленію, совершеннаго, вида проф. Ульяновъ разсматриваетъ также и значенія личныхъ и неличныхъ формъ въ глагольныхъ словахъ, имѣющихъ такія основы (стр. 66—102 и 198—228). И здѣсь авторъ собралъ матеріалъ изъ текстовъ и высказалъ много новыхъ соображеній, которыя и тамъ, гдѣ не кажутся убѣдительными, во всякомъ случаѣ заставляютъ читателя подумать надъ фактами, до сихъ поръ очень мало изслѣдованными.

Я не буду останавливаться на подробномъ разборѣ этихъ страницъ въ изслѣдованіи проф. Ульянова и ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу того, что говоритъ авторъ о значеніи балтійскихъ и славянскихъ глаголовъ съ такими осно-

вами въ формѣ настоящаго времени въ простыхъ предложеніяхъ. Въ балтійскихъ языкахъ проф. Ульяновъ находитъ самымъ обычнымъ значеніемъ въ этихъ случаяхъ значеніе «сочетаемости признака съ субъектомъ» («при отрицаніи — несочетаемость», стр. 68); также и въ славянскихъ языкахъ онъ прежде всего указываетъ въ такихъ случаяхъ на то-же значеніе «сочетаемости (resp. несочетаемости) признака съ субъектомъ» (стр. 190). Это значеніе, являющееся лишь въ глаголахъ отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ (т. е. совершеннаго вида, по моему опредѣленію), авторъ отдѣляетъ отъ употребленія формы наст. вр. какъ такой, которая не обозначаетъ времени, въ глаголахъ отъ основъ съ «длительнымъ» значеніемъ (т. е. несовершеннаго вида), а равно и отъ основъ, имѣющихъ въ чередованіи значенія «недлительности» и «длительности» [1]); значеніе сочетаемости признака съ субъектомъ уже не заключается, по мнѣнію проф. Ульянова, въ этой глагольной формѣ, не обозначающей времени (стр. 72). Едва-ли, однако, можно согласиться съ авторомъ. Вѣдь и глаголы отъ основъ несовершеннаго вида, съ «длительнымъ» значеніемъ по автору, могутъ обозначать въ формѣ наст. вр. сочетаемость признака съ извѣстнымъ субъектомъ (напр. «онъ читаетъ» = «онъ можетъ читать», «онъ не пишетъ» = «онъ не можетъ писать»), и въ этомъ отношеніи нѣтъ, я думаю, различія между глаголами несовершеннаго и совершеннаго вида. Форма наст. вр., не имѣющая значенія времени, т. е. форма наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго наклоненія, обозначаетъ открываемое въ мысли (въ сужденіи) говорящаго сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ (съ извѣстнымъ классомъ субъектовъ) какъ существующее въ дѣйствительности, т. е. собственно не какъ только представляемое въ мысли говорящаго, въ отличіе отъ формы всякаго косвеннаго наклоненія, обозначающей сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ какъ представляемое

1) Я не нахожу въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ этого чередованія значеній; см. стр. 84.

лишь въ мысли говорящаго, не какъ извѣстное изъ дѣйствительности. Понятно, что въ значеніе сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ внѣ какого-либо опредѣленнаго времени входятъ и значеніе повторяющихся случаевъ сочетанія этого признака съ даннымъ субъектомъ (съ даннымъ классомъ субъектовъ) и значеніе сочетаемости признака съ этимъ субъектомъ. Поэтому въ глаголахъ, имѣющихъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго наклоненія, можетъ выдѣляться та или другая изъ составныхъ частей значенія этой формы, безъ отношенія къ различію между совершеннымъ и несовершеннымъ видомъ глагола, а различіе въ употребленіи этой формы наст. вр. въ тѣхъ и другихъ глаголахъ состоитъ, я думаю, въ томъ, что глаголы совершеннаго вида въ такой формѣ наст. вр. обозначаютъ или отдѣльный случай сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ или сочетаемость признака съ даннымъ субъектомъ по отношенію къ отдѣльному случаю, между тѣмъ какъ глаголами несовершеннаго вида въ той-же формѣ наст. вр. не обозначается отдѣльный случай въ сочетаніи признака съ субъектомъ, и точно такъ-же сочетаемость признака съ субъектомъ является обозначаемою безъ отношенія къ отдѣльному случаю.

Форма наст. вр., обозначающая, дѣйствительно, настоящее время, и при томъ именно въ ея обычномъ значеніи, не можетъ употребляться въ глаголахъ совершеннаго вида, такъ какъ при обычномъ значеніи наст. вр. въ глаголахъ сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ обозначается какъ относимое говорящимъ къ продолжающейся теперь смѣнѣ моментовъ времени, вслѣдствіе чего и оба результативныя значенія и детерминативное значеніе совершеннаго вида не соединяются съ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголѣ. Однако, и въ балтійскихъ и въ славянскихъ языкахъ глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. могутъ получать также и значеніе дѣйствительнаго настоящаго времени, но только не то, которое я назвалъ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголахъ, а именно глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. могутъ обозначать готовность со-

четанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ какъ относимую говорящимъ къ настоящему времени, т. е. ту готовность (при отрицаніи неготовность и неспособность), которая переходитъ далѣе въ дѣйствительное сочетаніе признака съ даннымъ субъектомъ. Случаи такого употребленія формы наст. вр. въ глаголахъ совершеннаго вида (отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ, по автору) указаны проф. Ульяновымъ на стр. 72 и 195—196, и я долженъ замѣтить, что я пришелъ къ высказываемому мною здѣсь мнѣнію подъ непосредственнымъ вліяніемъ указаній автора, хотя проф. Ульяновъ нѣсколько иначе опредѣляетъ значеніе, принадлежащее такому употребленію формы наст. вр., а именно онъ находитъ въ этихъ случаяхъ значеніе готовности сочетанія признака съ субъектомъ и прибавляетъ, что это значеніе иногда совпадаетъ съ значеніемъ будущаго времени, но на присутствіе въ такихъ случаяхъ значенія наст. вр. авторъ не обратилъ вниманія. Ясно, однако, что напр. литовск. pasakaĩ въ указанномъ у автора мѣстѣ (изъ Liėtuv. Dajnos Юшкевича № 755, 3—5): Bernužėli,.... Pasakýk ma tėsą;—Mergužėlė,.... Taj pasakaĩ tėsą имѣетъ значеніе существующей въ настоящее время готовности сочетанія признака съ даннымъ субъектомъ; проф. Ульяновъ переводитъ здѣсь pasakaĩ (pasakaũ): «готовъ сказать» или «скажу». Замѣчу, что сюда-же принадлежатъ и нѣкоторые литовскіе примѣры, отнесенные авторомъ къ случаямъ употребленія формы наст. вр. въ значеніи сочетаемости признака съ субъектомъ; напр. ne pasėdžiu «не могу усидѣть», «не усижу» (теперь) въ стихѣ: Szirdìs álpsta, ákys témsta, Ne pasėdžiu ant žirgėliu (=žirgėlio) (Liėtuv. Dajnos Юшкевича № 199, 22) или ne pàsiuva «не можетъ сшить», «не сошьетъ» (dabaĩ, теперь) въ примѣрѣ изъ сказки: tìk dabàr nėkas nepàsiuva sùkniu (Litauische Volkslieder und Märchen Лескина и Бругмана, стр. 249). Сравн. также сказанное мною выше, стр. 72, относительно pàganau, которое встрѣчается именно въ одномъ мѣстѣ въ сборникѣ Бецценбергера «Litauische Forschungen», стр. 93: gànu, gànu àvẽlis...., vèlks

stân ùsz tvârâs, àsz tâ vèlk' nèbejaus, sàvo àvis pàganau (близко къ значенію «буду пасти»). Изъ славянскихъ языковъ проф. Ульяновъ приводитъ случаи такого употребленія формы наст. вр. въ глаголахъ совершеннаго вида (отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ, по автору) преимущественно въ соединеніи съ отрицаніемъ [1]), напр. въ русск. «Ужь ты что же, Иванушка Г., хлѣба-соли со мной не покушаешь?» Сравн. не отдадутъ и не возмутъ въ томъ мѣстѣ изъ русскаго текста XVI в., которое приведено мною выше, стр. 112, изъ Исторической Грамматики Буслаева; такъ-же объясняются не дадутъ и не дадите въ примѣрахъ, указанныхъ въ томъ-же параграфѣ въ Исторической Грамматикѣ (II, 130, изъ грамоты 1483 г.): «Игуменъ Лаврентей и старцы Кузмодемьянскіе насъ шестой части въ Перервѣ рѣки лишаютъ, а проѣзду намъ не дадутъ»; «отвѣчайте, почему вы игумена Тарасья и старцовъ Снѣтогорскихъ въ Перервѣ рѣки лишаете шестой доли, а проѣзда имъ не дадите [2])». Совершенно вѣрно замѣчаніе проф. Ульянова относительно того, что съ этимъ значеніемъ «готовности» (но только, прибавлю, съ значеніемъ «готовности, существующей въ настоящее время») находится въ связи и значеніе будущаго времени въ славянскихъ языкахъ въ той формѣ глаголовъ совершеннаго вида (отъ основъ съ значеніемъ «недлительнымъ», по автору), которая по происхожденію была формою наст. вр. Тотъ-же процессъ образованія значенія будущ. вр. изъ значенія «готовности, существующей въ настоящее время», мы на-

1) Примѣры, указываемые авторомъ для глаголовъ безъ отрицанія, могутъ быть понимаемы и иначе, съ значеніемъ будущаго времени.

2) Кромѣ того, въ Исторической Грамматикѣ приведены изъ памятниковъ съ XIV в. и такіе случаи, какъ: «се дасть Иванъ Михайловичь»; «се дастъ Посадникъ Великаго Новагорода», гдѣ дасть, дастъ будто-бы вмѣсто «даетъ», но, вѣроятно, въ дасть, дастъ здѣсь форма аориста, не наст. вр. Поэтому ссылка проф. Ульянова (стр. 170) на это мѣсто въ Историч. Грамматикѣ для доказательства того, что основа дад-, да- въ древнерусскомъ языкѣ довольно часто являлась «длительною» (т. е. несовершеннаго вида), не имѣетъ значенія, а съ не дадущимъ въ примѣрѣ у автора на стр. 170 сравн. такіе случаи, какъ «что вдадуче» на стр. 216.

ходимъ и въ такъ-называемыхъ описательныхъ формахъ будущ. вр. въ различныхъ языкахъ, напр. въ старославянскихъ образованіяхъ будущ. вр. при посредствѣ глаголовъ хоштж, имамь. Сходный, хотя и не тождественный, процессъ образованія значенія будущ. вр. существовалъ и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; здѣсь эта форма произошла изъ формы наст. вр. глаголовъ, имѣвшихъ въ основѣ такую словообразовательную форму (съ суффиксомъ *sja*[e/]), которою въ данномъ признакѣ обозначалась готовность сочетанія съ субъектомъ; въ причастіи отъ той-же основы, а также и въ формѣ прош. вр. (являющейся въ др. индійск. языкѣ напр. въ abharišyat) эта словообразовательная форма продолжала сохраняться и въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго языка. Сравн. у проф. Ульянова стр. 270 и слѣд.; взглядъ автора на происхожденіе индоевропейской формы будущ. вр. близокъ къ моему, но я не вижу основанія признавать въ этой формѣ принадлежность только нѣкоторыхъ глаголовъ (съ основами «недлительными ингрессивными», по автору) и продолжаю думать, что значеніе «готовности» существовало здѣсь въ самой словообразовательной формѣ, а не въ особаго рода формахъ наст. и прош. вр., какъ думаетъ авторъ. Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ употребленіе формы наст. вр. глаголовъ совершеннаго вида съ значеніемъ «готовности, существующей въ настоящее время», т. е. съ значеніемъ извѣстнаго рода наст. вр. (такое наст. вр. могло бы быть называемо «предбудущимъ» временемъ), произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. обозначаютъ сочетаемость признака съ извѣстнымъ субъектомъ (безъ отношенія къ времени), и подъ вліяніемъ, съ другой стороны, употребленія формы наст. вр. съ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголахъ несовершеннаго вида. Иначе думаетъ авторъ, на взглядъ котораго «литовско-славянское перфективное praesens» въ его различныхъ значеніяхъ «по происхожденію есть injunctivus отъ аористическихъ основъ» (см. стр. 315 и слѣд., 326 и слѣд.), а въ индоевропейскомъ

инъюнктивѣ проф. Ульяновъ видитъ форму общаго косвеннаго наклоненія, отличавшуюся отъ формъ сослагательнаго и желательнаго наклоненія, выражавшихъ «частныя различія» общаго значенія косвеннаго наклоненія (стр. 321); и съ этимъ мнѣніемъ автора, относительно значенія индоевропейскаго инъюнктива, я также не могу согласиться (инъюнктивъ въ тѣхъ образованіяхъ, которыя не получили значенія повелительнаго наклоненія, совпадалъ по значенію съ конъюнктивомъ, сослагательнымъ наклоненіемъ) [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе косвеннаго наклоненія (см. у меня выше, стр. 138) я отличаю отъ того значенія сочетаемости признака съ извѣстнымъ субъектомъ, какое можетъ являться въ глаголахъ (совершеннаго и несовершеннаго вида), имѣющихъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго, т. е. не косвеннаго, наклоненія, безъ отношенія къ времени, да и самъ авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. на стр. 192—193 и на стр. 313, не смѣшиваетъ эти значенія.

Неудачными кажутся мнѣ попытки проф. Ульянова объяснить латышскія повелительныя формы 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч., а также и литовскія образованія повелительной формы 2-го л. ед. ч. безъ -ki, напр. въ ved, dûdi, изъ формъ наст. вр. глаголовъ совершеннаго вида, т. е., по автору, глаголовъ съ «недлительными» основами (стр. 72 и слѣд.). Проф. Ульяновъ не показалъ, что эти повелительныя образованія возникли сперва именно въ глаголахъ съ такими основами (а въ основахъ несложныхъ въ балтійскихъ языкахъ я вообще не вижу основъ совершеннаго вида) и, кромѣ того, оставилъ безъ разъясненія тотъ фактъ, что во 2-мъ л. ед. ч. этихъ повелительныхъ формъ конечное *i* изъ *ë* является подвижнымъ, отпадающимъ, и въ литовскомъ и въ ла-

1) Авторъ въ примѣчаніи на стр. 321 говоритъ, что и я (въ лекціяхъ) считаю вѣроятнымъ признавать за формою инъюнктива значеніе «формы общаго косвеннаго наклоненія», но я высказывалъ такое предположеніе относительно той эпохи, когда не различались еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ сослагательное и желательное наклоненіе, т. е. когда инъюнктивъ могъ быть единственною формою косвеннаго наклоненія.

тышскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ фонетически конечное *i* изъ сокращенія *ë* не должно здѣсь отпадать (и не отпадаетъ напр. во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр.); не убѣдительно и мнѣніе автора относительно происхожденія латышск. -it и -ët во 2-мъ л. множ. ч. изъ -at подъ вліяніемъ формы 2-го л. ед. ч. Мой взглядъ на всѣ эти образованія совершенно иной. Въ повелительной формѣ глаголовъ тематическаго спряженія въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ, по моему мнѣнію, совпали индоевропейскія формы повелительнаго и желательнаго наклоненія; въ литовскомъ языкѣ сюда принадлежатъ именно повелительныя образованія 2-го л. ед. ч. безъ -ki, а въ латышскомъ повелительныя образованія 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч. [1]). Индоевропейскія повелительныя формы 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч. въ литовско-латышскую эпоху существовали въ образованіяхъ на -*a* въ ед. ч., на -ate во множ. ч. глаголовъ съ основами на литовско-латышское *a* (изъ индоевроп. основъ на $a^{e/o}$) и въ образованіяхъ на -*i*, -ite глаголовъ съ основами на литовско-латышское *i* (изъ индоевроп. основъ на $ia^{e\,o}$); въ производныхъ глаголахъ тематическаго спряженія съ основами наст. вр. на литовско-латышск. $\bar{a}^o$ (изъ индоевроп. основъ на $\bar{a}^a\,ia^{e/o}$) соотвѣтственныя образованія оканчивались, вѣроятно, на литовско-латышск. -$\bar{a}^o$, -$\bar{a}^o$te. Въ повелительной формѣ 2-го л. множ. ч. изъ литовско-латышск. -ate, -ite получились латышскія -at, -it, которыя здѣсь смѣшались, т. е. являются въ однихъ и тѣхъ-же глаголахъ (-it, впрочемъ, не употребляется въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ корень оканчивающійся на *k* или *g*), точно такъ же какъ и въ наст. вр. во 2-мъ и 1-мъ лицахъ множ. ч. мы находимъ въ латышскомъ языкѣ при образованіяхъ на -at, -am также и образованія на -it, -im (послѣд-

1) Въ литовскомъ языкѣ повелительная форма 2-го л. множ. ч. безъ -ki- извѣстна изъ старыхъ текстовъ только изъ žinait (въ одномъ текстѣ); основа здѣсь изъ индоевроп. основы желательнаго наклоненія (см. Бецценбергера Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache, стр. 223). Свенцянская повелительная форма 2-го л. множ. ч. безъ -ki- въ тѣхъ примѣрахъ, какіе указаны у Вольтера (Литовскій катихизисъ Даукши, стр. LXXXV), образована изъ формы 2-го л. ед. числа.

нія въ глаголахъ съ корнемъ не на *k* или *g*), объясняющіяся смѣшеніемъ основъ на *a* и *i*. Литовско-латышск. -ā°te во 2-мъ л. множ. ч. повелительной формы производныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на литовско-латышск. *ā°* въ латышскомъ языкѣ не сохранилось и замѣнено новообразованіемъ по аналогіи непроизводныхъ глаголовъ, такъ-же какъ и въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ множ. ч. наст. вр. старыя формы этихъ глаголовъ замѣнены подобными-же новообразованіями. Въ литовско-латышской повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. на *-a*, *-i* эти гласныя въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ должны были стать подвижными [1]); такъ объясняется напр. литовск. и латышск. ved изъ *veda, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, или литовск. veizd (weyzd въ старомъ текстѣ) изъ *veizdi, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а также напр. stā въ свенцянскомъ говорѣ (см. Вольтера Литовскій катихизисъ Даукши, стр. LXXXV) изъ *stovi, *stoų, сравн. литовск. stó изъ stóvi, stoų въ 3-мъ л. наст. вр. (см. выше, стр. 16 прим.) [2]). Литовско-латышская повелительная форма 2-го л. ед. ч. на *-ā°* производныхъ глаголовъ съ литовско-латышскими основами наст. вр. на *ā°* въ латышскомъ языкѣ не сохранилась, а въ литовскомъ, можетъ быть, вошла въ составъ новаго образованія повелительной формы на -ki, если по образцу именно формы на -oki глаголовъ на -au, -oti явились въ другихъ глаголахъ подобныя-же новообразованія повелительной формы съ -ki, приставлявшимся къ основѣ инфинитива (поэтому

1) Относительно литовскаго языка надо замѣтить, что подвижность этихъ гласныхъ должна была быть здѣсь бо́льшею, чѣмъ подвижность конечнаго *a* въ формѣ 3-го л. наст. вр., такъ какъ въ послѣдней формѣ *-a* было защищаемо вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ формъ (множ. и двойств. ч.) отъ той-же основы; *-i* въ окончаніи 3-го л. наст. вр. имѣетъ бо́льшую подвижность, чѣмъ *-a*, вслѣдствіе стремленія отличать форму 3-го л. на *-i*, съ подвижнымъ *i*, отъ формы 2-го л. ед. ч.

2) Повелит. форма 2-го л. ед. ч., подобная свенцянск. stā, извѣстна была и Михалону (въ XVI в.), который въ числѣ латинскихъ словъ, сходныхъ съ литовскими, указывалъ на латинск. sta; см. мою замѣтку въ Kuhn's Beiträge VIII, 113 и слѣд. (на стр. 113 въ цитатѣ изъ Михалона здѣсь опечатки въ meretus и immeretus, надо читать: merctus и immerctus).

напр. veĩski отъ основы инфинитива vers- въ veĩsti). Въ литовско-латышскихъ образованіяхъ повелительной формы изъ индоевроп. желательнаго наклоненія форма 2-го л. множ. ч. глаголовъ тематическаго спряженія оканчивалась на -ēte, гдѣ *ē* съ прерывистою долготою изъ индоевроп. $a^{o}i̯$ (сравн. литовск. -*ẽ* въ окончаніи 3-го л. permissiv'a), а въ производныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на литовско-латышск. $\bar{a}^{o}$ изъ -$\bar{a}^{o}$-ēte получалось фонетически -a$i̯$te (изъ -$\bar{a}^{o}i̯$te). Въ латышскомъ языкѣ отсюда -ēt и -ait, которыя смѣшиваются въ употребленіи, т. е. напр. въ непроизводныхъ глаголахъ при -ēt извѣстно и -ait, а такъ какъ латышская повелительная форма 2-го л. множ. ч. въ другихъ окончаніяхъ, -at и -it, совпадаетъ по звуковой сторонѣ съ формою 2-го л. множ. ч. наст. вр. на -at и -it, то потому понятно, что окончанія -ēt и -ait получили возможность переноситься и въ форму наст. вр. Литовско-латышская повелительная форма 2-го л. ед. ч. изъ индоевроп. формы желательнаго наклоненія оканчивалась въ глаголахъ тематическаго спряженія на -*ē*, имѣвшее длительную долготу, а это образованіе, вмѣсто образованія на -ēs, гдѣ *ē* должно было имѣть прерывистую долготу (какъ и вообще въ основѣ стараго желательнаго наклоненія), явилось вслѣдствіе того, что окончаніе 2-го л. ед. ч. изъ индоевроп. -*s* здѣсь, какъ и въ формѣ прошедшаго времени (см. выше, стр. 41 прим.), замѣнилось въ балтійскихъ языкахъ окончаніемъ 2-го л. ед. ч. въ наст. вр.; въ производныхъ глаголахъ тематическаго спряженія съ основами наст. вр. на литовско-латышск. $\bar{a}^{o}$ повелительная форма 2-го л. ед. ч. при такомъ образованіи оканчивалась поэтому на -a$i̯$, изъ -$\bar{a}^{o}$-ē. Изъ литовско-латышской повелительной формы на -a$i̯$ этихъ производныхъ глаголовъ мы находимъ и въ литовскомъ языкѣ форму на -ai, напр. въ ischklausai въ старомъ текстѣ (см. Бецценбергера Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache, стр. 223), а литовско-латышская повелительная форма на -*ē*, имѣвшее длительную долготу, должна была и въ латышскомъ и въ литовскомъ языкѣ фонетически измѣниться въ форму на -*ī* неподвижное (въ литов-

скомъ это *ŕ* изъ сокращенія конечнаго *ë* именно съ длительною долготою); сравн. то-же явленіе въ тождественной по звуковой сторонѣ формѣ 2-го л. ед. ч. наст. вр. Понятно, что въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *i* эта повелительная форма 2-го л. ед. ч. на *-i* изъ *-ë* должна была совпасть съ тою повелительною формою на подвижное *-i*, о которой я говорилъ выше, и потому въ этихъ глаголахъ получилось въ результатѣ одно образованіе повелительной формы 2-го л. ед. ч., именно на подвижное *-i*. Легко понять также и то, что и въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *a* образованіе повелительной формы на *-i*, изъ *-ë*, могло совпасть съ образованіемъ повелительной формы безъ гласной въ концѣ, т. е. съ отпавшимъ конечнымъ *a*, въ одной формѣ; напр. въ литовскомъ языкѣ параллельныя образованія повелительной формы **bẽgi* и **bẽg* (изъ **bẽga*), а также **vedì* и *ved* (изъ **veda*) могли являться однородными для сознанія говорящихъ съ такими случаями, какъ **sẽdi* и **sẽd* въ повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. и *sẽdi* и *sẽd* въ формѣ 3-го л. наст. вр., и вслѣдствіе этого повелительныя образованія на *a*, напр. **veda*, бывшія въ данную эпоху болѣе рѣдкими, чѣмъ образованія типа *ved* (изъ **veda*), вышли изъ употребленія, такъ какъ *ved* связалось съ *vedi* какъ сокращеніе формы *vedi*. Эти литовскія образованія 2-го л. ед. ч. повелительной формы глаголовъ тематическаго спряженія извѣстны намъ по бо́льшей части безъ гласной въ концѣ, напр. *ved*, *gelb* и др., и въ старыхъ текстахъ, кажется, только одинъ разъ встрѣчается форма на *i*, именно въ *vedi* въ Forma chrikstima (*uschrischi* въ ne *uschrischi* напр. въ катихизисѣ 1547 г. допускаетъ другое объясненіе, см. у Бецценбергера тамъ-же, стр. 222 примѣч.)[1]). Въ повелительной формѣ *dûdi* въ старыхъ текстахъ конечное *i* обыкновенно сохранялось (хотя извѣстно было и *dûd*, подъ влія-

1) Впрочемъ, Михалонъ долженъ былъ знать въ литовскомъ языкѣ повелительныя образованія **sẽdi* и **verti*, такъ какъ онъ приводитъ латинск. *sede* и *verte* какъ слова имѣющія то-же значеніе и въ литовскомъ языкѣ; сравн. примѣч. на стр. 145.

ніемъ ved при vedi и т. д.), но dûdi и по происхожденію должно быть отдѣляемо отъ vedi, ved и т. д.; при повелительной формѣ dûdi не было получено параллельное образованіе *dûda, *dûd, такъ какъ это dûdi по происхожденію есть форма стараго желательнаго наклоненія отъ основы нетематическаго спряженія, литовск. dûd-, и находится въ связи, слѣдовательно, съ формою 3-го л. permissiv'a te-dûdi въ старыхъ текстахъ (см. примѣры для tedûdi у Бецценбергера тамъ-же, стр. 209); въ повелит. формѣ 2-го л. ед. ч. dûdi, изъ стараго желательнаго наклоненія, конечное *i* непосредственно изъ *ë* съ длительною долготою, такъ какъ и здѣсь индоевроп. окончаніе 2-го л. ед. ч. *-s* было замѣнено окончаніемъ 2-го л. ед. ч. наст. вр. Съ этими литовскими dûdi, te-dûdi сравн. старослав. повелительныя формы, изъ старыхъ формъ желательнаго наклоненія, въ дадите и даждь; объ отношеніи по происхожденію общеслав. ь въ старослав. даждь къ общеслав. *ī* въ старослав. дадите, а также въ старослав. би въ условномъ наклоненіи глагола бъıти, и о связи этого общеслав. *ī* съ балтійскимъ *i* въ te-dûdi и въ основѣ желательнаго наклоненія на *tumbi* я надѣюсь говорить въ другомъ мѣстѣ (сравн. общеслав. *ī* въ основахъ наст. вр., напр. въ старослав. сѣди-, при балтійскомъ *i*, напр. въ литовск. sėdi-).

Итакъ, мнѣніе проф. Ульянова о происхожденіи повелительной формы въ латышскомъ и литовскомъ языкахъ изъ формы наст. вр. глаголовъ съ «недлительными» основами», т. е. съ основами совершеннаго вида, не представляется мнѣ вѣроятнымъ. Авторъ думаетъ, что и въ славянскихъ языкахъ форма наст. вр. именно глаголовъ съ «недлительными» основами (или съ такими, которыя могутъ соединять въ себѣ значенія «недлительности» и «длительности») получала въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе повелительной формы (стр. 197 и слѣд.), но и это положеніе проф. Ульянова остается на мой взглядъ недоказаннымъ; такъ, изъ примѣровъ, указанныхъ авторомъ на стр. 197, видно, что въ старославянскихъ текстахъ употребленіе формы наст. вр. съ значеніемъ повелительной формы встрѣчается также и въ глаголахъ

несовершеннаго вида, т. е. не находится въ связи съ тѣмъ видовымъ значеніемъ, которое авторъ называетъ «недлительнымъ», а случаи, приведенные на стр. 198 и слѣд., допускаютъ и другое толкованіе, и напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ въ Мар. ев. (Матѳ. 15,4): иже зълословитъ отца ли матерь, съмрътьıж оумьретъ едва-ли можно видѣть въ оумьретъ повелительное значеніе, «τελευτάτω», и предполагать, что это оумьретъ тождественно по значенію съ да оумьретъ въ томъ-же мѣстѣ въ Зогр. ев.

Изслѣдованіе проф. Ульянова о значеніяхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ содержитъ въ себѣ такъ много новыхъ взглядовъ на различные факты этихъ языковъ, а частью и другихъ въ индоевропейской семьѣ, что мой предшествующій разборъ далеко не знакомитъ еще со всѣмъ тѣмъ, что даетъ трудъ почтеннаго профессора; думаю, однако, что я не оставилъ безъ вниманія главнѣйшія положенія автора относительно значеній балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основъ и при этомъ въ достаточной степени указалъ на то, что далеко не все въ общихъ и частныхъ положеніяхъ автора представляется мнѣ доказаннымъ или не требующимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ поправокъ. При оцѣнкѣ труда проф. Ульянова необходимо принимать во вниманіе прежде всего то обстоятельство, что автору приходилось здѣсь очень часто пролагать новые пути, т. е. собирать матеріалъ и сопоставлять его съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія; только для главы о славянскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ различія по видамъ, авторъ имѣлъ передъ собою область до нѣкоторой степени разработанную, хотя и здѣсь онъ внесъ новое освѣщеніе фактовъ и собралъ самъ новый матеріалъ, а въ прочихъ главахъ, посвященныхъ балтійскимъ и славянскимъ глагольнымъ основамъ, проф. Ульяновъ долженъ былъ создавать почти все вновь, такъ какъ относительно литовскихъ и латышскихъ основъ, обозначающихъ различія по видамъ, онъ находилъ въ существующей лингвистической литера-

турѣ лишь очень краткія и далеко не ясныя указанія, а въ главахъ о балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ различіе между глаголами состоянія и дѣйствія, самое опредѣленіе такого соотношенія по значенію извѣстныхъ основъ впервые дано авторомъ, вслѣдствіе чего здѣсь требовался и новый подборъ матеріала. Значеніе труда проф. Ульянова я оцѣниваю не только со стороны тѣхъ выводовъ, къ какимъ приходитъ авторъ, но и по отношенію къ самому процессу изслѣдованія въ новой, неразработанной области; авторъ нерѣдко и тамъ, гдѣ не убѣждаетъ, наводитъ читателя на новыя мысли, открываетъ новыя перспективы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я признаю очень цѣнными и нѣкоторые главные результаты изслѣдованія проф. Ульянова, хотя и расхожусь съ авторомъ во взглядѣ на тѣ или другія стороны опредѣляемыхъ имъ фактовъ. Такъ, по моему мнѣнію, важнымъ и вѣрнымъ въ значительной степени является одно изъ главнѣйшихъ положеній, доказываемыхъ авторомъ въ первой части изслѣдованія, именно относительно значенія формы балтійскихъ глагольныхъ основъ на $i : \bar{e}$ (литовск. *ė*), славянскихъ на $i : \check{e}$ (старослав. *и* : *ѣ*), равно какъ и относительно связи этихъ литовско-славянскихъ основъ съ образованіями другихъ индоевропейскихъ языковъ, хотя я не согласенъ съ авторомъ въ томъ, что̀ онъ говоритъ о залогѣ въ глаголахъ съ такими основами. Изъ основъ глаголовъ состоянія проф. Ульяновъ выводитъ и основы прошедшаго времени въ балтійскихъ языкахъ и имперфекта въ славянскихъ; я не раздѣляю этого взгляда автора, но схожусь съ нимъ въ мнѣніи относительно того, что форма прошедшаго времени въ балтійскихъ языкахъ образовалась изъ формы прошедшаго времени (не аориста, однако, какъ думаетъ авторъ) глаголовъ съ производными основами на индоевроп. $\bar{a}^s$ и $\bar{a}^a$ и что славянскій имперфектъ находится въ связи по происхожденію со старымъ аористомъ глаголовъ съ тѣми-же производными основами, хотя въ подробностяхъ наши взгляды на эти вопросы значительно разнятся между собою. Во второй части изслѣдованія проф. Ульянова я признаю чрезвычайно важнымъ впервые

данное здѣсь указаніе на то, что въ балтійскихъ сложныхъ (т. е. сложенныхъ съ приставками) глагольныхъ основахъ должны быть различаемы по отношенію къ виду въ глаголѣ два класса основъ, въ связи съ извѣстнымъ общимъ различіемъ въ значеніи приставокъ. Только теперь, послѣ этого указанія, становится возможнымъ изученіе «перфективнаго» («совершеннаго») вида въ славянскомъ глаголѣ въ соотношеніи съ «перфективнымъ» видомъ глагола въ балтійскихъ языкахъ; но я не могу согласиться со взглядомъ автора на общее значеніе этого вида, опредѣляемаго имъ въ качествѣ вида недлительнаго, въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ. Цѣннымъ и по большей части совершенно новымъ является въ двухъ главахъ второй части анализъ значеній балтійскихъ и славянскихъ формъ глагола, образуемыхъ отъ основъ «перфективнаго» вида. По вопросу о происхожденіи балтійскихъ и славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ съ значеніемъ «перфективнаго» вида, равно какъ и соотвѣтствующихъ имъ готскихъ сложныхъ основъ, я считаю вѣрнымъ указаніе проф. Ульянова на связь этихъ образованій съ тѣмъ употребленіемъ предложныхъ частицъ въ сочетаніи съ глаголами, какое существовало еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, такъ какъ еще здѣсь, конечно, предложныя частицы въ сочетаніи съ глаголами опредѣляли, между прочимъ, «различныя направленія въ самомъ развитіи признака», обозначавшагося глагольною основою (вторая часть, стр. 305 и слѣд.).

Признавая вмѣстѣ съ учеными спеціалистами [1]) важное значеніе труда проф. Ульянова для изслѣдованія балтійскихъ и славянскихъ языковъ, я осмѣливаюсь выразить надежду, что Академія Наукъ найдетъ справедливымъ наградить это сочиненіе Ломоносовскою премією, какъ такой трудъ, который существенно обогащаетъ науку.

---

1) См. рецензіи этого сочиненія въ Archiv für slavische Philologie XIV, 613; XVII, 607 и въ Indogermanische Forschungen III, 155 (здѣсь разборъ первой части).

Ф. Фортунатовъ.

Дополнительныя примѣчанія.

Въ латышскихъ словахъ я обозначаю различіе между прерывистою и длительною долготою только въ слогѣ подъ главнымъ удареніемъ (въ слогѣ безъ главнаго ударенія качество долготы опредѣляется общими правилами); при этомъ для обозначенія прерывистой долготы я употребляю знакъ ⁻̀ надъ долгими гласными (напр. ā̀) и знакъ ̀ надъ «сложными» гласными (напр. ë̀) и надъ неслоговою частью дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній на сонорную согласную (напр. aì, aṙ̀), а длительную долготу я обозначаю знакомъ ^ надъ долгими и надъ «сложными» гласными (напр. â, ê) и знакомъ ¯ надъ неслоговою частью дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній на сонорную согласную (напр. aī, aṝ), хотя неслоговая гласная дифтонга съ длительною долготою не имѣетъ сама полной долготы.

Къ стр. 8, строк. 11 сн. Авторъ имѣетъ въ виду здѣсь именно формы лица въ глаголѣ; сравн. на стр. 295: «личныя глагольныя формы, имѣя сами по себѣ формальное значеніе, именно обозначая отношеніе глагола къ самостоятельному слову въ формѣ N — v'a, получаютъ еще другое значеніе — обозначаютъ отношеніе признака къ субъекту».

Къ стр. 12, строк. 4 сн. Относительно инфинитивовъ авторъ ничего не говоритъ о томъ, какъ именно онъ опредѣляетъ въ нихъ значенія формъ «дѣйствительнаго» и «средняго» залога.

Къ стр. 14, строк. 4 сн. Въ латышскомъ языкѣ основы наст. вр. на *i* не сохранились именно какъ особый классъ основъ, отличающійся отъ основъ на *a* и на *ja*, но самое образованіе основъ на *i* здѣсь не исчезло вполнѣ, а смѣшалось съ образованіемъ основъ на *a* и на *ja*, такъ что напр. въ глаголахъ со старыми основами наст. вр. на *a* существуетъ и параллельное образованіе основъ на *i* (въ формахъ 1-го и 2-го л. мн. ч.); см. у меня на стр. 144.

Къ стр. 30, строк. 17 св. У Куршата въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ приведенъ (въ скобкахъ) глаголъ virżiu, virżėti «mit Stricken binden».

Къ стр. 40, строк. 3 сн. Среднелитовская долгота съ восходящимъ удареніемъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ изъ нѣкогда бывшей длительной долготы подъ удареніемъ является напр. въ jūs «вы» (при júsų), въ mẽs «мы (*ẽ*, не *ẽ̃*, изъ пралитовскаго полудолгаго *e* съ восходящимъ удареніемъ, а это полудолгое *e* изъ литовско-латышскаго *ē* съ длительною долготою, замѣнившаго собою *ẽ̃* подъ вліяніемъ *ū* съ длительною долготою въ литовско-латышск. *jūs «вы»), въ именит. пад. ед. ч. на -ỹs, напр. въ arklỹs (при -ỹs въ положеніи безъ ударенія) [1]), а также напр. въ окончаніи 3-го л. будущ. вр. въ такихъ случаяхъ, какъ: aĩs, keliaũs, sėdẽs [2]) žinõs и т. под. (напр. въ Владиславовскомъ уѣздѣ Сувалкской губ.), при árs̃iu, keliáus̃iu, sėdės̃iu, žinós̃iu и т. д., между тѣмъ какъ въ bũs и діалектич. rỹs, lỹs (напр. въ годлевскомъ говорѣ) краткая гласная изъ долгой, имѣвшей длительную долготу (сравн. búsiu, lýsiu, rýsiu и т. д.), образовалась фонетически въ положеніи безъ ударенія. Въ другихъ говорахъ, напр. у Куршата, вмѣсто aĩs, keliaũs, sėdẽs, žinõs и т. под. явились árs, keliáus, sėdės, žinós, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ формъ, какъ árs̃iu, keliáus̃iu и т. д. Замѣчу по этому поводу, что и составитель литовской грам-

1) Въ didỹsis *ỹ* однородно съ *à*, не *ã̀*, въ gerà̀sis.
2) Здѣсь -ẽs вмѣсто -ẽ̃s подъ вліяніемъ *é* въ sėdė́siu и т. д.

матики 1737 г. «Universitas linguarum Lituaniae in principali ducatus ejusdem dialecto grammaticis legibus circumscripta» (Vilnae), вновь изданной въ Вильнѣ въ 1829 г. [1]), зналъ въ формѣ 3-го л. будущ. вр. въ этихъ случаяхъ также восходящее удареніе, которое онъ передавалъ знакомъ ^ (а опредѣлялъ почти такъ-же, какъ опредѣляетъ Куршатъ «geschliffene Betonung»: «accentus circumflexus notat syllabam longam pronunciandam quasi duplicando vocalem»); мы находимъ здѣсь *kalbės*, *dalis*, т. е. съ восходящимъ удареніемъ, при *kalbesiu*, *dalisiu* и т. д., съ нисходящимъ удареніемъ («litera antiqua inter cursiva posita notat syllabam longam quidem, sed diversae longitudinis a circumflexa, et cum attenuatione quadam vocis efferendam»), хотя напр. при *girsiu* (т. е. gìrsiu) и въ формѣ 3-го л. здѣсь обозначено нисходящее удареніе: *girs*. Извѣстно, что въ этой грамматикѣ впервые указано было на различные виды литовскаго долгаго ударенія, и при томъ именно на три вида долгаго ударенія (данное здѣсь опредѣленіе литовскихъ удареній перепечатано Вольтеромъ въ книгѣ «Литовскій катихизисъ Н. Даукши», стр. XXXII). Третій видъ долгаго ударенія опредѣляется здѣсь такъ: «accentus gravis non in ultima syllaba notat etiam longam ab utroque ex prioribus diversae longitudinis, et durius pronunciandam *vg. kàlba*» (съ перенесеннымъ удареніемъ сѣверныхъ говоровъ, изъ kalbà). Мнѣ кажется, что подъ третьимъ видомъ долгаго ударенія авторъ грамматики 1737 г. понималъ именно восходящее удареніе полудолгихъ гласныхъ, какъ отдѣльныхъ (*a*, *e*, *i*, *u* подъ удареніемъ изъ первоначальныхъ краткихъ гласныхъ въ слогѣ неконечномъ), такъ и въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ съ восходящимъ удареніемъ; сравн. въ жемайтскихъ говорахъ удлиненіе слоговыхъ гласныхъ въ дитонгическ. сочетаніяхъ (и въ дифтонгахъ?) съ восходящимъ удареніемъ (см. Барановскаго и Вебера Ostlitauische Texte, стр. XXIII), хотя говоръ, описываемый въ грамматикѣ 1737 г.,

1) Я пользуюсь экземпляромъ изданія 1829 г.

принадлежитъ не къ жемайтскимъ, но къ восточнолитовскимъ. Впрочемъ, въ словахъ, приводимыхъ въ грамматикѣ, вмѣсто ` въ этомъ значеніи употребляется и знакъ ^ (т. е. знакъ долгаго восходящаго удареніа), а съ другой стороны, знакъ ` надъ гласною неконечнаго слога иногда поставленъ и тамъ, гдѣ данная гласная имѣетъ нисходящее удареніе; однако, надъ *a* подъ удареніемъ, между прочимъ и въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ *ā*, здѣсь послѣдовательно употребляется знакъ `, не ^, а среднелитовскимъ *ā*, *ē*, съ полною долготою, въ восточнолитовскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ, дѣйствительно, полудолгія гласныя съ восходящимъ удареніемъ. Что же касается колебанія въ употребленіи знаковъ ` и ^ надъ *e* въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ *ē*, то оно объясняется тѣмъ, что звукъ *e* извѣстенъ былъ автору этой грамматики, между прочимъ, и долгій, именно тамъ, гдѣ гласная, которую онъ передаетъ тою-же буквою *e*, произошла изъ *ė* (знакъ ` при ^ мы находимъ и надъ *e* въ соотвѣтствіи со среднелитовск. *ẽ*), между тѣмъ какъ *a* съ полною долготою не существовало въ этомъ говорѣ. Въ отдѣльныхъ гласныхъ (т. е. не въ дифтонгахъ и не въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ) конечнаго слога авторъ грамматики не могъ обозначать полудолгое восходящее удареніе при посредствѣ знака ` и долженъ былъ употреблять вмѣсто того знакъ ^ (собственно знакъ долгаго восходящаго удареніа), такъ какъ грависъ надъ отдѣльными гласными конечнаго слога выражаетъ у него ирраціональность гласной подъ удареніемъ: «gravis accentus in ultimis syllabis positus notat eas singulari brevitate pronunciandas *vg. awìs*». Поэтому въ такихъ случаяхъ, какъ *dalìs*, *kałbês* (см. выше), *jûs*, *mês*, *arklìs* (среднелит. jūs, mēs, arklỹs) и др. нѣтъ надобности видѣть въ знакѣ ^ обозначеніе именно долгаго, а не полудолгаго, восходящаго удареніа; сравн. опредѣленія Барановскаго относительно количества гласныхъ конечныхъ слоговъ въ восточнолитовскихъ говорахъ. Надо замѣтить, что ученіе Барановскаго о количествѣ въ литовскомъ языкѣ гласныхъ, дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній выведено главнымъ образомъ изъ говоровъ

восточнолитовскаго нарѣчія и частью не примѣняется къ среднелитовскому нарѣчію; ошибаются поэтому тѣ лингвисты, которые на основаніи ученія Барановскаго исправляютъ показанія Куршата, имѣвшаго въ виду говоры среднелитовскаго нарѣчія (напр. среднелитовск. *ā* въ rãtas представляетъ, дѣйствительно, полную долготу и отличается по количеству отъ *ì* въ vìsas). Кромѣ того, мнѣ кажется, что Барановскій при опредѣленіи различій въ количествѣ принялъ за мору (˘) количество ирраціональныхъ (очень краткихъ) восточнолитовскихъ гласныхъ; поэтому его «среднее количество» («Mittelzeitigkeit»), опредѣляемое имъ какъ равное двумъ морамъ, въ дѣйствительности есть полудолгота, равняющаяся приблизительно двумъ ирраціональнымъ количествамъ (или одному краткому количеству съ дробью), а его долгота, опредѣляемая какъ равная тремъ морамъ, въ дѣйствительности равняется приблизительно тремъ ирраціональнымъ количествамъ (т. е. приблизительно двумъ краткимъ количествамъ). Отсюда объясняется и то, почему Куршатъ (который, несомнѣнно, владѣлъ тонкимъ слухомъ) опредѣлялъ напр. въ kòrtis (среднелитовск. kártis) въ говорѣ Оникштъ гласную *o* подъ ударе́ніемъ какъ краткую, между тѣмъ какъ по Барановскому, который пишетъ kórtis, это *o* имѣетъ «Mittelzeitigkeit» и равняется двумъ морамъ; Куршатъ и въ среднелитовскихъ говорахъ принималъ полудолгую гласную (т. е. равняющуюся краткой съ дробью) за краткую и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что напр. въ сочетаніяхъ ìr, ìn (т. е. съ нисходящимъ ударе́ніемъ) гласная *i* имѣетъ нѣсколько бо́льшее количество, чѣмъ *i* напр. въ vìsas.

Говоръ, описываемый въ грамматикѣ 1737 г. [1]), принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ восточнолитовскимъ, а именно это одинъ изъ тѣхъ сѣверныхъ восточнолитовскихъ говоровъ, которые имѣютъ an, не on или un, въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ an (поэтому въ грамматикѣ и *ą*, не *ǫ* или *ų*, въ соот-

1) Изъ отдѣльныхъ словъ, приведенныхъ въ этой грамматикѣ, особенно интересны глаголы *jeszku* «szukam» и *raudi* «płaczę» (стр. 47).

вѣтствіи со среднелит. *ą* и его измѣненіями). Признаки этого говора какъ восточнолитовскаго слѣдующіе: *ł* передъ *e* (напр. въ *łėkiu* «lecę», *słegiu* «przyciskam», *płeszk*), глаголъ *łaydžiu* (среднелит. lėidžiu), полудолгота *a* въ соотвѣтствіи со среднелит. *ā* (и, конечно, также полудолгота *e*, соотвѣтствующаго среднелит. *ē*), ирраціональность первоначальныхъ краткихъ гласныхъ въ конечномъ слогѣ (см. приведенное выше опредѣленіе относительно количества *i* въ *awìs*); а перенесеніе ударенія съ конечнаго слога, напр. въ *kàłba*, *sùnkus*, *sûnus* (т. е. sūnus изъ sūnûs, при именит. пад. мн. ч. *sunus*, т. е. súnus), показываетъ, что этотъ восточнолитовскій говоръ — одинъ изъ сѣверныхъ. Кромѣ того, и слѣдующее замѣчаніе автора грамматики: «si 1-ma syllaba habet accentum quemcunque, reliquae breves sunt» надо понимать, конечно, въ связи съ извѣстнымъ намъ явленіемъ сокращенія слоговъ безъ ударенія въ нѣкоторыхъ восточнолитовскихъ говорахъ (см. Барановскаго и Вебера Ostlitauische Texte).

Къ стр. 44, строк. 9 сн. Съ чередованіемъ въ литовскомъ языкѣ основъ наст. вр. на *ja* и на *i* однородно по происхожденію чередованіе основъ въ старослав. вѧжеть и въ (церк.слав.) вѧзить; авторъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ въ предисловіи, стр. IV (см. у меня стр. 2).

Къ стр. 58, строк. 13 сн. Такого-же происхожденія основа на *a* въ русск. скать глагола ску, изъ *sъkǫ, прош. вр. *sъkāāχъ, сравн. литовск. sukù «кручу, верчу», прош. вр. sukaĭ.

Къ стр. 67, строк. 16 сн. Надо замѣтить, однако, что ведійскія dās и dhās и съ значеніемъ косвеннаго наклоненія лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ *ā* распадающееся на два слога, между тѣмъ какъ обыкновенно *ā* здѣсь образуетъ одинъ слогъ; можетъ быть, въ этихъ dās и dhās совпали образованія инъюнктива, заключавшія въ себѣ *ā* со старою длительною долготою (не распадавшееся въ ведійскомъ нарѣчіи на два слога), и образованія сослагательнаго наклоненія, конъюнктива, въ которыхъ *ā*, изъ соединенія двухъ гласныхъ, имѣло нѣкогда прерывистую долготу.